3743
200
9
С - 21

Прот. П. Я. Свѣтловъ.

Проф. Университета св. Владиміра въ Кіевѣ.

РЕЛИГІЯ и НАУКА.

Издательство П. П. Сойкина
Типографія
Спб. Стремянная, 12, собств. д.

БИБЛИОТЕКА
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ
367
31

Религія и наука.

По ходячему мнѣнію невѣрія о враждѣ религіи и науки религія отрицается наукою уже въ основныхъ своихъ истинахъ бытія Бога и безсмертія души; тѣмъ болѣе отрицается тутъ христіанская религія съ вѣрою въ Божественное откровеніе, какъ ея основаніе, въ чудеса и непостижимые для разума догматы,— съ ея Библіею, наполненною, говорятъ намъ, явными противорѣчіями «несомнѣннымъ истинамъ» науки, особенно въ области астрономіи, геологіи и біологіи. Поэтому часто широкій общій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки сводится къ болѣе узкому вопросу объ отношеніи Библіи и науки къ богословской наукѣ, именно апологетикѣ, рѣшается сопоставленіемъ ученій Библіи съ данными науки и такимъ или инымъ ихъ примиреніемъ. Въ этомъ отношеніи апологетикою сдѣлано совершенно достаточно для правильной оцѣнки ходячаго мнѣнія *). Къ сожалѣнію, сдѣланное богословскою наукою въ этомъ случаѣ для уясненія истины, какъ и въ другихъ случаяхъ вообще, совершенно игнорируется и не цѣнится какъ разъ именно тѣми, которые болѣе другихъ нуждаются въ разъясненіи истины. Невѣрующіе съ презрѣніемъ отвергаютъ, обыкновенно, все, что дается вѣрующею мыслью, богословскою наукою, противополагая вѣру разуму, и вѣрятъ только въ разумъ, теперь олицетворяемый для нихъ наукою, вѣрятъ слѣпо, фанатически, дѣлая изъ уваженія къ наукѣ какой-то религіозный культъ съ превращеніемъ науки въ фетишъ и съ безсмысленнымъ поклоненіемъ ему. При такихъ обстоятельствахъ рѣшающее значеніе въ «спорѣ религіи съ наукой» для невѣрующихъ можетъ имѣть

*) См. апологетическую литературу по этому предмету въ моемъ соч. «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи» Т. I, стр. 509, изд. 3-е (Кіевъ 1910).

только голосъ науки. И я по своему опыту знаю, что обращеніемъ къ самой наукѣ, путемъ точныхъ справокъ объ отношеніяхъ ученыхъ къ религіи и о мнѣніяхъ самихъ ученыхъ по вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки дается самый дѣйствительный способъ къ рѣшенію вопроса: тутъ рѣшающей инстанціей является не вѣра, не богословіе, а сама наука,— что же еще нужно невѣрію?

Рѣшенію разсматриваемаго вопроса этимъ методомъ мною посвященъ былъ ранѣе краткій очеркъ въ моемъ соч. «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи» т. II, гдѣ разсмотрѣны были мною мнѣнія ученыхъ объ отношеніи религіи и науки, и на основаніи ихъ была установлена тройственная схема отношеній науки и религіи *). Но здѣсь предлагается болѣе исчерпывающее вопросъ изслѣдованіе во всей его полнотѣ и существенныхъ моментахъ въ слѣдующемъ содержаніи. Глава I. «Отношеніе ученыхъ къ религіи, или вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ».—Гл. II. «О невѣріи ученыхъ вообще и о невѣріи русскихъ ученыхъ въ частности».—Гл. III. «Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію невѣрующихъ ученыхъ».—Гл. IV. «Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по отзывамъ ученыхъ и такъ наз. агностиковъ».—Гл. V. «Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію вѣрующихъ ученыхъ».—Гл. VI. «Библія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по отзывамъ ученыхъ».—Гл. VII. «Чудо и наука».—Гл. VIII. «Вѣра въ безсмертіе и наука».—Гл. IX. «Источники ходячаго мнѣнія о враждѣ религіи и науки. (Заключеніе)». Изъ представленнаго содержанія очерка видно, что имъ ничего существеннаго не опущено въ полномъ и всестороннемъ рѣшеніи вопроса объ отношеніяхъ религіи и науки голосомъ науки, или ея представителей.

Предлагаемый способъ рѣшенія вопроса я не выдаю за совершенно новый: опыты рѣшенія вопроса объ отношеніяхъ религіи и науки голосомъ ученыхъ есть въ наукѣ (обозрѣніе ихъ будетъ дано далѣе въ своемъ мѣстѣ); но особенность принятаго мною способа, въ отличіе отъ другихъ, заключается въ томъ, что мы здѣсь рѣшаемъ вопросъ голосомъ не однихъ только вѣрующихъ ученыхъ, но также голосомъ невѣрующихъ и инди-

*) См. «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи», т. II, стр. 130—150, изд. 2 (Кіевъ 1912).

ферентныхъ ученыхъ. Умолчаніе объ ученыхъ двухъ послѣднихъ категорій, обычное въ другихъ опытахъ рѣшенія вопроса голосомъ ученыхъ, справедливо могло бы быть поставлено намъ въ упрекъ невѣріемъ, какъ дѣло пристрастія и односторонности. Само собою понятно, что вниманіе къ мнѣніямъ невѣрующихъ и индиферентныхъ ученыхъ имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія полноты и безпристрастія изслѣдованія; но большій и рѣшающій вѣсъ въ вопросѣ, въ концѣ концовъ, принадлежитъ голосу вѣрующихъ ученыхъ. Вѣрующіе ученые въ рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки вдвое компетентнѣе невѣрующихъ и имѣютъ надъ ними несомнѣнное преимущество. Невѣрующіе ученые по собственному своему опыту не знаютъ и не могутъ знать религіи; а такъ какъ безъ опыта ни о какой вещи нельзя знать какъ слѣдуетъ, то, другими словами, невѣрующіе ученые ничего не знаютъ о религіи и изъ двухъ членовъ сравненія, или изъ двухъ понятій, разъясненіемъ которыхъ мы занимаемся, имъ извѣстенъ одинъ членъ, одно понятіе,—наука. Вотъ почему я говорю, что невѣрующіе ученые въ нашемъ вопросѣ понимаютъ только вполовину и буквально вдвое менѣе вѣрующихъ ученыхъ.

Приводя мнѣнія невѣрующихъ и индиферентныхъ ученыхъ, я всегда провѣряю ихъ голосомъ вѣрующихъ ученыхъ, ничего не говоря о нихъ отъ себя въ качествѣ богослова. Этотъ пріемъ позволяетъ мнѣ и тутъ оставаться вѣрнымъ принятому методу рѣшенія вопроса исключительно голосомъ науки и надлежащимъ образомъ использовать для уясненія истины даже отрицательныя мнѣнія невѣрующихъ и уклончивыя мнѣнія индиферентныхъ ученыхъ.

Правильное рѣшеніе всякаго вопроса требуетъ прежде всего ясности и опредѣленности самаго вопроса; а послѣднее достигается точнымъ уясненіемъ смысла входящихъ въ вопросъ понятій. Поэтому, въ заключеніе введенія, необходимо сказать еще нѣсколько словъ о томъ, что у насъ разумѣется въ очеркѣ подъ религіею и что подъ наукою. Есть особенныя причины вниманія къ этому и принимаемой мѣры предосторожности, безъ которой весь очеркъ могъ бы потерять свою цѣнность, т. е. убѣдительность и основательность. За рѣдкими исключеніями, обыкновенно всѣ авторы изслѣдованій о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ, ихъ отношеніяхъ къ религіи, не занимаются предварительною установкою понятія о религіи, предполагаемаго ими

общеизвѣстнымъ. Это большая оплошность. Опросъ ученыхъ объ ихъ отношеніяхъ къ религіи обычнымъ путемъ анкетъ въ одномъ случаѣ, какъ мнѣ извѣстно, не далъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, потому что нѣкоторые ученые не давали никакихъ отвѣтовъ и уклонялись отъ опредѣленныхъ и ясныхъ отвѣтовъ подъ предлогомъ неясности самаго вопроса. Съ своей точки зрѣнія эти ученые справедливо въ оправданіе своей уклончивости ссылались на непониманіе ими того, что называется религіею въ вопросѣ; вѣдь общепризнаннаго и точнаго понятія о томъ, что такое религія, въ чемъ ея сущность, говорили ученые, не существуетъ... Итакъ, что же у насъ называется религіею въ предлагаемомъ очеркѣ о религіи и наукѣ?

Не вдаваясь въ подробности, будемъ кратки и ясны. Неправда, что у людей не существуетъ точно опредѣленнаго понятія о религіи въ такой степени, чтобы всякій разъ, какъ заходила бы рѣчь о религіи, требовалось поясненіе того, о чемъ мы говоримъ. По лукавому мудрованію боящихся истины и заметающихъ прямые пути къ ней кривыми разсужденіями должно выходить такъ,—тѣмъ болѣе, что разнорѣчій въ понятіи о религіи дѣйствительно много, какъ, впрочемъ, и во всемъ—тамъ, гдѣ по существу дѣла невозможна математическая и фактическая знанія? Религія—это отношеніе человѣческаго духа къ Безконечному, Безпредѣльному Духу; точнѣе—общеніе, или же стремленіе человѣка къ живому общенію съ Богомъ. Отсюда вѣра въ Бога и вѣра въ безсмертіе—это сущность религіи, то основное и существенное въ религіи, тотъ минимумъ религіи, безъ чего нѣтъ религіи въ точномъ значеніи этого слова, какъ бы ни понимались Богъ и безсмертіе, и безъ чего возможны только суррогаты религіи, неспособные замѣнить ея для сколько-нибудь развитой и живой религіозной потребности. Ученые, признающіе эти двѣ основныя истины религіи, относящіяся къ ея существу, достовѣрность знанія. Однако, если отбросить придирчивость желающихъ осложненія вопроса, дѣло здѣсь проще, чѣмъ хотятъ его представить. Твердое опредѣленное понятіе о религіи установлено безпристрастною наукою о религіи (философіею религіи); а еще тверже и лучше установлено оно простымъ общечеловѣческимъ религіознымъ сознаніемъ. Всякій вѣрующій безъ объясненій знаетъ, что такое религія; мудрятъ надъ нею лишь невѣрующіе и не желающіе вѣрить. Что же такое религія по даннымъ науки и по свидѣтельству простого религіознаго со-

тѣмъ самымъ, конечно, въ извѣстной степени признаютъ и христіанскую религію; но тѣ изъ ученыхъ признаютъ христіанскую религію во всей ея полнотѣ, которые сверхъ этихъ общихъ и основныхъ истинъ религіи признаютъ еще и спеціально христіанскія истины, какъ истины богодухновенности Библіи, Божественности І. Христа, искупленія, первороднаго грѣха, Св. Троицы. Во всякомъ случаѣ у насъ рѣчь будетъ идти объ отношеніи ученыхъ именно къ христіанской религіи, какъ идеалу религіи, будетъ ли признаніе ея ученымъ полнымъ, или же частичнымъ признаніемъ въ общихъ и элементарныхъ, основныхъ ея истинахъ. Такою постановкою вопроса только и можетъ достигаться точный и безспорный отвѣтъ на поставленный изслѣдованіемъ вопросъ, какъ наука въ лицѣ своихъ великихъ представителей относится къ религіи.

Что касается второго, входящаго въ вопросъ, понятія, именно понятія о наукѣ, то и въ этомъ отношеніи мы не оставляемъ никакого мѣста для неясности и недоразумѣній. Подъ наукою мы разумѣемъ естествознаніе въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ всю область точнаго знанія, относящагося къ природѣ, видимому міру, каковы: математика, этотъ ключъ къ естествознанію, механика, астрономія, физика, химія, минералогія, ботаника, зоологія, біологія, антропологія, медицина, геологія, метеорологія, географія.

Гл. I. Отношеніе ученыхъ къ религіи, или вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ.

«Говорить, будто руководящіе наукою ученые ирреліпіозны или что они враждебны христіанству, просто-напросто — невѣжественная нелѣпость. Такое утвержденіе могло быть сдѣлано только какимъ-нибудь сумасброднымъ болтуномъ, или же ревностнымъ фанатикомъ».

Джемсъ Гейки, проф. геологіи и минеалогіи Эдинбургскаго университета.

Противорѣчіе вѣры разуму есть одинъ изъ главныхъ догматовъ въ катехизисѣ невѣрующихъ. Религія, вѣруютъ тутъ, противорѣчитъ истинѣ, и ея ошибочность вполнѣ подтверждена и установлена наукою. Наука доказала, что Бога и чудесъ нѣтъ что безсмертіе—химера; что свобода воли — иллюзія самосознанія; что... но предоставимъ слово самимъ невѣрующимъ. «Религія, пишетъ М. Гюйо, въ началѣ представляла изъ себя просто наивную науку», была несовершенною попыткою первобытнаго ума объяснить міръ, и естественно «въ концѣ концовъ стала враждебна наукѣ» на высшихъ ступеняхъ ея развитія. Наука «несовмѣстима съ сверхъестественными откровеніями и чудесами, на которыхъ основаны религіи»... «Наука уничтожила сверхъестественное» объясненіемъ явленій природы естественными причинами, а вмѣстѣ съ тѣмъ наука уничтожила или обрекла на уничтоженіе и самую религію, все въ природѣ и исторіи объясняющую дѣйствіемъ сверхъестественныхъ силъ, «вмѣшательствомъ» боговъ въ естественный ходъ вещей. На первомъ мѣстѣ въ разрушеніи религіи «стоятъ науки физическія и астрономическія», напр., «геологія однимъ ударомъ опрокинула традиціи большинства религій. Физика убила чудеса. И то же сдѣ-

лала метеорологія, столь юная и столь много обѣщающая». Точно такъ же «историческія науки разрушаютъ религіи» указаніемъ ихъ естественнаго происхожденія изъ человѣческихъ ошибокъ... «Въ религіи долго видѣли узы, связывающія небо съ землей, залогъ единенія и надежды; но это лишь игра свѣта, оптическій обманъ, объясняемый и исправляемый наукой» *). Религія въ концѣ концовъ есть культурный пережитокъ первобытнаго времени; это призракъ суевѣрнаго и невѣжественнаго воображенія первыхъ людей, безъ остатка разсѣеваемый свѣтомъ науки. Отрицательное отношеніе ученыхъ къ религіи въ виду этого безусловно необходимо и естественно: ученый не можетъ быть вѣрующимъ человѣкомъ, и религія съ вѣрою въ Бога, въ рай, чудеса и т. п. для него невозможна. Примиреніе науки съ вѣрою есть утопическая мечта, которую надо бросить: вѣровать—значитъ отказаться отъ знанія; знать — значитъ отказаться отъ вѣры.

Съ обычною развязностью безграничнаго невѣжества это ходячее мнѣніе о враждѣ вѣры и науки предлагаетъ публикѣ подъ видомъ несомнѣнной истины и при томъ въ самомъ рѣзкомъ выраженіи «талантливый» публицистъ «Новаго Времени», г. Меньшиковъ, избалованный излишне благосклоннымъ вниманіемъ публики (вѣроятно—потому, что «на безрыбьи и ракъ рыба»). Правда, иныя вещи удаются г. Меньшикову (когда дѣло касается, напр., вопроса національнаго, еврейскаго и т. п.); но обычно почти все изрекаемое г. Меньшиковымъ тономъ непогрѣшимаго оракула по вопросамъ церковно-религіознымъ и религіозно-философскимъ есть сплошь невѣжественное чревовѣщаніе. «Ни мнѣ лично, ни человѣку изъ глубинъ народныхъ, чревовѣщаетъ г. Меньшиковъ, вовсе не нуженъ ученый попъ. Напротивъ, ученый-то попъ въ моихъ глазахъ и народныхъ всего скорѣе возбуждаетъ недовѣріе къ нему и инстинктивное отвращеніе. Вѣдь всѣ мы знаемъ, до простонародья включительно, что наука разошлась со священнымъ писаніемъ и состоитъ скорѣе во враждѣ съ нимъ, нежели въ союзѣ. Зачѣмъ лгать, зачѣмъ лицемѣрить, утверждая, какъ это дѣлаютъ многіе ученые попы, будто науку можно примирить съ вѣрой? Если бы это было

*) *М. Гюйо.* «Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе». Перев. съ франц. СПБ. 1908, стр. 357, 354, 328, 332, 134, 135, ср. 56—57, 214—215, 354, 357 и др.

возможно, то давно уже и было бы сдѣлано, однако, всѣ попытки къ тому производятъ впечатлѣніе рыночныхъ фокусовъ. Самые искусные изъ рыночныхъ волшебниковъ не болѣе, какъ шарлатаны. Почти всѣ науки нейтральны въ отношеніи вѣры, т. е. не нуждаются вовсе въ понятіи божества,—таковы всѣ науки точныя, начиная съ математики. Но всѣ науки нейтральны пока лишь онѣ не соприкасаются съ философіей: чуть дѣло дойдетъ до начала вещей, выясняется богоборная природа знанія. На основной вопросъ: есть-ли Богъ, знаніе, если оно честно, можетъ отвѣтить только незнаніемъ. Богъ въ силу непостижимости своей есть предметъ не изученія, а вѣры, и въ томъ-то и состоитъ величіе этой системы духа, что увѣренность свою она принимаетъ прямо изъ источника, какъ свѣтъ отъ солнца» («Новое Время» 1911 г. № 12678) *).

Вотъ какъ представляется дѣло съ нашимъ вопросомъ объ отношеніи вѣры и науки въ «глубинахъ народныхъ» или, точнѣе, въ глубинахъ нововременскаго невѣжества. Примиреніе вѣры и разума объявляется пустымъ занятіемъ «шарлатановъ» и «ученыхъ поповъ»,—больше имъ никто не занимается, но

*) Ходячее мнѣніе о враждѣ вѣры и науки у фельетониста *Новаго Времени* соединяется съ выраженіемъ «отвращенія» къ учености и образованности духовенства, что, конечно, естественно во всякомъ невѣждѣ, умѣющемъ въ невѣжествѣ сливаться съ «глубинами народными». Но вызывается это еще и тѣмъ, что, какъ я писалъ еще въ 1896 году, и что г. Меньшиковъ подтвердилъ въ 1911 г., «разсматриваемый предразсудокъ (мнѣніе о враждѣ вѣры и разума) принимаетъ значительную долю участія въ поддержаніи у насъ сословной розни и пренебрежительнаго отношенія свѣтскаго общества къ высокообразованному нашему духовенству». Пренебреженіе нашей «интеллигенціи» къ духовенству, писалъ я, «въ значительной степени является естественнымъ слѣдствіемъ господствующаго въ ея средѣ предразсудка о противоположности между вѣрою и разумомъ. Церковь, это средоточіе духовнаго свѣта въ мірѣ, съ точки зрѣнія этого предразсудка, наоборотъ, должна являться средою мрака, т. е. вѣры, убивающей разумъ и знаніе; духовенство, служители свѣта, становится классомъ служителей мрака и гасителей свѣта разума, такъ ярко сіяющаго въ нашей «интеллигенціи»... Съ удивительною наивностью и притязательностью на какую-то монополію въ обладаніи разумомъ и исключительную близость къ наукѣ здѣсь стараются увѣрить себя и другихъ, что, кромѣ своихъ требъ да святцевъ, «батюшка» или просто «попъ» ничего не знаетъ и знать не долженъ, что онъ обязанъ быть ниже господствующаго уровня научнаго развитія, даже говорить какою-то дикою смѣсью русскаго со славянскимъ съ непремѣнными вставками текстовъ изъ Писанія и т. д., и т. д. (*Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума.* Спб. 1896, стр. 13—14. Книга эта есть оттискъ статей, печатавшихся въ ж. *Странникъ* 1895, №№ 9—12 и 1896, №№ 1—3).

сообщенію г. Меньшикова. Сообщеніе этого развязнаго болтуна будетъ провѣрено, конечно, далѣе, и провѣркою выяснится, кто тутъ шарлатанъ, и кто—нѣтъ; но сейчасъ я долженъ отмѣтить трогательное совпаденіе г. Меньшикова по вопросу съ соціалистами, съ освободительной революціонно-атеистической дешевкой, гдѣ ходячее мнѣніе находитъ себѣ подобное же рѣзкое выраженіе. Если бы всякіе наши талантливые «мыслители», храбро рѣшающіе безъ всякой подготовки самые сложные вопросы знанія, не обладали способностью все одолѣвать нутромъ или чревовѣщаніемъ, обходиться какъ бы даже безъ головы, то я могъ бы подумать, что г. Меньшиковъ подведенъ въ данномъ случаѣ плохими источниками въ вопросѣ и вдохновлялся въ своемъ чревовѣщаніи, напр., освободительною дешевкою, хотя этотъ свиной кормъ соціализмомъ предназначается для умственныхъ младенцевъ, невѣжественнаго простонародья, или для «народныхъ глубинъ», по выраженію г. Меньшикова. Во всякомъ случаѣ, однако, переходъ отъ невѣжества нововременскихъ «народныхъ глубинъ» въ нашемъ вопросѣ къ соціалистическому рѣшенію вопроса по требованіямъ партійной политической тактики самый легкій.

Конечно, соціализмомъ ходячее мнѣніе о вѣрѣ принято подъ особое покровительство и усердно распространяется имъ... для «устраненія христіанства въ интересахъ прогресса человѣчества», какъ увѣряетъ Бебель, а въ самомъ-то дѣлѣ для безпрепятственнаго выполненія своей совсѣмъ неполезной для прогресса звѣрской программы обновленія общественнаго строя кровью,—висѣлицами, бомбами, гильотинами и т. д. Что соціализму нѣтъ никакого дѣла собственно до науки и культуры, подъ флагомъ которыхъ онъ ведетъ борьбу съ христіанской религіей, объ этомъ говоритъ краснорѣчиво слишкомъ безцеремонное его обращеніе даже съ такими учеными, какъ отецъ химіи Лавуазье, безжалостно казненный по приговору Конвента въ 1794 г. въ расцвѣтѣ силъ,—тогда, когда собраніемъ своихъ геніальныхъ трудовъ и новыми трудами Лавуазье готовился обогатить науку,—казненный за то только, что былъ правительственнымъ чиновникомъ (генеральнымъ откупщикомъ), еще кромѣ этого ни въ чемъ неповиннымъ. Напрасно обращались къ справедливости и здравому смыслу террористовъ въ ходатайствѣ за Лавуазье и указывали на его заслуги и значеніе въ наукѣ; напрасно самъ Лавуазье молилъ палачей объ отсрочкѣ смертной казни только

на нѣсколько дней, чтобы докончить начатое важное изслѣдованіе о дыханіи и испареніяхъ животныхъ! На все это поборники культуры и прогресса отвѣчали дружнымъ ревомъ: «Намъ не нужны ученые!» *).

Можетъ быть, это было единичнымъ и исключительнымъ случаемъ въ отношеніяхъ соціализма къ наукѣ,—грѣхомъ, больше не повторявшимся въ поборникахъ культуры и прогресса? Нисколько! Въ другой формѣ и теперь потомками палачей Лавуазье ученые и наука безъ колебаній упраздняются и объявляются ненужными, когда это имъ понадобится: развѣ забастовки и дикія «обструкціи» въ высшихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ Россіи за 1905—1910 годы не были упраздненіемъ науки и ученыхъ, гоненіемъ науки, своего рода смертной казнью надъ наукой во имя «прогресса и культуры», т. е.—во имя революціи, точнѣе говоря? Развѣ большимъ содѣйствіемъ успѣхамъ науки надо считать исключительное вниманіе соціализма изъ всѣхъ наукъ къ одной только прикладной химіи, и здѣсь лишь къ пиротехникѣ и технологіи обструкціонныхъ вонючихъ веществъ?.. Это, однако, не мѣшаетъ соціалистамъ всегда выступать въ роли поборниковъ и защитниковъ науки противъ религіи, и у нихъ мы найдемъ ходячее мнѣніе объ антагонизмѣ религіи и науки въ не менѣе рѣзкомъ выраженіи, чѣмъ у г. Меньшикова. Вотъ нѣсколько образчиковъ.

Д у э увѣдомляетъ: «Всякое новое открытіе въ наукѣ ведетъ лишь къ большему и большему разрушенію благочестивой вѣры въ самомъ ея корнѣ, какъ это видно и на величайшихъ нашихъ ученыхъ, которые все люди совершенно невѣрующіе, и если бы только они могли высказаться откровенно, то они во всеуслышаніе признались бы въ своемъ невѣріи» (ABC des Wissens).

Въ другомъ сочиненіи это же выражается еще грубѣе: «натуралисты и астрономы почти всѣ безъ исключенія люди невѣрующіе. Въ общемъ ученые вселенную понимаютъ такъ же мало,

*) *Гаст. Тисандье.* «Мученики науки». СПБ. 1891, стр. 142—147. Однако, здѣсь очень глухо говорится о гнусной роли соціалъ-революціонеровъ въ исторіи съ Лавуазье (въ гл. VII: «Творцы науки») и нѣтъ приведенныхъ выше словъ палачей объ ученыхъ, хотя авторъ подробно распространяется о роли католическаго духовенства въ преслѣдованіяхъ Колумба и Галилея... Поэтому дополнительныя свѣдѣнія заимствованы здѣсь въ болѣе правдивыхъ очеркахъ *Деннерта и Цэкклера* о Лавуазье въ нѣмецкихъ сочиненіяхъ, ниже приводимыхъ въ этой I-й главѣ изслѣдованія.

какъ мы, но все-таки они смыслятъ тутъ болѣе (?),—и вотъ они единогласно заявляютъ: во вселенной нѣтъ никакого мѣста и никакого дѣла Богу» (Glauben und Wissen)... Бебель сообщаетъ: «я немножко (bisschen) занимался исторіей культуры и естественными науками и нахожу, что для мозга, способнаго мыслить и знакомаго нѣсколько съ выводами и открытіями естественныхъ наукъ, довольно-таки трудно повѣрить въ христіанство, какъ въ самое лучшее и самое совершенное изъ ученій. Факты, которые естественныя науки непоколебимо установили относительно происхожденія и древности земли, относительно происхожденія и развитія человѣка, подрываютъ христіанство въ основаніи и разрушаютъ его. Кромѣ того исторія возникновенія и развитія христіанства не такъ, чтобы ужъ очень свидѣтельствовала о божественномъ происхожденіи этого ученія... Религіозныя догмы и ученія будутъ расшатываться все болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ пріобрѣтенія естественно-научныхъ знаній и культурно-историческихъ изслѣдованій будутъ становиться доступными все болѣе широкому кругу людей. Знакомство съ исторіей земли совершенно уничтожаетъ библейскіе миѳы о сотвореніи міра» и т. д. (Бебель. «Христіанство и соціализмъ»).

Но довольно слушать атеистовъ, Меньшикова, «товарищей» и проч. и проч.: пора назвать настоящимъ именемъ ихъ болтовню. По-нѣмецки ее называютъ Lügen (Деннертъ), а по-русски смѣло можно назвать: «вранье», «вздоръ», «враки».

Христіанство въ основаніи своемъ все болѣе и болѣе колеблется фактами и выводами наукъ, сообщаютъ намъ (Бебель)... «Наука разошлась съ священнымъ писаніемъ и состоитъ скорѣе во враждѣ съ нимъ, нежели въ союзѣ»,—до такой степени, что говорить о согласіи вѣры съ наукой значитъ «лгать, лицемѣрить», а заниматься примиреніемъ вѣры съ наукой значитъ показывать «рыночные фокусы», что могутъ дѣлать только «шарлатаны», къ числу которыхъ и принадлежатъ «ученые попы». Объ этомъ увѣдомляетъ Меньшиковъ, который при томъ не захотѣлъ быть со своимъ мнѣніемъ одинокимъ и рѣшилъ выступить противъ «поповъ» во главѣ «простонародья»,—выпырнулъ съ нимъ «изъ глубинъ народныхъ».

Въ глубинахъ ученыхъ, которыя для насъ только и важны, дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Вотъ голоса отсюда. Геологъ Жанъ д'Омальюсъ цѣлую публичную рѣчь свою о согласіи

Св. Писанія съ наукою заключаетъ: «по моему мнѣнію нѣтъ ни одного дѣйствительнаго противорѣчія между нашими религіозными убѣжденіями и фактами, установленными настоящимъ состояніемъ естественныхъ наукъ».—Химикъ В. Круксъ: «Я не вижу конфликта между установленными фактами науки и существенными ученіями Св. Писанія, между научной истиной и религіей науки». Далѣе Круксъ называетъ нѣкоторыхъ ученыхъ «изъ цѣлаго сонма выдающихся мужей науки, придерживающихся того же мнѣнія», напр., Фарадэя, Дж. Стокса.—Физикъ Рейнольдсъ: «Въ результатѣ научныхъ изысканій послѣднихъ лѣтъ я не вижу ничего такого, что заставило бы меня усомниться въ непосредственномъ откровеніи Бога людямъ въ разныя времена; а христіанство основано на этой вѣрѣ».—Упомянутый Круксомъ физикъ Джорджъ Стоксъ, котораго Гексли, лордъ Кельвинъ, Гладстонъ (сами «короли науки») назвали «Ньютономъ нашего времени», пишетъ: «Что касается утвержденія, будто недавнія научныя изысканія обнаружили ложность и несостоятельность Библіи и религіи, то на это я, не колеблясь ни минуты, отвѣчаю: «Этотъ взглядъ совершенно ложенъ! Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи». — Электротехникъ и авторитетъ въ вопросахъ, касающихся телеграфа и телефона, В. Присъ: «Я никогда не встрѣчалъ ни одного факта, который противорѣчилъ бы ученіямъ христіанства. Нѣтъ противорѣчія между наукой и религіей; я считаю наоборотъ, что наука и религія оказываютъ другъ другу помощь».—Ботаникъ Вилльямъ Каррутерсъ: «Не соотвѣтствуетъ истинѣ говорить, будто научныя изслѣдованія показали ложность Библіи и религіи... Я не знаю ни одного научнаго факта, противорѣчащаго Библіи».—Біологъ и зоологъ Фредъ Чарльзъ: «Мое понятіе о Богѣ и мое отношеніе къ Божеству только укрѣпляются и обогащаются научными изысканіями... Что касается основныхъ ученій христіанства, то вѣка прогресса устанавливаютъ ихъ лишь прочнѣе повсюду, въ цѣломъ мірѣ. Несомнѣнно, нѣтъ никакого столкновенія между основными началами и докторинами науки» *). Къ этимъ кори-

*) *А. Г. Табрумъ.* «Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ». Перев. съ англ. Москва 1912 г. стр. 15, 114, VII, 129, 34, 149—150 а о Ж. д'Омалью въ моей книгѣ «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи» т. II, стр. 142—143 (Кіевъ 1912).

феямъ современной науки примыкаетъ весь сонмъ великихъ ученыхъ и творцовъ науки, свѣтилъ науки первой величины, какъ Ньютонъ, Кеплеръ, Коперникъ, Галилей, Амперъ, Деви, Ломоносовъ, Пастэръ, Гюйгенсъ, Линней, Агассизъ, Ляйель, Бэръ, Шваммердамъ, Гееръ, Бойль, Либихъ, Жуль, Галлеръ, Кювье, Сименсъ, Фарадэй, Гершель, Франклинъ ,и т. п. Выражаясь языкомъ товарища Бебеля, о научныхъ занятіяхъ котораго ничего неизвѣстно наукѣ, все это люди, «немножко» занимавшіеся естественными науками. На языкѣ нашего г. Меньшикова—все это «шарлатаны», ибо они какъ разъ утверждаютъ согласіе вѣры съ наукою, занимаются примиреніемъ вѣры и науки, своею жизнію и учеными трудами даютъ наглядное подтвержденіе словамъ Либиха: «Познаніе природы есть путь къ благоговѣнію передъ Творцомъ» **). Среди истинныхъ ученыхъ мы видимъ иные взгляды, а подтвержденіе ходячему мнѣнію встрѣтимъ въ видѣ развѣ только рѣдкаго исключенія, и при томъ насчетъ и этихъ исключеній у ученыхъ существуетъ весьма опредѣленное, неблагопріятное имъ, мнѣніе. Проф. философіи и этики, членъ Лонд. Химич. и Физич. Общ. Орчардъ пишетъ: «Я твердо убѣжденъ, что между установленными научными фактами и основными ученіями христіанства нѣтъ противорѣчія. Если кто-либо изъ ученыхъ расходится съ этимъ взглядомъ, его, по моему сужденію, можно обвинять въ невѣжествѣ или въ томъ, что его заключенія основаны только на его личныхъ желаніяхъ».—Геологъ

**) *Къ свѣдѣнію гг. Меньшиковыхъ.* Шарлатанами называются тѣ, которые съ апломбомъ свой вздоръ выдаютъ за истину, не принимая предварительно со своей стороны никакихъ мѣръ сколько-нибудь ознакомиться съ нею, что-нибудь почитать, что-нибудь узнать, хотя бы и отъ «поповъ». Какъ видно отсюда, настоящіе шарлатаны очень похожи на обманщиковъ. Занятіе шарлатанствомъ, однако, дѣло рискованное. Это мы видимъ на г. Меньшиковѣ. Увлекшись желаніемъ продернуть духовенство и разнести «ученыхъ поповъ», г. Меньшиковъ продернулъ Ньютона, Коперника, Галилея, Пастэра, Паскаля и т. д., словомъ—разнесъ науку и тѣмъ самъ высѣкъ самого себя. Для болѣе яснаго понятія о томъ, что называется шарлатанствомъ и «рыночными фокусами» и какъ занятіе ими рискованно, приведу справку изъ литературной «дѣятельности» г. Меньшикова по нашему вопросу. Оказывается, г. Меньшиковъ выступалъ тутъ раньше со своими чревовѣщаніями. Въ № 9990 *Новаго Времени* Меньшиковъ «не безъ преувеличенія и увлеченія» привѣтствовалъ опытъ соглашенія науки и религіи въ теоріи чиселъ проф. Бугаева, говорилъ объ ихъ примиреніи и, слѣд., занимался шарлатанствомъ и рыночными фокусами (ст. «Звѣзды и числа»), а въ № 12678, забывши о своихъ фокусахъ, г. Меньшиковъ обругалъ самъ себя шарлатаномъ.

Библиотека Коммунистической Академии

Ле-Контъ: «Пустою болтовнею считаю толки о конфликтѣ между наукой и религіей. Когда человѣкъ предается подобной болтовнѣ, я всегда увѣренъ—онъ или не понимаетъ, что такое наука, или же лишенъ пониманія основныхъ ученій истинной религіи» *). Такимъ образомъ, подкладкою ходячаго мнѣнія о конфликтѣ вѣры и науки, по объясненію ученыхъ, служитъ невѣжество. Это еще болѣе станетъ ясно, если мы продолжимъ очную ставку ходячаго мнѣнія съ наукою.

Авторъ соціалъ-демократической брошюры Glauben und Wissen съ видомъ человѣка, знающаго всю подноготную и своего человѣка въ наукѣ, сообщаетъ, будто всѣ ученые «единогласно» утверждаютъ, что наукою все объяснено въ природѣ механическимъ дѣйствіемъ естественныхъ силъ и причинъ, и что «во вселенной нѣтъ мѣста и нѣтъ дѣла для Бога». Ученые говорятъ другое. Геологъ Ляйель: «Въ какомъ бы направленіи мы ни производили свои изслѣдованія, повсюду мы открываемъ яснѣйшія доказательства творческаго Ума и дѣйствія премудраго и всемогущаго Промысла въ природѣ».—Астрономъ Гершель: «Чѣмъ болѣе расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе становятся доказательства существованія всемогущей творческой Премудрости».—Астрономъ Кеплеръ: «Въ твореніи я какъ бы осязаю Бога руками».—Химикъ Бойль: «Истинный натуралистъ, куда бы ни проникалъ онъ своимъ познаніемъ тайнъ творенія, неизбѣжно всюду видитъ въ немъ явный перстъ Божій».—Химикъ Шэнбейнъ: «Кто непрерывно созерцаетъ жизнь природы открытыми глазами, тотъ не только будетъ вѣровать, но съ совершеннѣйшею ясностью видѣть и непоколебимо убѣждаться, что въ пространствѣ нѣтъ ни малѣйшаго мѣста, гдѣ не открывалась бы самымъ удивительнымъ образомъ во всемъ величіи Божественная дѣятельность» **). Но довольно. Если бы мы у каждаго изъ ученыхъ, подобныхъ приведеннымъ, взяли хотя бы по двѣ строчки и продолжили выписки, то на одно это потребовалось бы немало страницъ. Между тѣмъ намъ слѣдуетъ остановить свое вниманіе и на другомъ, что утверждается ходячимъ мнѣніемъ о враждѣ религіи и науки.

---

*) *А. Г. Табрумъ*, стр. 108, 146—147.

**) «Христ. вѣроуч. въ апологетич. излож.» т. I, стр. 7, 8 и т. II, стр. 141, 142.

Ходячимъ мнѣніемъ о враждѣ религіи и науки устанавливается дурная репутація за естествознаніемъ и за учеными натуралистами: естествознаніе предполагается вреднымъ для вѣры, а ученые представляются людьми сплошь безрелигіозными, съ повальной наклонностью къ индиферентизму и атеизму. Еще матеріалистъ Бюхнеръ говоритъ: tres physici duo athei (т. е. на трехъ натуралистовъ приходится два атеиста), а соціалисты пошли далѣе въ рѣзкомъ выраженіи укоренившагося предразсудка противъ естествознанія, какъ науки опасной и разрушительной для вѣры. По сообщенію автора упомянутой выше брошюры Glauben und Wissen (Вѣра и знаніе) не двѣ трети натуралистовъ люди невѣрующіе, а «почти всѣ безъ исключенія натуралисты и астрономы люди совершенно невѣрующіе». Такъ представляется дѣло стоящими внѣ науки; но что говорятъ сами ученые о себѣ? Совершенно другое! И голосъ ихъ здѣсь опять хорошо извѣстенъ изъ отвѣтовъ, напр., современныхъ англійскихъ ученыхъ на предложенный анкетой вопросъ, считаютъ ли они ученыхъ за людей невѣрующихъ? Д-ръ медиц. физіологъ Дж. Уольшъ: «Всѣ величайшіе ученые были вѣрующими. Имъ ничуть не трудно было согласовать науку съ вѣрою. Одни только мелкіе люди находили, что ограниченный объемъ ихъ собственнаго ума недостаточенъ для вмѣщенія и науки, и вѣры». Въ этомъ родѣ былъ отвѣтъ другихъ ученыхъ (болѣе ста). Всѣ они выражали въ разныхъ словахъ одну и ту же мысль старыхъ ученыхъ въ родѣ Бойля, Кеплера, Либиха, Ляйеля, Гершеля, Шэнбейна, Мэдлера и др., что истинный натуралистъ не можетъ быть атеистомъ» (Мэдлеръ), а потому «истинно-великіе натуралисты всегда были людьми убѣжденными въ бытіи Бога и души, и тѣмъ болѣе, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы» (Шэнбейнъ) *). Со стороны ученый міръ объявляютъ враждебнымъ вѣрѣ, а люди изъ этого міра говорятъ иное. Вотъ типичные голоса. Біологъ Д. Джорданъ: «Мнѣ въ моемъ жизненномъ опытѣ не приходилось встрѣчать ученыхъ иррелигіозныхъ или враждебныхъ христіанству. Немногіе ученые такого рода, несомнѣнно, найдутся, но даже и у нихъ это вопросъ—личный, вопросъ характера, темперамента, а не самой науки».—Анатомъ Дж. Ма-

*) Изъ «Христ. вѣроуч. въ апологетич. излож.», т. II, стр. 144; слова Уольша соч. *А. Г. Табрумъ*, стр. 147.

кэй: «Мнѣ не приходилось встрѣчать выдающихся людей науки иррелигіозныхъ или же враждебныхъ христіанству».—Анатомъ и физіологъ Флауэръ: «Изъ наблюденій надъ обширнымъ кругомъ знакомыхъ разнаго рода, занимающихся научными изысканіями, я вынесъ убѣжденіе, что число религіозныхъ людей среди нихъ нисколько не меньше, чѣмъ среди другихъ группъ, какъ-то: юристовъ, докторовъ, военныхъ и т. д. Да и я не вижу основаній, почему оно должно быть меньше».—Геологъ Эд. Холлъ: «Что касается мнѣнія, будто ученые обыкновенно бываютъ скептиками и невѣрующими, то, поскольку мнѣ извѣстно, это утвержденіе ложно. Несомнѣнно, среди ученыхъ, какъ и среди другихъ разрядовъ людей, есть много относящихся враждебно или равнодушно къ христіанской религіи; но я не думаю, чтобы процентное отношеніе таковыхъ среди ученыхъ было больше, нежели среди лицъ иныхъ категорій. То, что среди геологовъ скептиковъ мало, а христіанъ много,—это я могу удостовѣрить на основаніи личнаго знакомства съ ними» *).—Ботаникъ В. Каррутерсъ: «Несогласно съ истиной говорить, будто передовые ученые иррелигіозны. Среди ученыхъ, какъ и среди другихъ группъ людей, бываютъ, конечно, отказавшіеся отъ религіи; но довольно большое знакомство съ учеными людьми привело меня къ убѣжденію, что число иррелигіозныхъ между ними находится не въ большей пропорціи, чѣмъ среди другихъ группъ».—Химикъ В. Тильденъ: «Я могу съ полною достовѣрностью засвидѣтельствовать, что среди ученыхъ есть не меньшее количество людей, исполняющихъ религіозные обряды

*) Здѣсь, кстати, дается опроверженіе выдумки *М. Гюйо*, что среди всѣхъ наукъ по своей разрушительности «на первомъ мѣстѣ стоятъ» физика, астрономія и геологія («Безвѣріе будущаго», стр. 134). Среди геологовъ всегда было много вѣрующихъ. Объ этомъ говорятъ уже одни такія имена, какъ: Дехенъ, Квенштедтъ, Пфафъ, Мурчисонъ, Баррандъ, Седжвикъ, Друммондъ, Дана, Даусонъ, Ляйель, Де-Люкъ, Кювье, Фуксъ, Кукендъ, Гуго Миллеръ, Вурцъ, Штудеръ, Эшрихтъ и др. Точно также справкою не подтверждается, а только опровергается сообщеніе Гюйо о физикѣ, которая, какъ разъ наоборотъ, особенно изобилуетъ вѣрующими учеными съ именами такого высокаго ранга, какъ: Галилей, Декартъ, Паскаль, Гюйгенсъ, Франклинъ, Фарадэй, Амперъ, Омъ, Гальвани, Вольта, Морзе, Рамзай, Томсонъ (лордъ Кельвинъ), Френель, Рэйлей, Стоксъ, Эрштедъ, Максвель, Грове, Уаттъ, Румкорфъ, Гельмгольцъ, Тэтъ, Роб. Майеръ, Брюстеръ, Біо, Сименсъ, Фрауэнгоферъ, Клаузіусъ, Маріоттъ, Торичелли и др. Вѣдь это вся физика въ лицахъ, г. Гюйо! Ниже мы увидимъ еще, что современная физика есть одна изъ тѣхъ наукъ, которая особенно сильно содѣйствуетъ разрушенію матеріалистическаго естествознанія и открываетъ широкіе горизонты для научной мысли въ об-

и обычаи, чѣмъ среди другихъ образованныхъ лицъ, не посвятившихъ себя спеціально наукѣ». Иное можетъ говорить лишь тотъ, кто «совершенно незнакомъ съ ученымъ міромъ и со взглядами ученыхъ». Среди ученыхъ вѣрующихъ людей при этомъ не только не меньше, чѣмъ среди не посвятившихъ себя спеціально наукѣ, но, пожалуй, больше.—Анатомъ и физіологъ Генри Оклэндъ: «Я пойду дальше и скажу, что общимъ впечатлѣніемъ моихъ долгихъ жизненныхъ наблюденій и моей дѣятельности является то, что у величайшихъ людей знаніе и вѣра сочетаются одно съ другимъ и при томъ съ интенсивностью, несвойственною умамъ ограниченнымъ. Надо ли называть въ данномъ случаѣ имена Галилея, Кеплера, Ньютона, Гершлея, Фарадэя?»—Физикъ Дж. Стоксъ: «Далъ ли мнѣ мой жизненный опытъ основаніе считать величайшихъ ученыхъ людьми иррелигіозными? Отвѣчаю: мой опытъ не только не привелъ меня къ этому выводу, онъ привелъ меня какъ разъ къ обратному заключенію».—Физикъ и математикъ лордъ В. Рамзай: «Большинство главныхъ вождей наукъ не иррелигіозны и не антихристіане. Доказательство тому Фарадэй, Максуель, Стоксъ, Кельвинъ и многіе другіе... Истинная наука и истинная религія не противорѣчатъ другъ другу, да и не могутъ быть противополагаемы» *).

По ходячему мнѣнію объ антагонизмѣ религіи и науки выходитъ, что среди невѣрующихъ ученыхъ вѣрующіе составляютъ такое ничтожное исключеніе, о которомъ не стоитъ и говорить, а потому ходячее мнѣніе отваживается на утвержденіе: «почти

ласти натурфилософіи въ направленіи, противномъ матеріализму и атеизму (въ гл. III). Особенно удивительно сообщеніе о враждебности астрономіи вѣрѣ: его несостоятельность очевидна и для гимназистовъ, знающихъ о Ньютонѣ, Кеплерѣ, Коперникѣ, Галилеѣ и др. Всякій согласится съ великимъ астрономомъ *Мэдлеромъ*, что «именно астрономія особенно призвана» доказать обратное ходячему мнѣнію о вредѣ науки для вѣры и «оживлять и укрѣплять тѣ убѣжденія, которыя справедливо считаются высшимъ благомъ человѣчества» (см. мое соч. «Христ. вѣроученіе въ апологетич. изложеніи», т. II, стр. 143). Безъ натяжки можно утверждать, что всѣ великіе астрономы были люди вѣрующіе (за двумя-тремя исключеніями и при томъ сомнительными). Всякій согласится также и съ математикомъ *Коши*, который утверждаетъ въ своемъ исповѣданіи вѣры этотъ фактъ: «Я христіанинъ, т. е. я вѣрую въ Божество Іисуса Христа, какъ Тихо де-Браге, Коперникъ, Декартъ, Ньютонъ, Ферматъ, Лейбницъ, Паскаль, Гримальди, Эйлеръ и др., какъ всѣ великіе астрономы, физики и математики прошлыхъ вѣковъ» (*Тамъ же*, стр. 144).

*) *А. Г. Табрумъ*, стр. 140, 85, 30, 29, 35, 124, 49, 9, 11.

безъ исключенія всѣ ученые — люди невѣрующіе». Дѣло обстоитъ, однако, совсѣмъ иначе и фактами ходячее мнѣніе только опровергается. Оно безъ остатка разсѣевается даже однимъ только спискомъ именъ вѣрующихъ ученыхъ, представляющихъ собою всю науку въ лицахъ.

Не представляя здѣсь всего, слишкомъ длиннаго, списка вѣрующихъ ученыхъ, мы назовемъ нѣсколько именъ, хотя совсѣмъ немало, вполнѣ достаточно для наглядnаго опроверженія вздорнаго мнѣнія (а именно 165 именъ).

Въ числѣ вѣрующихъ людей, какъ извѣстно, значатся: Агассизъ, Амперъ, Аристотель, Архимедъ, Баумгартнеръ, Беккерель, Белль, Бернаръ, Клодъ, Бернулли, Берцеліусъ, Бессель, Бине, Біо, Биша, Бишофъ, Блуменбахъ, Боде, Бойль, Бомонъ, Боэргавъ, Брадлей, Браунъ, Брюстеръ, Букландъ, Бурмейстръ, Бэконъ-Веруламскій, Бэръ, Вагнеръ Руд., Веберъ, Везалій, Верперъ, Вигандъ, Вольта, Вурцъ, Галенъ, Галилей, Галлеръ, Гальвани, Гарвей, Гассенди, Гассперъ, Гаусманъ, Гауссъ, Гееръ Геймъ, Гершель Вильямъ, Гершель Джонъ, Гильбертъ, Гиппархъ, Гиппократъ, Гирнъ, Гиртль, Гофманъ, Грисманъ, Гримальди, Грове, Гуфеландъ, Гюйгенсъ, Дана, Даусонъ, Де-Кандоль, Декартъ, Делюкъ, Друммондъ, Дэви Гумфри, Жоффруа Сентъ-Илеръ, Жуль, Кавендишъ, Катрфажъ, Квенштедтъ, Кеплеръ, Кирхгофъ, Клаузіусъ, Коппиберъ, Коперникъ, Коши, Круксъ, Кювье, Ламаркъ, Ламбертъ, Лаппаранъ, Леверье, Лейбницъ, Либихъ, Линдлей, Линней, Листеръ, Литтровъ, Ломоносовъ, Лоджъ, Ляйель, Майеръ Роб., Максвелль, Маріоттъ, Марціусъ, Маршъ, Менделѣевъ, Мильнъ-Эдварсъ, Морзе, Мурчисонъ, Мэдлеръ, Мюллеръ Іог., Ньютонъ, Окенъ, Ольберсъ, Омъ, Оуэнъ, Парацельсъ, Паскаль, Пастэръ, Пикаръ, Пироговъ, Пиѳагоръ, Пристлей, Причардъ, Пфаффъ, Рамзай, Раумеръ, Рейнке, Рентгенъ, Риттеръ, Ришс, Роменсъ, Румфордъ, Рютимейеръ, Рэй, Рэйлей, Седжникъ, Секки, Сименсъ, Симпсонъ, Стоксъ, Тидеманъ, Тихо-де-Браге, Томсонъ Вильямъ (онъ же лордъ Кельвинъ), Торричелли, Тэтъ, Уаттъ, Уоллесъ, Уэвелль, Фай, Фарадэй, Френель, Физо, Флауеръ, Флурансъ, Фолькманъ, Франклинъ, Фрауэнгоферъ, Фуксъ, Целлеръ, Шваммердамъ, Шваннъ, Шеврэль, Шлейденъ, Шталь, Штудеръ, Шэпбейнъ, Шэнлейнъ, Шубертъ, Эйлеръ, Эпке, Эренбергъ, Эрштедъ, Эшрихтъ.

Списокъ вѣрующихъ ученыхъ могъ бы быть продолженъ болѣе обильнымъ указаніемъ, напр., новѣйшихъ и современныхъ

ученыхъ; но уже и изъ представленнаго сокращеннаго списка вѣрующихъ ученыхъ не ясно ли, что въ здравомъ умѣ и полномъ сознаніи вѣрующихъ ученыхъ среди невѣрующихъ никакъ невозможно объявить исключеніемъ? Исключить изъ науки Ньютона, Кеплера, Либиха и т. д., — всѣхъ поименованныхъ выше, значило бы исключить саму науку, ибо, дѣйствительно, именами названныхъ здѣсь великихъ ученыхъ представлена сама наука въ лицахъ. Очевидно, факты заставляютъ признать истиной совершенно обратное ходячему мнѣнію положеніе, которое слѣдуетъ формулировать такъ:

Почти безъ исключенія всѣ великіе ученые—люди вѣрующіе. Исключенія здѣсь такъ рѣдки, что они тонутъ въ подавляющей массѣ вѣрующихъ ученыхъ, и потому можно сказать безъ ограниченій: обыкновенно, всѣ великіе ученые люди вѣрующіе и тѣмъ больше скажемъ съ химикомъ Шэнбейномъ: «чѣмъ они глубже проникаютъ въ тайны природы». Словомъ, вѣра среди ученыхъ есть общее правило, а невѣріе исключеніе. Это несомнѣнный фактъ, истина, съ которой и знакомитъ предлагаемый трудъ. Фактъ этотъ не секретъ для знающихъ: онъ твердо установленъ существующею литературою о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ. Въ этой литературѣ есть даже опыты болѣе точнаго опредѣленія факта въ цифрахъ,—устанавливается пропорціональное отношеніе вѣрующихъ ученыхъ къ невѣрующимъ и индиферентнымъ съ тою, приблизительною точностью, которая доступна статистикѣ вообще. Къ разсмотрѣнію этой литературы мы и обратимся теперь. Литература эта распадается на двѣ группы. Въ однихъ монографіяхъ и очеркахъ объ отношеніи ученыхъ къ религіи собраны мнѣнія преимущественно вѣрующихъ ученыхъ, въ другихъ,—какъ вѣрующихъ, такъ вмѣстѣ и невѣрующихъ, и индиферентныхъ.

Въ первой группѣ обращаетъ на себя вниманіе книга Г. Энгеля «Величайшіе умы о высшихъ вопросахъ. Изреченія и характеристики первыхъ авторитетовъ XIX в. изъ небогослововъ» *). Среди историковъ, философовъ, общественныхъ дѣятелей, правовѣдовъ и поэтовъ здѣсь самое почетное и первое мѣсто

*) H. Engel, Die grössten Geister über die höchsten Fragen. Aussprüche und Charakterzüge erster (nicht—theologischer) Autoritäten des 19 Jahrhunderts. Konstanz. Aufl. 3-te.

отведено ученымъ (математикамъ, астрономамъ, физикамъ, химикамъ, геологамъ и палеонтологамъ, ботаникамъ, зоологамъ и медикамъ). Въ виду не особенно большого числа взятыхъ здѣсь ученыхъ, никакихъ общихъ выводовъ не дѣлается, но монографія документально обставлена точными выдержками изъ сочиненій и біографій ученыхъ, иногда большими, въ видѣ отрывковъ по религіознымъ вопросамъ, и снабжена портретами нѣкоторыхъ ученыхъ.

Видное мѣсто во второй группѣ занимаетъ двухтомное сочиненіе нѣмецкаго богослова О. Цэкклера «Свидѣтели Божіи въ царствѣ природы. Біографіи и исповѣданія великихъ натуралистовъ древняго и новаго времени», служившее главнымъ пособіемъ для Энгеля *). Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ прекрасно документированное изслѣдованіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ всѣхъ великихъ ученыхъ, преимущественно вѣрующихъ, всѣхъ вѣковъ, начиная временами дохристіанскими и средними вѣками и кончая послѣдними годами XIX вѣка. При общей своей громадной эрудиціи авторъ былъ подготовленъ къ этому изслѣдованію другимъ знаменитымъ трудомъ, близко соприкасающимся съ вопросомъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ («Исторія отношеній между богословіемъ и естествознаніемъ»). Обзоромъ біографій и сочиненій ученыхъ всѣхъ вѣковъ авторъ рѣшаетъ въ своемъ трудѣ поставленный имъ себѣ вопросъ, есть ли какая-либо связь между естествознаніемъ и невѣріемъ, какъ это утверждается ходячимъ мнѣніемъ о враждѣ религіи и науки, и приходитъ къ отрицательному отвѣту въ заключительныхъ выводахъ своего обширнаго труда (II, 335—339). Трудъ Цэкклера имѣетъ дѣло съ звѣздами только первой величины въ наукѣ, но, по его мнѣнію, общій итогъ нисколько

*) O. Zöckler. Gottes Zeugen im Reich der Natur. Biographien und Bekenntnisse grosser Naturforscher aus alter und neuer Zeit. 2 Th. Gütersloh 1881. По Энгелю главнымъ образомъ и съ добавленіями преимущественно изъ Словаря Брокгауза составлена недурно статья *прот. С. Остроумова* «Сужденія замѣчательнѣйшихъ естествовѣдовъ XIX вѣка въ защиту христіанской религіи» *(Вѣра и Разумъ* 1901, №№ 8—9), представляющая на-ряду съ «сужденіями» и примѣры набожности ученыхъ. Статья заканчивается выводомъ изъ обозрѣнія «сужденій» 60 замѣчательнѣйшихъ естествовѣдовъ XIX в., что «не большинство, а меньшинство естествовѣдовъ»—люди невѣрующіе (матеріалисты, атеисты): именъ десять вродѣ Тиндаля, Фохта, Геккеля, Молешотта, Бюхнера, не могутъ быть противопоставлены по своему значенію именамъ Фарадэя, Максвелля, Либиха и т. п., и потому общій выводъ остается въ неприкосновенности.

не измѣненъ былъ бы привлеченіемъ къ дѣлу именъ второго и третьяго ранга, гдѣ, конечно, отразились бы всѣ оттѣнки отношеній ученыхъ къ религіи въ центральной группѣ первыхъ величинъ науки (вѣрующіе, индиферентные и невѣрующіе). Отношеніе натуралистовъ къ религіи положительное или отрицательное, въ разныхъ оттѣнкахъ, по заключенію автора, обусловливается собственно не наукою, а общимъ духомъ времени и его индивидуальными отраженіями въ ученыхъ. Этимъ объясняется матеріалистическое направленіе естествознанія со второй половины XIX вѣка. Но съ перемѣною времени можетъ все измѣниться и «истинные ученые опять станутъ читать по двумъ параллельнымъ текстамъ о Богѣ: изъ книги природы и изъ Откровенія и опять вернутся къ религіи Кеплеровъ и Галилеевъ, Галлеровъ и Эйлеровъ, Кювье и Агассизовъ».

Спеціально ученымъ XIX в. посвящена книга К н е л л е р а «Христіанство и представители новѣйшаго естествознанія. Къ культурной исторіи XIX вѣка» *). Авторъ ставитъ себѣ вопросъ, должно ли считать естествознаніе XIX вѣка враждебнымъ религіи, согласно ходячему мнѣнію, и книгою своею даетъ отрицательный отвѣтъ. Оказывается, одни изъ многочисленныхъ ученыхъ прошлаго столѣтія всѣхъ отраслей естествознанія признаютъ христіанство и религію вообще въ основныхъ ихъ истинахъ бытія Божія и безсмертія души, а другіе всецѣло признаютъ христіанство, при чемъ нѣкоторые принадлежатъ къ опредѣленнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ, какъ Берцеліусъ, Дюма, Либихъ, Сентъ-Клэръ, Девиль, Шеврэль, Гальвани, Вольта, Амперъ, Фарадэй, Френель, Фрауэнгоферъ, Физо, Жуль, Роб. Майеръ, Пастэръ и др. Авторъ не находитъ опаснымъ для общаго вывода своей книги указанія на существованіе въ XIX в. на ряду съ вѣрующими великими учеными, въ родѣ упомянутыхъ крупныхъ невѣрующихъ ученыхъ, въ родѣ Тиндаля, Бертло и др. (въ числѣ которыхъ Кнеллеръ здѣсь по ошибкѣ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, называетъ Вирхова и Дюбуа-Реймона). «Мы нигдѣ», говоритъ онъ, «не отрицали этого и для преслѣдуемой нами цѣли это не имѣетъ значенія. Мы утверждаемъ только

*) K. Kneller. Das Christenthum und die Vertreter der neueren Naturwissenschaft. Ein Beitrag für Kulturgeschichte des 19 Jahrhunderts. Aufl. 2-te. Freib. i. B. 1904. (По мѣстамъ, гдѣ нужно, цитаты изъ сочиненій и біографій ученыхъ приводятся не только въ переводѣ, но и въ подлинникахъ франц., нѣмецк., англійск., итальянск.).

одно, что не справедливо приписывать естествовѣдамъ вообще вражду къ религіи и христіанству. Утверждаемое ходячимъ мнѣніемъ согласіе въ этомъ ученыхъ не наблюдается». Вотъ почему его трудъ «не есть статистика, гдѣ авторъ ставилъ бы себѣ цѣлью изслѣдованіе о религіозныхъ убѣжденіяхъ всѣхъ ученыхъ по полному списку отъ 1801 года по 1912 съ подсчетомъ голосовъ за и противъ религіи. Такое предпріятіе едва ли возможно за отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о многихъ ученыхъ». Да оно и не нужно. Вывода книги нисколько не измѣнило бы, если бы даже кому-либо удалось доказать, что между великими учеными XIX вѣка большинство были невѣрующіе: на ряду съ ними всегда оставались бы ученые мужи, вѣрные христіанству, которые, при полномъ обладаніи всѣми знаніями науки своего времени, и собственными величайшими открытіями расширили границы человѣческаго знанія. Когда одному греческому философу софистъ сталъ очень остроумно доказывать, что понятіе о движеніи само въ себѣ заключаетъ противорѣчіе и что, слѣдовательно, движеніе невозможно, то философъ, ничего не отвѣчая софисту, спокойно началъ ходить передъ нимъ взадъ и впередъ; этимъ была доказана дѣйствительность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность движенія. Такъ поступаемъ и мы, когда намъ указываютъ на невозможность согласія вѣры и науки. Во множествѣ ученыхъ перваго ранга, мы показываемъ, фактически соединяется одновременно то и другое, вѣра и знаніе; а что дѣйствительно, то, по логикѣ, и возможно, и чего не нашли несоединимымъ столь многіе глубокіе умы, то и менѣе одаренными головами не должно считаться несоединимымъ *).

Переведенная на русскій языкъ съ англійск. яз. книга А. Г Табрума «Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ (Москва 1912) является результатомъ анкеты Арт. Г. Табрума (члена Лондонской Лиги для доказательства истины христіанства) среди современныхъ англійскихъ и американскихъ ученыхъ по двумъ вопросамъ, предложеннымъ съ цѣлью провѣрки ходячаго мнѣнія о враждѣ религіи и науки голосомъ ученыхъ: 1) усматриваютъ ли они дѣйствительное противорѣчіе между фактами, установленными наукою, и основными ученіями христіанства и 2) считаютъ ли они, на основаніи своего жизненнаго опыта, современныхъ ученыхъ людьми невѣрующими, отно-

*) K. Kneller p.p. 386—391.

сящимися отрицательно къ христіанству? На предложенную анкету откликнулись 181 ученыхъ въ письмахъ автору-издателю; изъ нихъ 48 не разрѣшили опубликованіе своихъ писемъ, среди же опубликованныхъ писемъ (133) 18 заключаютъ уклончивые и неопредѣленные отвѣты; въ 3-хъ письмахъ даются отрицательные отвѣты, а въ подавляющемъ большинствѣ 112 даны отвѣты положительные. Другими словами, 112 ученыхъ изъ 133 оказалось вѣрующими и только трое объявили себя, если не атеистами, то агностиками, т. е. вѣрующихъ оказалось приблизительно 84%, невѣрующихъ же всего 2%! Такимъ образомъ ходячее мнѣніе наглядно опровергается собранными въ книгѣ отвѣтами представителей современнаго естествознанія, и результаты анкеты въ главныхъ чертахъ совпадаютъ съ данными, собранными Кнеллеромъ, Энгелемъ и Цэклеромъ.

Результатъ, добытый анкетою Табрума, блестящимъ образомъ, до совпаденія въ цифрахъ, подтверждается изслѣдованіями, произведенными въ болѣе широкомъ масштабѣ, въ небольшой книжкѣ ботаника и богослова Эбергарда Деннерта, съ 1896 по 1908 выдержавшей восемь изданій, подъ заглавіемъ «Религіозныя убѣжденія естествоиспытателей. (Въ видѣ отвѣта также на книгу Геккеля Welträtsel» *). Съ краткостью сочиненіе Деннерта соединяетъ полноту матеріаловъ для изслѣдованія вопроса и точность вывода, которая составляетъ особую заслугу Деннерта. Малый объемъ сочиненія при большой содержательности достигается здѣсь сообщеніемъ большею частью только даты жизни ученыхъ вмѣсто біографій ихъ, краткостью цитатъ изъ ихъ сочиненій и отсутствіемъ точнаго обозначенія ихъ или библіографическаго аппарата. Оригинальная особенность книжки Деннерта, создавшая ей большую извѣстность, состоитъ въ томъ, что она есть первый опытъ точнаго цифрового вывода изъ соотвѣтственныхъ матеріаловъ съ указаніемъ процентнаго отношенія между вѣрующими, индиферентными и невѣрующими учеными. Авторъ подвергнулъ изслѣдованію отношеніе къ религіи самыхъ выдающихся ученыхъ всѣхъ вѣковъ въ количествѣ 300, представляющихъ въ лицахъ, такъ сказать, саму науку. О 38 онъ не могъ достать опредѣленныхъ свѣдѣній; изъ прочихъ 262 корифеевъ естествознанія съ именами Ньютона,

*) Dr. phil. E. Dennert. Die Religion der Naturforscher. Auch eine Antwort auf Haeckels «Welträtsel». 6-te Aufl. Berlin 1901.

Коперника, Пастэра и т. п. равноцѣнныхъ этимъ, 242 оказались вѣрующими, 5 атеистами и 15 индиферентными; изъ вѣрующихъ оказались церковниками или принадлежащими къ опредѣленному христіанскому исповѣданію, католическому, англиканскому и протестантскому, 90 человѣкъ. Выражая съ авторомъ найденныя цифры процентами, получаемъ: вѣрующихъ великихъ ученыхъ на все число ихъ приходится 92% (а изъ этого числа церковниковъ 39%), индиферентныхъ 6%, а невѣрующихъ всего только 2%. Другими словами мало сказать, что среди великихъ ученыхъ вѣрующіе составляютъ подавляющее большинство, но можно и слѣдуетъ сказать, въ виду незначительности процента атеистовъ, что почти всѣ великіе натуралисты, за малыми исключеніями, люди вѣрующіе *). Замѣчательно, что итогъ взысканій Деннерта, выраженный указанными цифрами, совпадаетъ съ таковыми же у другихъ въ двухъ, мнѣ извѣстныхъ, случаяхъ: во-первыхъ, въ книгѣ А. Г. Табрума съ анкетою среди современныхъ англійскихъ и американскихъ ученыхъ по общему вопросу объ отношеніи науки и ученыхъ къ религіи; во-вторыхъ, совпаденіе съ выводами Деннерта найдено было мною въ анкетѣ по частному вопросу объ отношеніи науки и ученыхъ къ вѣрѣ

*) Трудностью безошибочнаго опредѣленія въ иныхъ случаяхъ религіозныхъ убѣжденій ученыхъ за недостаткомъ вѣрныхъ данныхъ для этого, объясняются въ литературѣ колебанія и даже противорѣчія по отношенію къ нѣкоторымъ ученымъ, какъ въ особенности: *Дарвинъ Ч., Лавуазье, Лапласъ.* Дарвинъ причисляется и къ вѣрующимъ и къ индиферентнымъ, и даже къ атеистамъ; вѣрнѣе же считать его колеблющимся въ вѣрѣ (Engel 37, 37—38; Dennert 41—42; Kneller 370—372). У Деннерта Лапласъ называется и индиферентнымъ, и атеистомъ (Dennert 42, ср. 49), но несомнѣнно вѣрнѣе причислять Лапласа къ вѣрующимъ ученымъ на основаніи тщательныхъ изслѣдованій, особенно Цэкклера и выписокъ изъ его «Изложенія системы міра», Exposition du système du Monde (Zöcier II, 35—38; Kneller 70—74; Franz Dönecke. Naturwissenschaft und gottesglaube. Gemeinverständliche gottesbeweise auf naturwissenschaftlicher grundlage. Paderborn 1904, p.p. 57—58). Лавуазье у Деннерта называется и атеистомъ, и индиферентнымъ (Dennert 49 и 29); но Кнеллеромъ хорошо доказано, что Лавуазье былъ изъ вѣрующихъ христіанъ-католиковъ (Kneller 179—180). Въ виду сказаннаго *Лапласъ, Лавуазье и Ч. Дарвинъ* могли бы быть помѣщены въ вышепредставленномъ мною спискѣ вѣрующихъ корифеевъ науки, но мною этого не сдѣлано какъ по отношенію къ этимъ ученымъ, такъ и другимъ въ подобныхъ же условіяхъ: мною отмѣчены тамъ лишь такія имена ученыхъ, относительно религіозности которыхъ не возбуждалось и не можетъ возбуждаться никакихъ споровъ и сомнѣній.

въ безсмертіе, предложенной ученымъ всего міра. Первое уже выше было отмѣчено мною въ сообщеніи о книгѣ Табрума, второе будетъ отмѣчено ниже, въ гл. VIII. «Вѣра въ безсмертіе и наука» *).

Истинные ученые почти всѣ безъ исключенія люди вѣрующіе—вотъ фактъ, твердо установленный спеціальною литературою о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ, являющійся общимъ выводомъ, итогомъ ея. Этимъ выводомъ фактически ниспровергается ходячее мнѣніе о разладѣ вѣры и науки, какъ ни на чемъ не основанная басня. Однако, всегда питаемое пренебреженіемъ къ истинѣ, невѣріе, прижатое къ стѣнѣ, всячески старается ослабить значеніе вывода разными способами, извѣстными мнѣ не только изъ книгъ, но и изъ большого моего преподавательскаго опыта въ невѣрующей средѣ.

Пытаются вѣру ученыхъ представить ихъ частнымъ личнымъ дѣломъ, никакой связи съ ихъ научными занятіями не имѣющимъ. Ученые выступаютъ тутъ, говорятъ намъ, со своимъ исповѣданіемъ вѣры не отъ имени науки, не какъ ея представители, а какъ люди, лично и независимо отъ науки предрасположенные къ вѣрѣ воспитаніемъ и врожденнымъ даромъ вѣры, не у всѣхъ одинаковымъ.

Нѣтъ, дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ. Кеплеръ, Ньютонъ, Коперникъ, Галилей, Либихъ, Линней, Агассизъ, Ляйель, Майеръ,

*) Къ разсмотрѣнной литературѣ вопроса можетъ быть присоединенъ на русскомъ языкѣ и мой очеркъ, составляющій часть большого трактата, подъ заглавіемъ «Проблема смерти въ наукѣ и христіанское ученіе о смерти», помѣщенный въ моей книгѣ *Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи*. Томъ II, стр. 129—150. Изд. 2. Кіевъ 1912. Вышеразсмотрѣнная литература, кромѣ книги Табрума, появившейся послѣ выхода въ свѣтъ моего труда, служила для очерка богатымъ, хотя и не обработаннымъ матеріаломъ, за отсутствіемъ въ ней выводовъ и обобщеній по детальнымъ, хотя и существеннымъ, сторонамъ широкаго вопроса о религіи и наукѣ. Сочиненія Энгеля, Цэкклера, Деннерта (а также и Табрума) занимаются отвѣтовъ только на общій главный вопросъ о религіи и наукѣ, какъ онъ рѣшается отношеніемъ ученыхъ къ религіи. Но на самомъ дѣлѣ эта литература о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ заключаетъ въ себѣ данныя (случайныя) для разъясненія и другихъ интересныхъ вопросовъ, входящихъ въ общій вопросъ о религіи и наукѣ,— голосомъ самихъ ученыхъ, какъ, напр., объ источникахъ дурной славы, объ ученыхъ, какъ людяхъ безрелигіозныхъ, о матеріализмѣ и атеизмѣ съ научной точки зрѣнія, объ отношеніи Библіи и науки, о вѣрѣ въ безсмертіе и о чудѣ съ точки зрѣнія науки. Въ качествѣ матеріала для рѣшенія этихъ вопросовъ и общаго главнаго вопроса о религіи и наукѣ для предлагаемой работы привлекается вмѣстѣ съ упомянутыми выше и ниже, каждый разъ отмѣчаемыми, когда надо, и книга Табрума.

Бойль, Грове, Амперъ, Пастэръ, Пироговъ, Гееръ, Мэдлеръ, Галлеръ и т. п. корифеи науки ставятъ свою вѣру въ связь съ наукою. Эти великіе ученые единогласно утверждаютъ, что вѣру въ Бога они почерпнули въ самыхъ занятіяхъ своихъ наукою, въ научномъ изслѣдованіи природы, и разными способами выражаютъ мысль, что только полузнаніе удаляетъ отъ Бога, а истинное знаніе природы приближаетъ къ Нему. «Чѣмъ больше расширяется поле науки», говоритъ знаменитый астрономъ Гершель, «тѣмъ многочисленнѣе становятся доказательства за существованіе творческой всемогущей Премудрости». — Ботаникъ Гееръ: «Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ познаніе природы, тѣмъ глубже дѣлается и убѣжденіе наше, что только вѣра во Всемогущаго и Всевѣдующаго Творца можетъ разрѣшить загадки природы и человѣческой жизни». — Пастэръ: «Я много занимался изученіемъ природы; поэтому я вѣрую, какъ бретонскій крестьянинъ. Если бы можно было мнѣ заниматься и изслѣдовать еще болѣе, то я вѣровалъ бы простою дѣтскою вѣрою крестьянки изъ Бретани». — Химикъ Шэнбейнъ: «Истинно-великіе натуралисты всегда были людьми, убѣжденными въ бытіи Бога и души, и тѣмъ болѣе, что глубже проникали въ тайны природы». По мнѣнію астронома Мэдлера астрономія между другими науками «особенно призвана оживлять и укрѣплять (религіозныя) убѣжденія». Вообще, говоря словами Либиха, «познаніе природы есть путь для благоговѣйнаго удивленія передъ Творцомъ»; поэтому физикъ В. Томсонъ называетъ науку лучшею «помощницею и союзницею религіи». Дѣломъ личнымъ и частнымъ, напротивъ, ученые объявляютъ невѣріе своихъ собратьевъ,—особенно всегда, напр., тамъ, гдѣ протестуютъ противъ притязаній матеріализма и атеизма къ отождествленію себя съ наукою (Роб. Майеръ, Гельмгольцъ, Пироговъ, Пастэръ, Оствальдъ, лордъ Рэйлей, Эренбергъ, Шлейденъ, Гиртль, Вирховъ, Дю-Буа Реймонъ, Гирнъ и др.). «Если», говоритъ Майеръ Роб., «поверхностные умы щеголяютъ отрицаніемъ существованія чего-либо высшаго сверхматеріальнаго и чувственно воспринимаемаго міра, то такое жалкое притязаніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть поставлено въ вину наукѣ; еще менѣе оно служитъ къ ея пользѣ и чести»—Зоологъ Эренбергъ: «Тѣ, которые говорятъ, что нѣтъ души и нѣтъ безсмертія, что они не могутъ найти основаній къ иному мнѣнію, могутъ лично быть правыми съ своей субъективной точки зрѣнія.

Но они не должны считать себя представителями естествознанія».

Кромѣ сообщенія вѣрѣ ученыхъ значенія личнаго дѣла, не имѣющаго связи съ наукою, невѣріе также неудачно для своихъ цѣлей пускается и на другія выдумки, когда, напр., объясняетъ вѣру тѣхъ или иныхъ ученыхъ старческимъ разслабленіемъ мозга. Такому поруганію у насъ подвергнулся, особенно въ медицинскихъ кругахъ, напр., Пироговъ, въ преклонномъ возрастѣ выступившій съ рѣдкимъ для русскихъ ученыхъ открытымъ исповѣданіемъ вѣры въ своемъ «Дневникѣ». Чтобы парализовать соблазнъ такого исповѣданія въ невѣрующей интеллигенціи и себя успокоить, говорили, что «дневникъ Николай Ивановичъ писалъ тогда, когда онъ одною ногою уже стоялъ въ гробу, когда, стало быть, мозговая его дѣятельность стала уже ослабѣвать»... *).

По счастью, опроверженіе этой выдумки заключалось уже въ самомъ дневникѣ Пирогова, гдѣ онъ говоритъ, что сознательно вѣрующимъ онъ сталъ и полюбилъ Евангеліе 38 лѣтъ отъ роду. Дѣйствіе этого нечистоплотнаго пріема невѣрія въ борьбѣ съ вѣрою испыталъ на себѣ у насъ другой ученый врачъ, почтенный проф. харьк. унив. А. М. Шилтовъ, авторъ нѣсколькихъ прекрасныхъ сочиненій по религіозно-философскимъ вопросамъ («Мысли о Богочеловѣкѣ», «О безсмертіи души», «Этика и религія среди интеллигенціи и учащейся молодежи», «Среди безбожниковъ» и пр.). Объ этомъ говоритъ онъ самъ въ своей книгѣ «Мысли о Богочеловѣкѣ», и самъ же отвѣчаетъ своимъ «оппонентамъ» своего рода указаніемъ на то, что онъ «впервые сознательно увѣровалъ въ божественность ученія Христа, когда (ему) было всего 40 лѣтъ съ небольшимъ отъ роду». Всякій пойметъ, говоритъ профессоръ, что въ такомъ возрастѣ, когда физическія и умственныя силы человѣка находятся въ полномъ расцвѣтѣ—не можетъ быть рѣчи объ обратномъ развитіи или регрессивной метаморфозѣ мозга. И въ этомъ отношеніи мудрые міра сего горько ошиблись какъ относительно меня, такъ они ошибаются очень часто во всемъ, что касается не только религіи, но и науки... Могу вполнѣ успокоить своихъ ученыхъ товарищей, которые напрасно встревожились насчетъ

*) Докт. мед. *И. Я. Пясковскій*. «Пироговъ, какъ психологъ, философъ и богословъ». Курскъ, 1895, стр. 31.

моихъ умственныхъ способностей, что и теперь въ пожиломъ возрастѣ, благодаря Бога, обладаю еще нормальнымъ мозгомъ и нормальнымъ разсудкомъ, и могу поговорить, дебатировать о высшихъ матеріяхъ съ молодыми мудрецами, не обнаруживая никакихъ признаковъ старческаго слабоумія» *). Очень неопрятный пріемъ этотъ примѣнилъ въ своихъ шарлатанскихъ «Міровыхъ загадкахъ» Э. Геккель по отношенію къ одному изъ сильнѣйшихъ своихъ противниковъ, и противниковъ дарвинизма вообще, К. Э. фонъ Бэру, сообщеніемъ, что Бэръ сначала былъ сторонникомъ дарвинизма и «монизма» (матеріализма), по мѣрѣ приближенія къ старости постепенно измѣнялъ имъ, пока не закончилъ въ старости «мистицизмомъ» (вѣрой въ Бога) и дуализмомъ. Ложь этого сообщенія обнаруживаетъ ботаникъ Э. Деннертъ простыми выписками изъ сочиненій Бэра, относящихся къ цвѣтущему, зрѣлому возрасту и молодости его, по которымъ Бэръ, оказывается, никогда не былъ матеріалистомъ, а былъ вѣрующимъ ученымъ! **).

Впрочемъ, вообще напрасно невѣрующіе стараются подорвать свидѣтельство вѣрующихъ ученыхъ въ пользу религіи: въ представленномъ выше спискѣ вѣрующихъ ученыхъ отмѣчены вѣдь не одни только старики, а ученые всякихъ возрастовъ,— молодые и старые, и изъ старыхъ много такихъ, которые всегда были невѣрующими,—съ дѣтства до конца жизни. Въ самомъ дѣлѣ, Кеплеръ умеръ 59 л. отъ роду, Тихо-де Браге 55, Іог. Мюллеръ 57, Декартъ 54, Гумфри Дэви, 51, Максвелль 48, Швammердамъ 43, Паскаль 39, Торричелли 39, Биша 31 и т. д.; многіе ученые, какъ извѣстно, обогатили науку открытіями именно въ глубокой старости, что мѣшаетъ признать въ нихъ разслабленіе мозга... Такимъ образомъ подорвать свидѣтельство ученыхъ въ пользу религіи никакъ нельзя даже въ томъ случаѣ, если мы станемъ на точку зрѣнія невѣрующихъ и признаемъ вѣрнымъ скрывающееся за ссылкою предположеніе объ обязательномъ во всякой старости разслабленіи умственныхъ способностей и упадкѣ духовной дѣятельности вообще. Это довольно распространенное мнѣніе опровергается обычными фактами полной крѣ-

*) Проф. д-ръ мед. *А. Шилтовъ*. «Мысли о Богочеловѣкѣ (съ философской и естественно-научной точекъ зрѣнія). Естественно-научная апологія христіанства». Изд. 3-е. Харьковъ 1904, стр. 88—89.

**) Dr. phil. E. Dennert. Haeckels Weltanschauung naturwissenschaftlich beleuchtet Stuttgart 1906, p.p. 88—89.

пости мышленія и вмѣстѣ духовныхъ силъ въ глубокой старости у великихъ людей, особенно именно среди ученыхъ. Мнѣніе это не признается и наукою. «Безпрерывная работа», пишетъ маститый нашъ психіатръ, почтенный профессоръ И. А. Сикорскій, «неусыпное напряженіе органа мысли сообщаетъ ему такую остроту, придаетъ такую силу и до такой степени совершенствуетъ и повышаетъ его работоспособность, что, даже при нѣкоторой физической слабости нервной системы и мозга, психическая дѣятельность можетъ оставаться высокой и тонкой. Примѣръ жизни Гаусса и другихъ великихъ людей и изслѣдованіе ихъ мозга достаточно подтверждаютъ сказанное. Упражненіе мыслительнаго органа придаетъ ему особую силу и работоспособность. Но существуетъ и болѣе прямой коррективъ. Изслѣдованіе мозга великихъ людей показало, что постоянное умственное и нравственное напряженіе предохраняетъ мозговую ткань отъ разрушенія и поддерживаетъ ее въ состояніи полной физіологической жизненности. Все, въ организмѣ такого труженика, старѣется, всѣ органы—сердце, мышцы, кости—старѣются и атрофируются, но органъ мысли—м о з г ъ—остается въ сохранности, рука времени его не касается. Какое одобреніе труженикамъ человѣчества въ этомъ знаменательномъ фактѣ! Какое утѣшеніе тѣмъ изъ насъ, которые приближаются къ предѣльному сроку человѣческой жизни! Пусть разрушается наше тѣло—таковы законы природы,—но пусть, до послѣдней минуты жизни, насъ не покидаетъ ясность ума, сила воли и огонь сердца! Примѣръ жизни великихъ людей показываетъ, что это достижимо, и путь къ этому—непрерывное усовершенствованіе своихъ духовныхъ силъ» *).

По моему мнѣнію, есть вѣскія основанія идти даже дальше и утверждать: въ вопросахъ религіи мы должны предпочитать голосъ старости голосу молодости. Старость съ ея житейскимъ опытомъ имѣетъ несомнѣнное преимущество и всѣ права авторитета, выражаясь философскимъ языкомъ, въ области «практическаго разума» или «сужденій цѣнности», обнимаемой какъ разъ именно религіею. Религія, переносящая высшія наши цѣнности въ надземный духовный міръ, сосредоточивающая ихъ въ Богѣ, предполагаетъ рѣшеннымъ вопросъ о сравнительной цѣнности вещей и смыслѣ этой жизни; но вопросъ этотъ компетент-

*) Проф. *И. А. Сикорскій*. «Три возраста». (Психологическій очеркъ, посвященный юношамъ и старцамъ)». Кіевъ 1901, стр. 16—17).

ное рѣшеніе можетъ получить лишь съ житейскимъ опытомъ зрѣлой старости. Тутъ, на грани вѣчности, въ близости къ тому міру, получаетъ рѣшительное значеніе голосъ старости. Слабѣютъ къ старости внѣшнія чувства, воображеніе и память въ области внѣшнихъ впечатлѣній, слабѣетъ интересъ къ внѣшнему міру, связь съ нимъ въ старости; съ постепенно возрастающимъ одиночествомъ отъ потери близкихъ и отъ разочарованія въ жизни слабѣетъ интересъ въ старости къ людямъ, къ обществу, къ шумящей вокругъ нихъ жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ слабѣетъ и связь съ людьми, съ жизнью. Умираетъ человѣкъ для этого міра, уходитъ изъ него въ самого себя, и, сосредоточившись въ самомъ себѣ, идетъ тутъ навстрѣчу неизмѣримой вѣчности, новой жизни, постепенно приближается къ ней и вступаетъ въ нее; какъ же можетъ быть некомпетентнымъ именно голосъ старости въ вопросахъ религіи, безграничности, вѣчности? Глубокое уваженіе къ голосу старости въ вопросѣ о религіи должно оказывать еще и потому, что религіозное чувство, какъ и нравственное, къ старости не только не слабѣетъ и находится на одномъ уровнѣ съ зрѣлымъ возрастомъ, какъ мышленіе, но крѣпнетъ и развивается. Особенность религіознаго чувства сравнительно съ разумомъ въ томъ и состоитъ, что оно развивается, а съ нимъ возрастаетъ и религіозное знаніе; что оно не останавливается въ развитіи, а идетъ усиливаясь къ старости. Въ этомъ объясненіе того обычнаго явленія, что невѣрующіе часто обращаются къ вѣрѣ въ старости. Сошлюсь на Писемскаго, увѣровавшаго къ концу жизни и находившаго среди невзгодъ ея единственное утѣшеніе въ религіи. Онъ пишетъ: «Слава Богу, что все болѣе и болѣе раскрывающееся во мнѣ религіозное чувство еще даетъ нѣкоторое успокоеніе и подкрѣпленіе моей страдающей душѣ» *).

Въ жалкомъ безсиліи своемъ передъ истиной невѣріе не отступаетъ ни передъ какою нелѣпостью и ложью, ни передъ какимъ рѣшительнымъ средствомъ въ борьбѣ съ истиной, съ вѣрой. Извѣстно, что за свою необычайную набожность Ньютонъ и Паскаль въ невѣрующей средѣ были объявлены... сумасшед-

*) *А. Ѳ. Писемскій.* Полное собр. соч. т. I, стр. 65. Изд. Маркса. СПБ: Прекрасно сказалъ знаменитый химикъ Гумфри Дэви (1779—1829): «Религія переживаетъ всѣ земныя радости, ея сила возрастаетъ въ то время какъ органы старѣютъ, и тѣло приближается къ разрушенію» (Engel, 28).

шими! Вотъ единственное средство, которымъ можно было бы подорвать значеніе голоса вѣрующихъ ученыхъ за религію, но, къ сожалѣнію невѣрующихъ, оптомъ его нельзя примѣнить ко всѣмъ ученымъ, вѣрующимъ вообще, не записавшись впередъ въ сумасшедшіе.

Наконецъ, хотятъ ослабить значеніе голоса ученыхъ въ защиту религіи указаніемъ на то, что имъ истинность религіи нисколько не доказывается, потому что это значило бы ставить вѣру въ прямую зависимость отъ науки. Совершенно вѣрно. Религія, конечно, основывается не на наукѣ, ибо у нея есть свои собственные крѣпкіе устои въ вѣрѣ, религіозномъ чувствѣ, религіозно-нравственномъ опытѣ, въ Божественномъ откровеніи, а потому голосомъ ученыхъ мы нисколько не думаемъ доказывать истинность науки. Это дѣйствительно значило бы, кромѣ того, ставить истину въ зависимость отъ случайнаго и внѣшняго обстоятельства: отъ отношенія ученыхъ къ религіи. А что, если бы всѣ ученые оказались невѣрующими, или если бы въ наукѣ невѣріе было явленіемъ обычнымъ, преобладающимъ, а вѣра была исключеніемъ? Отъ этого религія сама по себѣ нисколько не пострадала бы, если не считать тутъ лишняго рессурса для невѣрія въ его борьбѣ съ вѣрою въ видѣ подкрѣпленія его ходячимъ мнѣніемъ. Тѣмъ не менѣе численный перевѣсъ вѣрующихъ ученыхъ надъ невѣрующими или тотъ фактъ, что великіе ученые почти всѣ безъ исключенія всегда люди вѣрующіе, имѣетъ и апологетическое значеніе доказательства истинности религіи. Если это явленіе повторяется всегда и вездѣ, значитъ оно не случайно; значитъ, наука не только не противна религіи, но и служитъ опорою вѣрѣ ученыхъ; значитъ, есть въ самой наукѣ что-то, что ведетъ къ вѣрѣ, такъ что истинные ученые не могутъ быть невѣрующими людьми, за рѣдкими исключеніями. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, въ своихъ разъясненіяхъ отношеній религіи и науки вѣрующіе ученые объявляютъ свою вѣру результатомъ научныхъ изслѣдованій, а не случайнымъ дѣломъ ихъ личнаго душевнаго склада, предрасположенія и вкуса, а потому въ своемъ исповѣданіи вѣры, какъ истины не только сердца, но и просвѣщеннаго наукою ума, великіе ученые выступаютъ предъ нами отъ имени науки, какъ ея представители, что отчасти мы видѣли выше, а въ полной мѣрѣ увидимъ дальше въ своемъ мѣстѣ.

Гл. II. О невѣріи ученыхъ вообще и о невѣріи русскихъ ученыхъ въ частности.

«Не» разстраивайте себя изъ-за безбожниковъ! На свѣтѣ слишкомъ много слабыхъ, тщеславныхъ и невѣжественныхъ болтуновъ! Можете быть увѣреннымъ, что большинство лучшихъ и наиболѣе искренних ученыхъ не находитъ трудностей въ примиреніи христіанской религіи съ непрерывающимися добавленіями къ наукѣ»...

Дайсъ Дэкворть, докт. мед.

«Всѣ величайшіе ученые были вѣрующими. Имъ ничуть не трудно было согласовать науку съ вѣрою. Одни только мелкіе люди находили, что ограниченный объемъ ихъ собственнаго ума недостаточенъ для вмѣщенія и науки, и вѣры».

Дж. Уольшъ, проф. физіологіи въ Нью-Іоркѣ.

Выводъ гл. 1-й противенъ ходячему мнѣнію или баснѣ о какой-то профессіональной безрелигіозности ученыхъ, какъ ихъ особенности. Имъ устанавливается внутреннее согласіе вѣры и науки въ такой степени, что наука является «помощницею вѣры» (В. Томсонъ) и «путемъ къ ней» (Либихъ). Въ защиту свою все-таки ходячее мнѣніе можетъ ссылаться на факты постоянно наблюдаемаго среди ученыхъ невѣрія; отсюда выростаютъ вопросы: не колеблется ли выводъ о согласіи вѣры и науки существованіемъ невѣрующихъ ученыхъ? Если наука ведетъ къ вѣрѣ, то почему не всѣ ученые вѣруютъ? Эти вопросы вполнѣ удовлетворительно рѣшаются объясненіемъ причинъ возможнаго и наблюдаемаго и среди ученыхъ, какъ среди всѣхъ людей, невѣрія, въ связи съ разсмотрѣніемъ разныхъ подробностей, сюда относящихся.

Итакъ, откуда невѣріе среди ученыхъ? Если бы религія была предметомъ одного только знанія, какою-либо научно-философскою проблемою, то тогда вѣра, или признаніе религіи, могла бы быть прямымъ результатомъ науки. Но, какъ видѣли раньше, такого причиннаго отношенія между вѣрой и наукой

*) Вопросу о причинахъ невѣрія посвящена была моя статья «Отчего люди не вѣрятъ?» въ «Отдыхѣ Христіанина» 1910, № 3.

нѣтъ (наука только одно изъ вспомогательныхъ средствъ и условій къ развитію и укрѣпленію вѣры, имѣющей свои корни), а потому вѣра и невѣріе ученыхъ управляются общими причинами вѣры и невѣрія *). У людей ученыхъ, какъ и у всѣхъ другихъ, вѣра подавляется и невѣріе вызывается недостаткомъ и полнымъ отсутствіемъ религіознаго воспитанія въ дѣтствѣ, вліяніемъ дурныхъ примѣровъ и безрелигіозной среды, низкимъ уровнемъ личной нравственности, несовмѣстимымъ съ высокимъ идеаломъ христіанской религіи, религіознымъ невѣжествомъ, особенно незнаніемъ христіанства въ его источникахъ, незнакомствомъ съ Библіею, съ Евангеліемъ. Поэтому нельзя отрицать горькую правду въ словахъ почтеннаго профессора А. М. Шилтова: «Невѣріе интеллигенціи и ученыхъ есть плодъ невѣжества и непозволительной лѣни изслѣдовать Писанія и приступить къ опыту религіозной жизни. Подумали ли невѣрующіе когда-либо серьезно о томъ, что никто кромѣ Творца вселенной не могъ знать, что скрывается во мракѣ грядущихъ вѣковъ за сотни и тысячи лѣтъ впередъ, а вѣдь ветхозавѣтные пророки, вдохновляемые Богомъ, предсказали не только время пришествія и мѣсто рожденія Христа, но и всѣ мельчайшія подробности, касающіяся Его жизни, смерти и воскресенія. Тысячи тысячъ вѣрующихъ, во всѣ вѣка христіанской эры, могли ли присоединиться къ ученію Христа, если бы они собственнымъ опытомъ религіозной жизни не убѣдились фактически, въ виду своего духовнаго возрожденія, гдѣ находится истина?» (Избранныя мысли и парадоксы).

Кромѣ общихъ, есть еще особенныя или спеціально для ученыхъ существующія причины невѣрія въ ихъ средѣ. Причины возможныхъ конфликтовъ религіи и науки и на почвѣ ихъ невѣрія заключаются не въ природѣ религіи и науки, не внѣ ученыхъ, а въ нихъ самихъ,—въ общихъ условіяхъ знанія, въ ограниченности ума, несовершенствѣ человѣческаго мышленія вообще, что даетъ знать себя и въ точной наукѣ. Въ то время какъ религіею (христіанскою) дается уже цѣльное міровоззрѣніе съ отвѣтами на всѣ вопросы ума, вся истина въ законченномъ видѣ, въ наукѣ истина (о мірѣ, Богѣ и человѣкѣ) достигается постепенно, по частямъ, и есть едва ли когда достижимая

*) Вопросу о причинахъ невѣрія посвящена была моя статья «Отчего люди не вѣрятъ?» въ «Отдыхѣ Христіанина» 1910, № 3.

для нея цѣль въ будущемъ. Отсюда для умовъ не вполнѣ дисциплинированныхъ, нетерпѣливыхъ и неосторожныхъ возникаетъ постоянное искушеніе и опасность, въ стремленіи къ полному знанію, научныя гипотезы выдавать за несомнѣнныя истины и выводы науки; а такъ какъ гипотезы въ наукѣ являются преимущественно въ сопредѣльной съ религіею области вопросовъ, неподдающихся изслѣдованію точными методами науки, то смѣшеніе гипотезы и излюбленныхъ въ наукѣ доктринъ даннаго времени съ истиною, съ наукою, является источникомъ конфликтовъ религіи и науки и, въ извѣстныхъ условіяхъ, отрицательнаго отношенія ученыхъ къ христіанской религіи, къ Библіи. Таковы, напр., вопросы о происхожденіи міра и человѣка, о древности земли, о доисторическихъ временахъ человѣчества и т. п. Какъ показываетъ исторія столкновеній между богословіемъ и и естествознаніемъ, съ прогрессомъ научнаго знанія (исторіи, лингвистики, геологіи, физики и т. д.) мало-по-малу оказывались мнимыми и тѣ противорѣчія между Библіей и наукой, которыя въ свое время считались несомнѣнными, каковы, напр., сказаніе Библіи о первобытномъ совершенствѣ людей, о всемірномъ потопѣ, о единствѣ человѣческаго рода, о появленіи свѣта раньше солнца и т. п. Ученіе о животномъ происхожденіи человѣка и о скромномъ положеніи человѣка въ природѣ, какъ только высшаго животнаго, провозглашенное дарвинизмомъ за научную истину, конечно, явилось источникомъ рѣзкаго конфликта, какъ говорятъ, религіи и науки. Но на самомъ дѣлѣ тутъ никакого конфликта религіи собственно съ наукою не было, а было столкновеніе религіи съ плохимъ мышленіемъ нѣкоторыхъ ученыхъ, слишкомъ смѣло провозгласившихъ истиною ученіе, которое къ нашему времени окончательно уже объявлено лучшими учеными гипотезою, и при томъ—плохою *). По мнѣнію біолога Франка Коверса дарвинизмъ въ научномъ отношеніи есть явленіе отсталое и можетъ искать себѣ поддержки въ біологіи лишь въ томъ ея видѣ, въ какомъ она была 40—50 лѣтъ тому назадъ. «Научныя теоріи Геккеля фактически оказываются устарѣлыми во многихъ отношеніяхъ, благодаря новѣйшимъ работамъ, настолько, что его имя въ современныхъ трактатахъ по вопросу объ эволюціи упоминается лишь для указанія полной

*) О положеніи дарвинизма въ наукѣ см. мою статью «Передъ разбитымъ кумиромъ» (По поводу просвѣтительной дѣятельности «сѣдящихъ во тьмѣ» дарвинистовъ) въ «Отдыхѣ Христіанина» 1912, № 3.

отсталости его взглядовъ отъ настоящаго положенія знанія и что, напримѣръ, его біогенетическій законъ не выдержалъ жестокой критики детальнаго эмбріологическаго разслѣдованія послѣдняго времени и является, слѣдовательно, не больше, какъ безплоднымъ обобщеніемъ. Его «монистическіе» взгляды стали предметомъ насмѣшки для современныхъ философовъ».—«Въ наши дни, говоритъ проф. Ф. Кэверсъ, наука движется впередъ довольно быстро, и, напримѣръ, въ вопросѣ объ эволюціи многія теоріи Дарвина пали. Можно сказать съ полнымъ основаніемъ, что весь вопросъ объ эволюціи въ настоящее время переправляется сызнова, и не легко предусмотрѣть, каковы окажутся результаты настоящихъ изслѣдованій относительно трудныхъ проблемъ наслѣдственности, измѣняемости и т. д. Тотъ, кто рѣшается выступать съ догматическими заключеніями на такія темы, тотъ не возбуждаетъ, да и не можетъ вызывать серьезнаго вниманія къ себѣ въ мірѣ свѣдущихъ мужей знанія; а тѣ, что отваживаются отрицать разумную Первопричину или какія-либо иныя христіанскія ученія, эти люди отнюдь не въ правѣ дѣлать это во имя науки» *). Эти и подобные уроки исторіи отношеній богословія и науки пропадаютъ для слабыхъ и недисциплинированныхъ умовъ; но «въ мірѣ свѣдущихъ мужей знанія», истинныхъ ученыхъ, указанный поводъ конфликтовъ религіи и науки въ ограниченности и незаконченности научнаго знанія совершенно парализуется присущимъ всѣмъ великимъ умамъ смиреніемъ и сознаніемъ своихъ границъ, а въ истинноученыхъ умахъ проникающимъ ихъ сознаніемъ границъ науки. Положеніе, что знаніе не сокращаетъ, а размножаетъ число тайнъ, кажется съ перваго раза парадоксомъ, но оно находитъ себѣ подтвержденіе въ умственномъ опытѣ вѣковъ и въ опытѣ каждаго мыслящаго, самостоятельнаго ума. Великіе умы всѣхъ странъ и временъ, какъ Сократъ, Соломонъ, всегда жаловались на то, что чѣмъ глубже погружался ихъ умъ въ познаніе вещей, тѣмъ шире раздвигалась и глубже становилась безпредѣльная бездна знанія. «Я знаю только то, что ничего не знаю» задолго было предвосхищено въ словахъ мудраго Соломона: «Я сказалъ: «буду я мудрымъ»; но мудрость далека отъ меня» (Еккл. VII, 23 ср. I, 18). Самодовольство и самоувѣренность въ познаніи всегда были и останутся вѣрными показателями умственной ограниченности, невѣжества и слабоумія. Въ настоящее

*) *А. Табрумъ* 70, 70—71.

время мы наблюдаемъ явные симптомы наступающей умственной зрѣлости и опытности въ видѣ все болѣе и болѣе проникающаго въ научную сферу сознанія относительности и ограниченности знанія. Время научнаго догматизма, наслѣдіе неопытности, невозвратно прошло уже. Въ лицѣ столповъ своихъ наука открыто заявляетъ, что въ высшихъ своихъ построеніяхъ и въ послѣднихъ основаніяхъ своихъ она граничитъ съ областью, гдѣ царствуетъ тайна и вѣра. Не только великіе ученые, но многіе даже изъ второстепенныхъ ученыхъ прежняго и нашего времени могутъ выдержать пробу для ума, предложенную Паскалемъ и Бэкономъ. По словамъ Паскаля «послѣдній шагъ разума—признать, что есть безконечное въ вещахъ, превышающее его силу—и если онъ не доходитъ до этого познанія, то онъ очень слабъ» (Pensées). Сила разума—въ сознаніи своихъ границъ или, лучше, ограниченности. Она не только не съуживаетъ, но, наоборотъ, расширяетъ кругъ его дѣятельности и окрыляетъ его. Справедливо говоритъ Бэконъ: «Мы должны расширять свой духъ до возвышенности Божественныхъ таинствъ, а не заключать послѣднихъ въ тѣсные предѣлы нашего разума». Здѣсь, какъ и въ нравственной жизни, смиреніе выгоднѣе гордости, и вредъ ея нельзя выразить лучше, чѣмъ онъ выраженъ словами Аміеля: «Гордость—граница ума». Вотъ нѣсколько иллюстрацій такого настроенія ума среди ученыхъ, неблагопріятнаго для столкновеній науки съ религіей и для самоувѣреннаго отрицанія религіи.

Въ благоговѣйномъ изумленіи передъ безконечнымъ величіемъ Божества, открывающагося наукѣ въ твореніи, и въ смиренномъ сознаніи ограниченности знанія, Амперъ восклицаетъ: «Какъ великъ, о! какъ великъ Богъ, а наше знаніе ничтожно!»—Какъ всѣ величайшія свѣтила науки, Фарадэй отличался большою скромностью. «Какъ удивительна и непостижима эта сила (магнетизмъ), которая здѣсь передъ нами!»—сказалъ Фарадэй однажды своему ассистенту. «Чѣмъ болѣе я надъ нею думаю, тѣмъ меньше, мнѣ кажется, я ее знаю». И, однако, добавляетъ біографъ, «тотъ, кто говорилъ такъ, зналъ здѣсь болѣе, чѣмъ какой-либо другой человѣкъ въ мірѣ».—Свою книгу «Библія природы» Шваммердамъ заключаетъ призывомъ къ смиренію: «Самое лучшее не допускать въ себѣ никогда самодовольства и быть осторожнымъ. Невѣдѣніе постоянный спутникъ несчастнаго человѣчества, и его истинная

наука состоитъ въ томъ, чтобы признать свою слабость и ничтожество, съ которыми у него ничего своего нѣтъ, а все получается отъ Бога» *). Какъ бы въ отвѣтъ на хоръ восторженныхъ похвалъ себѣ современниковъ, Ньютонъ сказалъ о себѣ: «Не знаю, чѣмъ кажусь я міру. Но себѣ я представляюсь ребенкомъ, который играетъ на берегу моря и собираетъ гладкіе камни и красивыя раковины, межъ тѣмъ какъ великій океанъ глубоко скрываетъ истину отъ глазъ его» **).

Незадолго до своей смерти Лаплассъ, въ отвѣтъ на попытки друзей утѣшить его напоминаніемъ о величіи его открытій, сказалъ: «Что мы знаемъ, это—пустякъ, а то, чего не знаемъ, неизмѣримо» ***). Этого смиреннаго сознанія ограниченности научнаго знанія не лишены всѣ, проникнутые истинно-научнымъ духомъ, ученые, какой бы рангъ они ни занимали въ наукѣ. Вотъ примѣры изъ современности по книгѣ А. Г. Табрума «Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ».

Хирургъ Дж. Макъ-Кендрикъ: «Если бы мы больше понимали тайны, лежащія въ конечныхъ выводахъ научнаго размышленія, мы нашли бы, что нѣтъ ничего несовмѣстимаго между научной истиной и вѣрою въ Бога, въ безсмертіе и въ нравственный долгъ. Только поверхностный взглядъ на вселенную приводитъ человѣка къ утвержденію, будто наука объяснила или можетъ объяснить все, или, что ея ученія противоположны высшимъ и глубочайшимъ вѣрованіямъ, столь дорогимъ человѣческому роду».—Ботаникъ и геологъ Дж. Боульджеръ: «Побѣдоносные успѣхи индуктивнаго естествознанія вскружили головы нѣкоторымъ изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей науки до того, что они стали смѣшивать феномены съ ноуменомъ, преувеличивать рессурсы научнаго вѣдѣнія и сами оказались не только дедуктивными въ своихъ разсужденіяхъ, но и догматичными сверхъ предѣловъ разума... Нѣкоторые изъ совсѣмъ недавнихъ открытій въ областяхъ физики и химіи оказали, думается мнѣ, отрезвляющее дѣйствіе въ такой мѣрѣ, что теперь признана не только неизслѣдованность того, что Ньютонъ съ благоговѣніемъ назвалъ «великимъ океаномъ мысли», но и «непреодолимая предѣльность всякой науки въ будущемъ». Поэтому Боульджеръ считаетъ невозможнымъ для

*) *Knelller,* p. 120 (Амперъ); *Engel,* 23 (Фарадэй); *Zöckler,* I, 265
**) *Клейнъ.* «Астрономическіе вечера». Изд. 3. СПБ., 1900, стр. 70. (Шваммердамъ).
***) *Zöckler,* I, 38.

«вождей современнаго естествознанія» столь противный ему догматизмъ, когда на чисто-научныхъ основаніяхъ пытаются противополагать христіанству тѣ или иныя предположенія. — Анатомъ В. Паркеръ: «Что касается знанія, доступнаго современной наукѣ, то оно пока еще не болѣе, какъ невѣжество съ открытыми глазами! Таланты прожектернаго типа всегда готовы настроить вамъ сколько угодно волшебныхъ замковъ мысли, но всѣ эти пышные дворцы тонки и слабы, какъ паутина».Геологъ и палеонтологъ В. Соллассъ: «Какъ бы ни были велики успѣхи науки, полезно помнить, что въ концѣ концовъ извѣстное намъ не болѣе, какъ малая частица того, что остается раскрыть. Въ сферахъ философіи и религіи наука—не судья: конечные приговоры о конечныхъ вопросахъ должны всегда быть предоставлены самой философіи и религіи. Упоминаемыя вами нападки на вѣру кажутся мнѣ отставшими отъ хода жизни: онѣ—продуктъ той поры викторіанской эпохи, когда быстрый ростъ нашихъ знаній механической стороны вселенной значительно опередилъ прогрессъ религіи и философіи. Но уже замѣчаются признаки оживленія и въ этихъ областяхъ,—оживленія, способнаго вернуть настоящему столѣтію надежду, казавшуюся пошатнувшейся въ минувшемъ».—Астрономъ Боллъ: «Въ наши попытки постигнуть чудеса природы мы всегда привносимъ фактъ наличности безчисленныхъ тайнъ въ природѣ, навсегда необъяснимыхъ путемъ обычныхъ пріемовъ науки и которыя требуютъ вмѣшательства нѣкоей Высшей Силы, непостижимой уму человѣческому».—Физіологъ А. Уоллеръ: «Большинство ученыхъ сознаетъ ограниченность положительной науки и признаетъ, что конечныя проблемы вселенной для нея недосягаемы».—Анатомъ У. Хольмсъ: «Наука представляетъ собою мысль Бога, открытую человѣкомъ; изучая естественные законы, человѣкъ относитъ слѣдствія къ ихъ Первопричинѣ, къ волѣ Творца, или, по поэтическому выраженію Гете, «природа есть живое одѣяніе Бога». Наука ведетъ насъ по безконечнымъ путямъ, и идти по нимъ—занятіе плодотворное для самаго поэтическаго воображенія. Мы принимаемъ міръ такимъ, какимъ мы его находимъ, и пытаемся разгадать его тайны; но его альфы и омеги мы не знаемъ. Довольно съ насъ взирать на окружающее насъ; мы видимъ только части, а не цѣлое».—Врачъ Мансонъ: «Могу безъ колебаній сказать, что изъ всѣхъ людей настоящій ученый, какъ неизбѣжно сми-

реннѣйшій изъ смертныхъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и религіознѣйшій».—Химикъ Ф. Мольво-Перкинъ, выражая несогласіе съ мнѣніемъ, что научныя изслѣдованія будто бы установили ложность Библіи и религіи, пишетъ: «Нѣтъ, съ такимъ мнѣніемъ я не согласенъ, ибо думаю, что чѣмъ болѣе мы знаемъ, тѣмъ менѣе чувствуемъ, что обладаемъ знаніемъ чего бы то ни было, и тѣмъ болѣе дивимся чудесамъ схемы міровой жизни» *).—Ботаникъ І. Рейнке: «Что мы знаемъ, это только двѣ капли въ великомъ океанѣ невѣдомаго. За видимымъ лежитъ невидимое, и неосновательно было бы послѣднее считать менѣе реальнымъ только потому, что его мы не видимъ. Въ этомъ отношеніи современное естествознаніе не занимаетъ иного положенія сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ оно было во времена Кеплера или Ньютона. Напротивъ, съ ростомъ знанія въ еще большей мѣрѣ разрастись и загадки, какъ это хорошо мы могли бы показать уже, напр., на ученіи о клѣткѣ въ біологіи» (Изъ рѣчи въ Мюнх. Общ. Естествознанія и Психологіи).

Какъ видимъ, для истинныхъ ученыхъ, съ присущимъ имъ сознаніемъ границъ научнаго знанія и строгою выдержкою ума, не существуетъ повода къ отрицанію религіи на основаніи тѣхъ или иныхъ несовпаденій съ нею науки, а также обычнаго для недисциплинированныхъ умовъ искушенія провозглашать научныя гипотезы за несомнѣнныя истины.

Кромѣ незаконченности научнаго знанія и кажущихся его противорѣчій вѣрѣ въ области, лежащей за границами точнаго научнаго изслѣдованія, благопріятною почвою для невѣрія нѣкоторыхъ ученыхъ можетъ служить, въ извѣстныхъ условіяхъ, крайняя специализація въ области естественныхъ наукъ, или устанавливаемая ею особая психика натуралистовъ, особый складъ души и мышленія, неблагопріятный для занятій вопросами какъ религіи, такъ даже и философіи. Специализаціей въ наукѣ съ сосредоточеніемъ мысли только на микроскопическихъ явленіяхъ дѣйствительности, на мелкомъ и частномъ, съуживается, укорачивается мысль, ея кругозоръ, а съ узкостью мысли порождается самодовольство, самоувѣренность. Привычкою, далѣе, къ сосредоточенію мысли на фактахъ чувственнаго опыта, надъ матеріею и ея свойствами, и къ естественно-научнымъ методамъ знанія, наблюденію и опыту, создаются въ натуралистахъ невосприимчивость, равно-

*) *Табрумъ*, стр. 31—32, 93—94, 79, 128—129, 61, 82, 88, 90, 127.

душіе и неспособность мысли къ работѣ въ другой, незнакомой и непривычной для нея, области знанія, какъ религіозно-философское, выводящее мысль нашу за предѣлы видимаго и чувственнаго и требующее иныхъ пріемовъ и методовъ познанія. Какъ улитка, замыкаясь въ раковинѣ мелкихъ вопросовъ своей спеціальности, ученые тутъ не хотятъ знать ничего сверхъ своей анатоміи, химіи и проч. и не даютъ себѣ труда (да и поводовъ къ тому не находятъ) подниматься на высоту общихъ и широкихъ вопросовъ религіи и философіи, охватывающихъ міръ, какъ единое и цѣлое,—о началѣ міра, первой причинѣ, цѣли и т. д. Все это подтверждается наблюденіемъ и другихъ. Въ «Системѣ этики» нѣмецкій философъ Паульсенъ пишетъ: «Научная спеціализація прежде всего содѣйствуетъ развитію того чувства, которое для религіозной жизни менѣе всего благопріятно,—чувства гордости». Въ самомъ дѣлѣ, для успѣшности своихъ занятій, въ неизмѣримо-сложной области естествознанія каждый естествоиспытатель вынужденъ ограничиться только опредѣленнымъ кругомъ вопросовъ, или даже однимъ вопросомъ. А такъ какъ въ этихъ предѣлахъ знанія очень возможны маленькія открытія и вообще ими обезпечивается точность знанія, составляющая гордость естественныхъ наукъ, то въ спеціалистѣ мало-по-малу вырабатывается чувство самодовольства и мысль объ исключительномъ могуществѣ естествознанія, способнаго все объяснить и рѣшить. «Постоянное сосредоточеніе мысли на тысячѣ мелкихъ, хотя и нужныхъ, вещей ведетъ за собою, говоритъ Паульсенъ, ослабленіе способности и охоты заниматься большими мыслями и общими идеями; глохнетъ философская потребность». Дю-Буа-Реймонъ въ своихъ извѣстныхъ «Рѣчахъ о предѣлахъ естествознанія» говоритъ, что въ натуралистѣ легко развивается «узкій кругозоръ», близорукость (ein beschränkter Blick), съ которою онъ, какъ сомнамбула, проходитъ мимо высшихъ проблемъ жизни и знанія. Вредному вліянію въ этомъ отношеніи спеціализаціи удѣляютъ вниманіе Пироговъ, К. Э. Бэръ и др. ученые. К. Э. Бэръ разъясняетъ наглядно сравненіемъ, которое можно назвать притчею «объ улиткѣ и ученомъ паукѣ», вредное дѣйствіе спеціализаціи или раздробленія научнаго знанія съ неизбѣжнымъ вниманіемъ ученаго только къ мелкому, частному, или ближайшимъ причинамъ явленій. Міръ Божій, это дивное по красотѣ и стройности созданіе Божіе, представляющееся «совершеннѣйшимъ созданіемъ искусства въ родѣ

какой-нибудь симфоніи Бетховена» (І. Рейпке), въ наукѣ отражается не въ своей подлинной цѣльности, въ какой онъ является вѣрою или религіознымъ чувствомъ воспринимающему присутствіе и дѣйствіе въ мірѣ Верховной Причины, или для философіи во свѣтѣ идеи универсальнаго разума, а въ осколкахъ и частяхъ, или въ обломкахъ всесокрушающаго анализма. Въ концѣ концовъ это благопріятствуетъ развитію въ ученыхъ спеціалистахъ узкаго матеріалистическо-механическаго міровоззрѣнія, довольствующагося ближайшими причинами. Пусть представятъ себѣ, говоритъ Бэръ, что въ лѣсу послышались звуки флейты, то веселые, то печальные и нѣжные, по которымъ слушатель заключаетъ, не видя, о присутствіи охотника, или какого-либо музыканта въ лѣсу. Приходитъ онъ на мѣсто, откуда послышалась музыка, а тамъ улитка, сидѣвшая во флейтѣ, и паукъ, бывшій наверху флейты во время игры, начинаютъ опровергать слушателя. «Какая тамъ мелодія, какая музыка! Глупости все это!»— говоритъ улитка. «Я все хорошо замѣтила. Я тихо сидѣла въ темномъ углубленіи, найденномъ мною; какъ вдругъ дупло задрожало отъ сильнаго землетрясенія, закачалось подъ напоромъ бури, которая и вышвырнула меня изъ него».—«Глупости!» воскликнулъ ученый паукъ, весьма свѣдущій въ естественныхъ наукахъ и cum laude получившій степень доктора.—«Я сидѣлъ на трубѣ и хорошо чувствовалъ, что она сильно дрожала, то быстрѣе, то медленнѣе. Кромѣ этой вибраціи ничего не было, а вѣдь вы знаете, что я чувствую малѣйшее прикосновеніе къ паутинѣ, даже когда глубоко сижу въ ней».—«Вы правы, ученый паукъ, въ своихъ тонкихъ физическихъ наблюденіяхъ. Вѣрны наблюденія и улитки; но у васъ обоихъ нѣтъ чувства мелодіи», говоритъ Бэръ по адресу ученыхъ пауковъ и улитокъ *).

По мнѣнію Н. И. Пирогова, спеціализаціею науки въ ученыхъ убивается сознаніе границъ знанія и тайнъ природы, развивается въ нихъ ученое самодовольство и «иллюзія», что наука всемогуща и можетъ все объяснить. На каждомъ шагу, говоритъ Пироговъ, мы въ своихъ изслѣдованіяхъ наталкиваемся на тайны, неразрѣшимые вопросы, напр.—«сцѣпленіе, тяготѣніе, сродство, постоянная вибрація атомовъ—развѣ всѣ эти обыденныя для насъ явленія—не тайны, скрытыя подъ научными име-

*) *Engel*, 41—42.

нами? А эти такъ называемыя простыя тѣла, эти неразлагающіеся элементы, скопленные въ огромныхъ планетныхъ массахъ, развѣ они дѣйствительно—первобытные элементы? Откуда взялись бы они, откуда взялась бы планетная жизнь, если бы другіе, намъ невѣдомые, первобытные элементы не содержались въ общемъ, для насъ недостигаемомъ источникѣ—эѳирномъ хаосѣ? Что онъ такое, этотъ источникъ и вмѣстилище невѣдомыхъ началъ?» Но спеціалистъ иначе относится къ дѣлу,—онъ не признаетъ тайнъ. «Все разъясняется, все дѣлается понятно,—умѣй только хорошо обращаться съ фактомъ, умѣй зорко наблюдать, изощряй чувства, научись правильно наблюдать; тогда исчезнутъ предъ тобою чудеса и мистеріи природы, и устройство вселенной сдѣлается такимъ же обыденнымъ фактомъ, какимъ сдѣлалось теперь для насъ все то, что прежде считалось недоступнымъ и сокровеннымъ. Такое убѣжденіе съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе проникаетъ въ сознаніе не только передовыхъ людей, жрецовъ науки, но и цѣлыхъ массъ... Чѣмъ спеціальнѣе, чѣмъ ограниченнѣе предметъ нашего изслѣдованія, тѣмъ болѣе надежды на точный и ясный результатъ, тѣмъ сильнѣе иллюзія и тѣмъ спокойнѣе и отраднѣе чувствуетъ себя посвятившій все свое вниманіе и время изслѣдованію. Углубившись и посвятивъ цѣлую жизнь занятіямъ по этому способу разслѣдованія, мы, наконецъ, приходимъ и къ тому убѣжденію, что на сценѣ нашихъ дѣйствій нѣтъ ничего закулиснаго, и кажущееся скрытымъ за кулисами существуетъ только для того, кто не хочетъ или не умѣетъ зорко взглянуть. А между тѣмъ, если подумаешь и разберешь, не увлекаясь ни поразительнымъ величіемъ разныхъ открытій, ни громадностью добытыхъ эмпирическимъ разслѣдованіемъ результатовъ, въ чемъ состоитъ вся суть пріобрѣтенныхъ нами этимъ способомъ знаній, то не трудно убѣдиться, что мы узнаемъ исключительно одну внѣшнюю сторону окружающаго насъ міра и насъ самихъ. Однихъ изъ насъ исключительно занимаетъ механизмъ явленій, устройство, составъ и дѣйствіе различныхъ приборовъ и снарядовъ жизни и ея формы; другіе занимаются прикладною и потому также только внѣшнею стороною жизни. Этимъ способомъ наши знанія и понятія о міровой жизни несомнѣнно обогащаются; внѣшняя ея сторона подвергается разсмотрѣнію съ разныхъ сторонъ; но остается такъ же, какъ и прежде, какъ и всегда, несомнѣннымъ, что in's Innere der Natur dringt kein geschaffener Geist. Вотъ это-то тяжелое

для нашего сотвореннаго духа сознаніе мы и притупляемъ благодѣтельною иллюзіею, приковывающею все наше вниманіе къ внѣшней сторонѣ міровой жизни». Весьма подробно и на основаніи собственнаго опыта Пироговъ говоритъ о вредѣ для вѣры поверхностнаго естественнонаучнаго знанія и распространенія его методовъ на область религіозную, перенесенія естественнонаучнаго «способа достиженія истины и на другую, для него вовсе непригодную почву». Разсужденія свои по этому предмету Пироговъ заключаетъ: «Знаніе, и тѣмъ болѣе научное, дѣлаетъ человѣка до того самодовольнымъ, что онъ, пріобрѣтя это знаніе, тотчасъ старается распространить его на всѣ области своей духовной жизни, отвергая, что между ними есть и нѣкоторыя имѣющія мало общаго съ научнымъ, т. е. пріобрѣтеннымъ путемъ анализа, знаніемъ» *). Разъясненіе высказанной здѣсь Пироговымъ мысли мы найдемъ и у другихъ ученыхъ. Астрономъ А. Кроммелинъ думаетъ, напр., что вражда и равнодушіе къ религіи нѣкоторыхъ людей, занятыхъ научными изслѣдованіями, происходитъ отъ «гордости ума: наука во многихъ отношеніяхъ увѣнчалась такими изумительными успѣхами, что нѣкоторые приходятъ слишкомъ поспѣшно къ заключенію, будто она сможетъ объяснить все». Другой англійскій астрономъ Вальтеръ В. Брейантъ также выражаетъ мысль, что въ невѣріи ученыхъ наука не играетъ никакой роли. «Я думаю, говоритъ онъ, что здѣсь дѣло совсѣмъ не въ спорѣ о томъ, согласна ли наука съ религіей. Прежде всего неоспоримо, что малое знаніе — вещь опасная во многихъ отношеніяхъ и, между прочимъ, тѣмъ, что оно ободряетъ человѣка, быстро обгоняющаго своихъ собратьевъ въ умственномъ отношеніи, и склоняетъ его къ предубѣжденію, будто нѣтъ ничего такого, чего онъ не былъ бы способенъ вскорѣ понять или объяснить, откуда уже остается только одинъ шагъ до отрицанія истины нѣкоторыхъ основныхъ началъ религіи. Но, какъ бы то ни было, за это отвѣтственно одно человѣческое самомнѣніе, а не наука» **). «Не наука, говоритъ физіологъ Баумгартнеръ, ведетъ къ матеріализму, а незаконное примѣненіе научныхъ доктринъ къ чуждой ей области. За такое злоупотре-

*) *Н. И. Пироговъ.* «Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача». Собр. соч. т. II, стр. 56—57, 61—63, 398—400 (Кіевъ, 1910). Интересно перечисленіе тутъ вопросовъ, смиряющихъ самодовольство ученыхъ улитокъ, на стр. 62—63.

**) *А. Г. Табрумъ,* 120, 122—123.

бленіе наука такъ же мало отвѣчаетъ, какъ ножъ за смерть человѣка, который имъ зарѣзался». Въ этомъ отношеніи Баумгартнеръ, какъ физіологъ, отмѣчаетъ опасность занятій физіологіею для нѣкоторыхъ, которая заключается не въ фактахъ физіологіи, а въ неправильномъ и одностороннемъ освѣщеніи фактовъ наблюдающимъ ихъ умомъ. «Сосредоточеніе ума на изслѣдованіи физіологическихъ фактовъ можетъ повлечь опасность за этими фактами проглядѣть факты другого порядка, а съ ними—доказательства существованія духовной души» *). Здѣсь Баумгартнеръ подходитъ къ вопросу о неблагопріятныхъ для вѣры условіяхъ занятія медициною или объ особой трудности вѣры для врачей, что обстоятельно разъясняетъ нашъ Пироговъ. «Для врача, ищущаго вѣры, говоритъ Пироговъ, самое трудное увѣровать въ безсмертіе и загробную жизнь. Это потому, во-первыхъ, что главный объектъ врачебной науки и всѣхъ занятій врача есть тѣло, такъ скоро переходящее въ разрушеніе; во-вторыхъ, врачъ ежедневно убѣждается наглядно, что всѣ психическія способности находятся не только въ связи съ тѣломъ, но и въ полной отъ него зависимости... Вольтеръ грубо, но мѣтко выразилъ это свойственное всѣмъ врачамъ сомнѣніе: «находили ли вы когда-нибудь, докторъ, при вашихъ изслѣдованіяхъ, безсмертную душу между мочевымъ пузыремъ и прямою кишкою?» Вопросъ нелѣпъ и смѣшонъ; но онъ непремѣнно, въ томъ или другомъ видѣ, представляется анатомамъ, физіологамъ и практикамъ». **). Есть и еще нѣчто, по моему мнѣнію, неблагопріятное для вѣры въ условіяхъ занятій медициною, въ профессіи врача. Предметомъ вниманія въ медицинѣ служатъ не «небеса, проповѣдующія славу Божію», какъ въ астрономіи, и не міръ органической жизни, поражающій цѣлесообразностью, обиліемъ и разнообразіемъ формъ, а матерія, обезображенная болѣзнями, пороками, страстями, смертью. Врачу постоянно приходится имѣть дѣло съ изнанкою и грязью жизни, съ темной сторопой жизни, ея зломъ и страданіями въ больницахъ и клиникахъ, въ домахъ умалишенныхъ, въ чумныхъ и холерныхъ баракахъ, «на голодномъ тифѣ», на театрѣ войны, на судебно-медицинскихъ вскрытіяхъ и судебно-медицинской экспертизѣ, у постели умирающихъ и т. д. Однимъ словомъ, врачу приходится жить въ атмосферѣ

*) *Kneller, 296.*
**) *И. И. Пироговъ.* «Дневникъ стараго врача», т. II, стр. 198—199

зла и страданій, неблагопріятной для развитія вѣры въ человѣка и въ добро; пессимизмъ же есть настроеніе, неблагопріятное религіозной вѣрѣ.

Вотъ все, что не въ самой наукѣ, а внѣ ея, въ условіяхъ научныхъ занятій, можетъ служить косвенно поводомъ къ религіозному индиферентизму и невѣрію въ нѣкоторыхъ извѣстныхъ случаяхъ. Да, именно лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а не всегда. И въ ограниченности научнаго знанія, и въ спеціализаціи науки съ создаваемою ею особою психикою ученыхъ не существуетъ никакой опасности для вѣры всѣхъ тѣхъ ученыхъ умовъ, которые не находятъ для себя границъ въ указанныхъ условіяхъ занятій науками и способны стать выше ихъ, благодаря природной силѣ и научной дисциплинѣ ума. Мы уже выше видѣли, что, въ отличіе отъ самодовольства мелкихъ среднихъ умовъ, настоящіе крупные ученые отличаются смиреніемъ, проникающимъ все ихъ существо сознаніемъ ограниченности знанія, при которомъ, и помимо научной дисциплины ума, становится невозможно смѣшеніе научныхъ гипотезъ съ истинами, а слѣдовательно устраняется поводъ къ конфликтамъ вѣры и науки. Хорошему уму тутъ никакіе успѣхи наукъ не могутъ вскружить голову до такой степени, чтобы «преувеличивать рессурсы науки», развѣ за рѣдкими исключеніями. Напротивъ, научное самодовольство и увѣренный догматизмъ съ успѣхами наукъ все болѣе и болѣе дѣлаются достояніемъ прошлаго даже въ общей массѣ рядовыхъ и среднихъ ученыхъ, проникающихся мало-помалу настроеніемъ Ньютона, Фарадэя, Ампера и др. Наблюдаютъ это и сами ученые. «Нѣкоторыя изъ совсѣмъ недавнихъ открытій въ областяхъ физики и химіи оказали, говоритъ ботаникъ и геологъ Дж. С. Боульджеръ, отрезвляющее дѣйствіе въ такой мѣрѣ, что теперь признана не только неизслѣдованность того, что Ньютонъ съ благоговѣніемъ называлъ «великимъ океаномъ мысли», но и непреодолимая предѣльность всякой науки въ будущемъ» *). Порождаемая спеціализаціею наукъ особая психика также никогда не служила границею для настоящихъ ученыхъ умовъ, неспособныхъ обыкновенно умѣщаться въ узкихъ рамкахъ спеціальности. Тотъ же Боульджеръ пишетъ: «Лидеры науки отличаются достаточно широкимъ взглядомъ, чтобы чувствовать умственное влеченіе къ занятіямъ глу-

*) *Табрумъ*, 93—94.

бочайшими проблемами жизни и разума, независимо отъ своихъ спеціальныхъ изслѣдованій». (Табрумъ 93). Въ частности, неблагопріятныя для вѣры условія занятій медициною точно такъ же имѣютъ власть далеко не надъ всѣми учеными медиками и практиками врачами. Среди вѣрующихъ врачей, какъ разъ наоборотъ, мы встрѣчаемъ наиболѣе именъ, служащихъ украшеніемъ и гордостью медицины, какъ Галлеръ, Геймъ, Гуфеландъ, Белль, Симпсонъ, Целлеръ, Руд. Вагнеръ, Гиртль, Пастэръ и др., у насъ—Пироговъ, Караваевъ, Захарьинъ, Боткинъ и др. Конечно, пессимизмъ неблагопріятная для развитія религіозной вѣры почва, но такою почвою не можетъ служить и поверхностный оптимизмъ, легкокрылою бабочкою порхающій по цвѣтамъ удовольствій и радостей. Поэтому вполнѣ естественно серьезное отношеніе къ жизни тамъ, гдѣ самою профессіею, какъ врачебная, человѣкъ поставляется лицомъ къ лицу съ трагическими сторонами жизни, гдѣ постояннымъ зрѣлищемъ смерти и тлѣнности земного легко вызывается въ сознаніи вопросъ о смерти, о смыслѣ жизни и о вѣчности, т. е. мысль направляется въ сторону религіи. Такъ или не такъ это, во всякомъ случаѣ и тутъ дѣйствуетъ общее правило: для сильныхъ и широкихъ умовъ, какими являются вообще корифеи науки, истинные представители ея, и въ медицинѣ съ ея спеціализаціею, невыгодною для вѣры въ духовный міръ, не существуетъ опасности односторонняго направленія въ умственной дѣятельности вообще и для вѣры въ безсмертіе въ частности. Среди ученыхъ, вѣрующихъ въ безсмертіе, есть врачи, которые съ особенною выразительностью и силою (вродѣ Роб. Майера, Эренберга, Гирна и др.) исповѣдали вѣру свою въ безсмертіе, и при томъ не вскользь, а спеціальною полемикою противъ матеріализма и другими способами въ публичныхъ рѣчахъ, дневникахъ, среди своихъ ученыхъ трудовъ и даже въ спеціальныхъ монографіяхъ (Гиртль, Ш. Роше, Симпсонъ, Пироговъ, Руд. Вагнеръ и др.). Знаменитый психіатръ Альбертъ фонъ Целлеръ (1804—1877) при этомъ свою вѣру въ безсмертіе исповѣдалъ въ прекрасныхъ своихъ стихотвореніяхъ, еще къ 1874 году выдержавшихъ шестое изданіе; изъ нихъ особенно хорошо цѣликомъ приведенное у Энгеля «Nur keinen Abschied, meine Lieben!»

Кажется, затруденъ теперь выводъ изъ всего сказаннаго о причинахъ наблюдаемаго и среди ученыхъ невѣрія. Мы можемъ

теперь смѣло утверждать, какъ фактъ, слѣдующее: препятствія къ вѣрѣ существуютъ болѣе, если только не исключительно, для мелкихъ, рядовыхъ ученыхъ, а не для великихъ, истинныхъ ученыхъ, служащихъ для рядовыхъ и среднихъ идеаломъ. Чѣмъ выше мы поднимаемся къ вершинамъ науки въ лицѣ ея великихъ представителей, тѣмъ болѣе согласія наблюдается съ религіей, и наоборотъ: чѣмъ ниже, чѣмъ дальше отъ науки, тѣмъ чаще случаи невѣрія въ наукѣ, и тѣмъ громче раздаются крики о враждѣ религіи и науки, на низахъ и вдалекѣ отъ нея,—неслышные наверху. До нѣкоторой степени отношеніе къ религіи оказывается мѣркою учености и ума, вопреки ходячему мнѣнію,—вотъ выводъ изъ всего предшествующаго изложенія, который и еще можно подтвердить фактами и голосомъ самихъ ученыхъ! По заключенію компетентнаго въ вопросѣ Кнеллера, автора изслѣдованія о религіозныхъ убѣжденіяхъ представителей новѣйшаго естествознанія, «можно утверждать, что величайшіе умы относятся къ религіи почтительнѣе и болѣе дружественно, чѣмъ болѣе мелкіе умы, и что они тѣмъ болѣе расположены къ религіи, чѣмъ болѣе размышляютъ объ основныхъ вопросахъ жизни. Замѣчательно, что такіе мужи, какъ Амперъ, Вольта, Коши, Максвелль, съ усердіемъ и постоянно отдававшіеся занятіямъ религіозно-философскими вопросами, наукою только укрѣплялись въ своей христіанской вѣрѣ» *). Замѣчательно также, что отношеніе къ религіи у нѣкоторыхъ становилось тѣмъ болѣе благопріятнымъ, чѣмъ болѣе они подвигались въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ; такъ нѣкоторые ученые отъ матеріализма и атеизма по этой причинѣ современемъ перешли къ христіанской вѣрѣ. Съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ примѣры такой метаморфозы въ своихъ «Міровыхъ Загадкахъ» Э. Геккель и называетъ виднѣйшихъ представителей естествознанія, какъ Руд. Вирховъ и Дю-Буа Реймонъ, которые были явными матеріалистами, а потомъ отреклись отъ него и выступили рѣшительными противниками дарвинизма и Геккеля. Сюда же можно отнести Вилы, Вундта, сочиненіе котораго «Чтенія о душѣ человѣка и животныхъ» въ первомъ изданіи имѣли матеріалистическую окраску, а во второмъ изданіи, спустя 30 лѣтъ, по заявленію Гек-

*) *Kneller*, 391.

келя, носятъ явный слѣдъ обращенія автора къ спиритуализму и дуализму. (У насъ подобную эволюцію въ философіи прошелъ, кажется, Н. Я. Гротъ... *). Между прочимъ, нашъ выводъ наглядно иллюстрируется сравненіемъ сторонъ въ извѣстномъ ученомъ судѣ надъ упомянутымъ здѣсь Геккелемъ, надѣлавшимъ много шуму выступленіемъ отъ имени науки со своею «монистическою» философіею (т. е. матеріализмомъ). Противъ Э. Геккеля съ рѣзкимъ осужденіемъ, какъ видимъ, стали: Гисъ, Брассъ, Брашъ, Гензенъ, Гаманъ, Рейнке, Кэверсъ, К. Э. Бэръ, Дю-Буа-Реймонъ, Рютимейеръ, Лоджъ, Вирховъ, Гартвигъ. А на сторонѣ Геккеля кто? Мелкота, иксы, ученые пузыри, которыхъ никакими пріятельскими усиліями не раздуть до размѣровъ упомянутыхъ ученыхъ, а наряду съ Бэромъ и Вирховымъ даже и называть неловко! Вообще, неблагопріятное положеніе по отношенію къ религіи занято преимущественно на низахъ науки въ средѣ ученыхъ «науковъ и улитокъ» Бэра—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти улитки вдобавокъ ко всему слегка еще тронуты модными антирелигіозными ученіями, среди которыхъ для нихъ притягательную силу всегда имѣетъ матеріализмъ, какъ наиболѣе грубая, элементарная и всѣмъ доступная по своей примитивной простотѣ философія. Но пусть за насъ и здѣсь говорятъ сами же ученые:

Роб. Майеръ: «Если поверхностные умы щеголяютъ отрицаніемъ существованія чего-либо высшаго, сверхматеріальнаго и чувственно воспринимаемаго міра, то такое жалкое притязаніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть поставлено въ вину наукѣ; еще менѣе оно служитъ къ ея пользѣ и чести».— Хирургъ и патологъ Джемсъ Пэджетъ: «Среди ученыхъ вы найдете лишь очень немногихъ нападающихъ и на теологію, и на религію. Нападки, приписываемыя имъ, исходятъ, главнымъ образомъ, отъ людей, очень мало знакомыхъ съ наукой и пользующихся не фактами ея, а только самыми отдаленными умозаключеніями изъ нихъ, при чемъ такіе люди готовы пользоваться и инымъ, чѣмъ попало, и изъ какого бы то ни было источника, лишь бы ниспровергать религіозныя вѣрованія».—Физіологъ Дж. Уольшъ: «Всѣ величайшіе ученые были вѣрующими. Имъ ничуть не трудно было согласовать науку съ вѣрою. Одни только мелкіе люди находили, что ограниченный объемъ ихъ собственнаго ума

**) Ср. *Kneller*, 392—393.

недостаточенъ для вмѣщенія и науки, и вѣры».—Анатомъ и зоологъ А. Мэкелистеръ: «Я лично не вижу въ основныхъ ученіяхъ христіанства ничего несовмѣстимаго съ современнымъ развитіемъ научныхъ доктринъ. Я считаю, что предположеніе подобной несовмѣстимости можетъ возникать на почвѣ только грубой и поверхностной философіи. Да и изъ моего опыта я вынесъ убѣжденіе, что невѣріе въ божественное Откровеніе, дарованное въ жизни, въ трудахъ, въ смерти и воскресеніи нашего Спасителя, преобладаетъ болѣе среди тѣхъ, которыхъ я позволю себѣ назвать обознымъ аріергардомъ при лагерѣ науки, нежели среди тѣхъ, для кого активный научный трудъ составляетъ истинную жизненную задачу».—Физикъ сэръ Джорджъ Стоксъ, «Исаакъ Ньютонъ нашего времени», пишетъ: «Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ, которые противорѣчили бы христіанской религіи. Быть можетъ, есть кое-какія дикія научныя предположенія, высказываемыя преимущественно людьми второразряднаго знанія—и неправильно выдаваемыя за солидно обоснованныя научныя заключенія, которыя, по свойствамъ своимъ, могутъ вызывать нѣкоторыя затрудненія, если эти фантастическія предположенія признать за истину. Но я не позволю себѣ говорить, что есть дѣйствительныя противорѣчія между наукой и религіей; противорѣчія эти только кажущіяся. Истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ. Подтверждая эту мысль, величайшій изъ физиковъ нашего времени, лордъ Кельвинъ-Томсонъ замѣчаетъ: «Лишь нѣкоторые изъ болѣе легкомысленныхъ людей, занятыхъ научными изысканіями, уклоняются въ сторону религіознаго отрицанія, но потому, что такіе умы и вообще не смущаются никакими трудностями и рѣшаютъ очень отвѣтственныя проблемы съ легкостью, не подобающею уму научно воспитанному» *).

Заключимъ все словами астронома Мэдлера, химика Шэнбейна и ботаника Шлейдена, согласно выражающими одну и ту же мысль, что истиннымъ ученымъ невѣріе несвойственно. Мэдлеръ: «Истинный натуралистъ не можетъ быть атеистомъ. Кто въ такой степени, какъ мы, проникаетъ въ мастерскую Бога, тотъ въ смиреніи преклонится предъ Его святымъ Провидѣніемъ, дѣйствующимъ въ природѣ».—Шэнбейнъ: «Если

*) *Табруѣ*, 41, 147, 31, VII—VIII (Пэджетъ, Уольшъ, Мэкели стеръ, Стоксъ).

незнающіе природу и близко незнакомые съ ея строемъ отрицаютъ дѣйствіе въ ней безпредѣльнаго Ума, то это нѣкоторымъ образомъ понятно... Но истинно великіе натуралисты всегда были людьми убѣжденными въ бытіи Бога и души, и тѣмъ болѣе, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы».—Шлейденъ: «Именно истинный-то и точный натуралистъ и не можетъ никогда сдѣлаться матеріалистомъ и отрицать душу, свободу Бога».

Итакъ, невѣріемъ ученыхъ нисколько не колеблется установленное изслѣдованіемъ положеніе о согласіи религіи и науки. Этимъ и можно было бы закончить рѣчь о невѣріи ученыхъ, но, къ сожалѣнію, вопросъ осложняется для насъ, русскихъ, своеобразными, сравнительно съ Западомъ, отношеніями, въ которыя стала къ религіи у насъ наука, русскіе ученые. Мы должны посмотрѣть, не колеблется ли найденный нами выводъ невѣріемъ русскихъ ученыхъ; а для этого необходимо сказать нѣсколько словъ о невѣріи русскихъ ученыхъ отдѣльно и объ его причинахъ.

Какъ видѣли, въ Западной Европѣ и Америкѣ среди ученыхъ преобладаютъ вѣрующіе въ такой пропорціи, что невѣріе является здѣсь исключеніемъ, а вѣра общимъ правиломъ, что во всякомъ случаѣ здѣсь перевѣсъ большинства имѣется на сторонѣ вѣрующихъ. Проф. Э. Дж. Джемсъ, ректоръ университета штата Иллинойса, пишетъ: «Я состою ректоромъ правительственнаго университета, насчитывающаго до 5 тысячъ студентовъ и около 500 человѣкъ членовъ ученаго и преподавательскаго персонала. Въ этомъ учрежденіи мы не предъявляемъ никакихъ религіозныхъ требованій ни къ членамъ факультета, ни къ студентамъ; мы не имѣемъ оффиціальныхъ освѣдомленій о религіозномъ или нерелигіозномъ настроеніи студентовъ или профессоровъ; но я съ полною достовѣрностью могу сказать, что рѣшительное большинство членовъ факультета вмѣстѣ съ тѣмъ—и члены христіанскихъ церквей, и что они принимаютъ дѣятельное участіе въ разнообразной церковной работѣ. Я убѣжденъ, что то же самое можно сказать и относительно студентовъ. Насколько я знакомъ съ положеніемъ дѣла, въ университетскихъ кругахъ вообще не чувствуется несовмѣстимости активной принадлежности къ христіанской церкви съ абсолютной и полной преданностью научнымъ изслѣдованіямъ» *).

*) *Табрумъ*, 148.

Съ «полною достовѣрностью» могу сказать, что у насъ обстоитъ дѣло совсѣмъ иначе и что «рѣшительное большинство» у насъ невѣрующіе, почти обязательно дарвинисты. Если изреченіе Бюхнера, что «изъ трехъ натуралистовъ два атеиста» невѣрно для Запада, то оно примѣнимо, не къ чести и достоинству нашему, къ русскимъ ученымъ. Будучи плотью отъ плоти и костью отъ костей интеллигенціи, наши ученые, естественно, раздѣляютъ съ нею и ея отношеніе къ религіи. А что такое въ религіозномъ отношеніи русская интеллигенція, это всѣмъ извѣстно. По словамъ Л. Толстого, русская интеллигенція «совершенно лишена религіознаго сознанія» и даже гордится этимъ («Великій грѣхъ»). Въ блаженномъ невѣдѣніи интеллигенція считаетъ атеизмъ и религіозное невѣжество вывѣскою ума и образованности въ то время, какъ дѣло обстоитъ совсѣмъ наоборотъ, что хорошо уже понимаютъ на Западѣ, опередившемъ насъ въ культурномъ отношеніи. По выраженію почтеннаго проф. С. Н. Булгакова «традиціонный атеизмъ русской интеллигенціи» сдѣлался общею вѣрою, въ которую крещаются вступающіе въ лоно церкви интеллигентско-гуманистической» и «само собой разумѣющеюся ея особенностью, о которой даже не говорятъ,— какъ бы признакомъ хорошаго тона. Извѣстная образованность, просвѣщенность есть въ глазахъ нашей интеллигенціи синонимъ религіознаго индифферентизма и отрицанія». Въ этомъ сознаніи объединяются въ интеллигенціи всѣ и всякія партіи и направленія въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ, періодической печати, въ политикѣ, имъ «пропитана насквозь, до дна, вся скудная интеллигентская культура... подобно тому, какъ дыханіемъ окисляется кровь, распространяющаяся потомъ по всему организму» *). Этимъ сознаніемъ взаимоисключающей противоположности религіи и прогресса пропитана и русская наука въ ея представителяхъ, какъ продуктъ безрелигіозной русской интеллигенціи. Вотъ почему у насъ нѣтъ и невозможно то, что видимъ и что естественно и обычно на Западѣ.

На Западѣ есть, въ Ліонѣ, «католическій университетъ», гдѣ профессора всѣхъ факультетовъ всѣ люди вѣрующіе, католики; а у насъ... можно ли даже и рѣчь заводить о «православномъ университетѣ», когда мечтаютъ вытѣснить изъ университета даже и то напоминаніе о Богѣ, о вѣрѣ, о православіи, какое

*) «Вѣхи» (Сборникъ статей о русской интеллигенціи). Изд. 3-е. Москва, 1909, стр. 30.

дается одинокою въ университетѣ каѳедрою богословія, всячески стараясь свести здѣсь все къ нулю, по возможности?!

На Западѣ есть естественно-научный журналъ въ апологетическомъ духѣ, какъ Revue scientifique, гдѣ сотрудниками состоятъ ученые естествовѣды. А у насъ?..

На Западѣ въ періодической печати не существуетъ рѣзкаго дѣленія на свѣтскую и духовную, и свѣтская печать открываетъ страницы свои не только для кощунства и издѣлій религіознаго невѣжества и невѣрія, но и для статей религіозныхъ въ положительномъ направленіи; такъ въ Nineteenth Century печаталъ свои статьи Гладстонъ, а въ Rêvue de deux Mondes Брюнетьеръ. А у насъ?..

На Западѣ ученые объединяются въ союзы для борьбы съ невѣрующей лже-наукой, такъ въ Германіи есть Kepler-Bund, образовавшійся для борьбы съ «монистическою» философіею Геккеля,—съ матеріализмомъ и дарвинизмомъ. А у насъ?..

На Западѣ издавна такъ повелось, со временъ Галилея и Ньютона, что ученые читаютъ и даже изучаютъ Библію, знакомятся и съ богословской литературой, а многіе изъ ученыхъ въ то же время духовныя лица и богословы, что было не только прежде (о духовныхъ ученыхъ см. въ кн. Dennert'a), но наблюдается и теперь, таковы, напр., біологъ Друммондъ, астрономъ Секки, ботаникъ Деннертъ, много повредившій успѣхамъ Геккеля въ Германіи, и др. А у насъ?.. Увы, у насъ даже «интересующіеся религіозными вопросами», даже вѣрующіе, въ родѣ Пирогова (см. его «Дневникъ»), если случится имъ разсуждать на религіозныя темы, въ своихъ разсужденіяхъ замѣняютъ знанія и науку личными (субъективными) умствованіями и наивнымъ младенческимъ лепетомъ, руководясь тутъ какъ бы какимъ-то вдохновеніемъ, чутьемъ, какъ если бы никакой богословской науки для компетентнаго рѣшенія религіозныхъ вопросовъ не было!

На Западѣ ученые не только занимаются чтеніемъ и изученіемъ Библіи и богословской литературы, но и сами пишутъ по религіозно-философскимъ вопросамъ, напр., объ отношеніи вѣры и разума, Библіи и науки, о безсмертіи души, объ отношеніи причинности къ чуду и т. п. (Гирнъ, Руд. Вагнеръ, Белль, Галилей, Шваммердамъ, Ромэнсъ и т. п.), встрѣчаемъ даже

цѣлую апологію христіанства, какъ «Мысли» Паскаля. А у насъ?..

На Западѣ необходимость религіознаго знанія и равноправность богословской науки съ другими науками давно признаны включеніемъ богословскаго знанія въ кругъ университетскаго образованія въ видѣ полныхъ и самостоятельныхъ богословскихъ факультетовъ на-ряду съ другими факультетами. А у насъ?..

На Западѣ... Впрочемъ, sapienti sat. Возвратимся къ своимъ ученымъ, домой...

Если не говорить о рѣдкихъ исключеніяхъ въ видѣ вѣрующихъ, всѣ наши русскіе ученые по своимъ отношеніямъ къ религіи безъ остатка распредѣляются въ четыре группы: скрытые или молчаливые, откровенные, двуличные и индифферентные.

Скрытные или молчаливые хранятъ гробовое молчаніе во всемъ, что могло бы говорить объ ихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ; а такъ какъ біографіи, воспоминанія и некрологи о такихъ ученыхъ пишутъ люди этой же категоріи, или же совершенно равнодушные ко всему, что касается религіи, то о религіозныхъ убѣжденіяхъ многихъ, даже крупныхъ русскихъ ученыхъ, мы лишены возможности имѣть какія-либо свѣдѣнія. Назову Лобачевскаго. Повидимому, его математическая система благопріятна идеализму,—вотъ все, что можно сказать съ несомнѣнностью вслѣдствіе полной неудачи всѣхъ моихъ справокъ и разысканій въ средѣ, близко прикосновенной къ этому ученому. Точно такъ же о Менделѣевѣ у себя дома я ничего не могъ разузнать, и лишь случайно, изъ американской анкеты среди ученыхъ по вопросу о безсмертіи, въ англійской книгѣ изъ отвѣта Менделѣева я узналъ, что онъ вѣрующій ученый. Молчаливость свою у насъ любятъ оправдывать интимностью и неприкосновенностью религіозныхъ убѣжденій, какъ дѣла сердца и внутренней сокровенной жизни личности. Но тутъ забываютъ, что религіозная вѣра, какъ глубокое сердечное убѣжденіе и познаніе дорогой для людей истины, по самой своей природѣ соціальна, не терпитъ уединенія, стремится сообщить себя другимъ, соединяется съ исповѣданіемъ. Хорошая, дѣйствительная вѣра безъ наружнаго исповѣданія въ психологическомъ отношеніи абсурдъ, въ религіозно-нравственномъ—преступленіе. Ученый За-

падъ, такъ богатый примѣрами высокаго благочестія, какъ мы это видѣли выше, не знаетъ этой молчаливости въ религіозныхъ вопросахъ и не даетъ примѣра и извиненія ей въ лицѣ ученыхъ съ именами Ньютона, Кеплера, Коперника, Пастэра и т. д., и т. д., не отдѣлявшихъ науку и религію, какъ разные пути къ одной и той же Истинѣ. Неестественно среди мрака таить въ себѣ истину и свѣтъ тѣмъ, которые озарены ими! Поэтому развѣ съ большимъ только ограниченіемъ можно припять неожиданное оправданіе молчаливости ученыхъ, столь необычайной для западныхъ ученыхъ, въ слѣдующемъ разсужденіи западнаго ученаго Дж. Стокса: «Крупная ошибка—предполагать, будто ученый irрелигіозенъ, на основаніи того только, что онъ обыкновенно не говоритъ (кромѣ развѣ какъ въ кругу своей семьи) на религіозныя темы. Есть пословица: «глубокія воды текутъ спокойно», и мнѣ думается, что когда религія глубоко ощущается, о ней говорятъ немного. Скептикъ не имѣетъ, слѣдовательно, никакого права предполагать, что ученый нерелигіозенъ только потому, что онъ не писалъ статей или не произносилъ рѣчей по религіознымъ вопросамъ» *). Разсужденіе почтеннаго ученаго опровергается не только сказаннымъ о психологической необходимости исповѣданія для глубокой и живой вѣры, но и его собственнымъ поведеніемъ и личностью. Какъ человѣкъ глубокаго ума и глубокой вѣры, Дж. Стоксъ прежде всего на самомъ себѣ долженъ былъ бы оправдать свою теорію и явиться спокойно-текущими водами; но онъ опровергъ эту пословицу честнымъ и открытымъ исповѣданіемъ своей вѣры. Конечно, нельзя съ безошибочностью отъ молчанія заключать къ безрелигіозности, или же равнодушію; но на русской почвѣ ученые этой категоріи въ религіозномъ отношеніи всегда для меня сомнительны. Для этого есть вѣское основаніе. Не мнѣ одному хорошо извѣстно, что послѣ 1905 года какъ разъ именно эти «глубокія и спокойно текущія воды» молчаливыхъ разомъ вспѣнились безчисленнымъ множествомъ выскочившихъ изъ нихъ пузырей изъ категоріи откровенныхъ атеистовъ, дарвинистовъ, матеріалистовъ. На нашихъ глазахъ, у всѣхъ на виду совершилось это превращеніе прежнихъ молчаливыхъ въ открытыхъ проповѣдниковъ атеизма, матеріализма и особенно дарвинизма, и многіе изъ нихъ съ излишнимъ усердіемъ стали аффишировать свой

*) *Табгумъ*, 5

религіозный радикализмъ, къ дѣлу и не къ дѣлу, какъ прежде аффишировали свое молчаніе, рисовались имъ. Какая же цѣна тутъ и молчанію, и рѣчамъ? Объ этомъ не стоитъ, конечно, и говорить. Что касается *двуличныхъ* въ религіозной области, то существованіе ихъ отмѣчено было еще Пироговымъ, и надо думать, что ихъ всегда было и будетъ немало. Пироговъ съ этими русскими учеными, держащимися въ религіи, какъ онъ выражается, «двойной бухгалтеріи», не очень церемонится, обзывая ихъ подлецами: «Подлецъ, въ моихъ глазахъ, передъ Богомъ и передъ собою—тотъ, кто, отвергнувъ всѣ идеалы вѣры и ставъ въ ряды атеизма, въ бѣдѣ измѣняетъ на время свои убѣжденія, и всего хуже, если дѣлаетъ еще это тайкомъ, а убѣжденія свои разглашаетъ открыто. А такихъ господъ немало» *). Также немало среди русскихъ ученыхъ, а можетъ быть даже большинство принадлежатъ къ категоріи *индифферентныхъ* въ религіозномъ отношеніи въ разной степени, отъ обычнаго безучастія и невнимательности къ вопросамъ религіи, подъ пустымъ предлогомъ недосуга, до полнаго омертвѣнія для религіи, до полной атрофіи религіознаго чувства и потемнѣнія религіознаго сознанія, когда религія просто не замѣчается, какъ не замѣчаются извѣстные цвѣта тѣми, кто страдаетъ дальтонизмомъ. Тутъ своего рода куриная слѣпота...

Столь неблагопріятное отношеніе къ религіи, установившееся въ общемъ въ русской наукѣ, скажемъ словами *Роб. Майера*, «менѣе всего служитъ къ ея пользѣ и чести». Отрицательное и индифферентное отношеніе русскихъ ученыхъ къ религіи вызывается не превосходствомъ русской науки передъ западною, несомнѣнно идущею впереди русской, а независящимъ отъ науки невѣріемъ и индифферентизмомъ русскихъ ученыхъ, которые раздѣляются ими вмѣстѣ со всею русскою интеллигенціею; иначе пришлось бы западную науку поставить ниже русской и признать отсталыми въ наукѣ Ньютона, Ампера, Либиха, Пастэра и проч., давшихъ намъ самую науку. Изъ сказаннаго видно, что, въ общемъ, причины невѣрія русскихъ ученыхъ тѣ же самыя, какія существуютъ и для всей забывшей христіанскаго Бога «русской» интеллигенціи, съ небольшими видоизмѣненіями, сверхъ тѣхъ, разумѣется, которыя существуютъ для всѣхъ ученыхъ вообще.

*) *Н. И. Пироговъ.* «Дневникъ стараго врача», т. II, стр. 184.

Итакъ, что же вызываетъ и питаетъ невѣріе въ русской интеллигенціи, поражающее всѣхъ наблюдателей русской жизни, особенно иностранцевъ, повальнымъ и стаднымъ своимъ характеромъ? Многое. Назову главное. Въ невѣріи русской интеллигенціи главную роль играютъ: 1) Обусловленное историческими обстоятельствами, однако, интеллигенціею неоправдывающими, отчужденіе у насъ интеллигенціи съ ея наукою и просвѣщеніемъ отъ Церкви и религіи. 2) Отсутствіе соприкосновенія науки съ религіей и въ университетахъ въ формѣ богословскихъ факультетовъ, чѣмъ объясняетъ и проф. К. Д. Кавелинъ, глубокій знатокъ университетскаго вопроса, «отчужденіе большинства профессоровъ и студентовъ отъ церкви и исповѣданія четырехъ пятыхъ всего народонаселенія», влекущее за собою то «безплодіе, которымъ поражена вся наша современная научная, литературная, художественная (прибавить слѣдуетъ — послѣ 1905—1907 гг. и общественная) дѣятельность» *). 3) Отсутствіе какихъ-либо намековъ на что-либо подобное религіозному и нравственному воспитанію въ русской интеллигентской семьѣ, чѣмъ на всю жизнь затрудняется религіозная вѣра, основаніе которой полагается въ дѣтствѣ вмѣстѣ съ общимъ воспитаніемъ ребенка. 4) Неудовлетворительная постановка и обстановка религіознаго образованія и воспитанія, или закона Божія въ школѣ, создаваемыя, конечно, не только загнанными въ уголъ и на послѣднее мѣсто въ школѣ законоучителями, смиренными и забитыми «батюшками», а и всеуправляющею и вездѣ безраздѣльно хозяйничающею невѣрующею интеллигенціею, сваливающею здѣсь вину съ своей больной головы на здоровую. 5) Низкій моральный уровень русской интеллигенціи, ея принципіальное пренебреженіе къ личному нравственному совершенствованію и заботамъ о душевной чистотѣ, отмѣченное еще Достоевскимъ. Все это иллюстрируется и литературой, и жизнью. Чувствительныя восклицанія чеховскихъ героевъ и героинь о высокой, прекрасной и свѣтлой жизни съ выраженіемъ жажды вѣры, дающей смыслъ жизни,—все это лицемѣрныя фразы и недоразумѣніе въ устахъ тѣхъ, которые продолжаютъ барахтаться въ грязи и не выказываютъ признаковъ серьезнаго намѣренія вылѣзти изъ нея. Выходъ изъ грязи къ свѣтлой жизни и къ высо-

*) См. въ моей докл. запискѣ «О необходимости богословскихъ факультетовъ въ университетахъ, или о реформѣ высшаго религіознаго образованія въ Россіи». Кіевъ, 1906, стр. 12—13.

кому небу религіи достигается вѣдь не декламаціей и краснобайствомъ, а возвращеніемъ къ забытому интеллигенціей Евангелію, ко Христу, къ Церкви *). 6) Вмѣстѣ со всею русскою интеллигенціею, наконецъ, русскіе невѣрующіе ученые раздѣляютъ недостаточность не только религіознаго образованія, имѣющую размѣры круглаго религіознаго невѣжества, но и недостаточность общаго образованія съ пробѣлами въ философіи; недостатокъ философскаго образованія въ нашихъ ученыхъ объясняетъ успѣхъ между ними анахронизмовъ научно-философской мысли, въ родѣ матеріализма и позитивизма и разныхъ модныхъ и пустыхъ новинокъ, сходящихъ для незнающихъ за послѣднее слово философіи, въ родѣ вздора эмпиріокритицизма Маха и Авенаріуса, или философіи «научнаго идеализма» марбургской школы Когена, Наторпа, Штаммлера и др. Наши химики, математики, минералоги и проч. узкіе ученые спеціалисты могутъ увлекаться, при своей неопытности, какъ невинные младенцы, какимъ угодно старьемъ и какою угодно новинкою. Конечно, для отношенія къ религіи имѣетъ большое значеніе увлеченіе матеріализмомъ и позитивизмомъ, а оно какъ разъ въ русской ученой средѣ имѣетъ повальный характеръ. Здѣсь причина тяготѣнія русскихъ ученыхъ къ дарвинизму, пережитаго уже на Западѣ, и непреодолимаго стремленія смѣшивать дарвинизмъ съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Конечно, среди интеллектуальныхъ причинъ невѣрія русской интеллигенціи и принадлежащихъ къ ней ученыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ поразительное здѣсь религіозное невѣжество, безграничная духовная тьма, въ отличіе отъ простонародной тьмы гордо именующая себя свѣтомъ и солью земли, желающая только учить, а не учиться. Что невѣріе русской интеллигенціи основано главнымъ образомъ на ея невѣжествѣ, сознанія этого она сама не лишена. «Приходится признать, говоритъ, напр., одинъ изъ авторовъ сборника В ѣ х и, что русскій атеизмъ отнюдь не является сознательнымъ отрицаніемъ, плодомъ сложной, мучительной и продолжительной

*) Современная интеллигентская литература, путемъ обмолвокъ и признаній, сама говоритъ о своемъ низкомъ нравственномъ уровнѣ. См., напр., въ сборникѣ «Вѣхи» ст. *Изгоева* «Объ интеллигентной молодежи» и *Франка* «Этика нигилизма»; *Левченко* «Кризисъ университетской жизни», въ «Русск. Мысли» 1908, кн. 5; «Рефераты Спб. Христ. Студ. Кружка, прочитанные въ день годового собранія 27 янв. 1907», напр., «Христосъ въ жизни русскаго студента» и т. п.).

работы ума, сердца и воли, итогомъ личной жизни. Нѣтъ, онъ берется чаще всего на вѣру и сохраняетъ эти черты наивной религіозной вѣры, только наизнанку, и это не измѣняется вслѣдствіе того, что онъ принимаетъ воинствующія, догматическія, наукообразныя формы. Эта вѣра беретъ въ основу рядъ некритическихъ, непровѣренныхъ и въ своей догматической формѣ, конечно, неправильныхъ утвержденій, именно, что наука компетентна окончательно разрѣшить и вопросы религіи, и притомъ разрѣшаетъ ихъ въ отрицательномъ смыслѣ. Вѣру эту раздѣляютъ и ученые, и неученые, и старые, и молодые. Она усвояется въ отроческомъ возрастѣ, который біографически наступаетъ, конечно, для однихъ ранѣе, для другихъ позже. Въ этомъ возрастѣ обыкновенно легко и даже естественно воспринимается отрицаніе религіи, тотчасъ же замѣняемой вѣрою въ науку, въ прогрессъ. Наша интеллигенція, разъ ставъ на эту почву, въ большинствѣ случаевъ всю жизнь такъ и остается при этой вѣрѣ, считая всѣ вопросы уже достаточно разъясненными и окончательно порѣшенными, загипнотизированная всеобщимъ единодушіемъ въ этомъ мнѣніи. Отроки становятся зрѣлыми мужами, иные изъ нихъ пріобрѣтаютъ серьезныя научныя знанія, дѣлаются видными спеціалистами, и въ такомъ случаѣ они бросаютъ на чашку вѣсовъ въ пользу отрочески увѣрованнаго, догматически воспринятаго на школьной скамьѣ атеизма свой авторитетъ ученыхъ спеціалистовъ, хотя бы въ области этихъ вопросовъ они были нисколько не болѣе авторитетны, нежели каждый мыслящій и чувствующій человѣкъ. Такимъ образомъ, создается духовная атмосфера и въ нашей школѣ, гдѣ формируется подрастающая интеллигенція» *).

Въ концѣ концовъ, какъ видимъ, въ невѣріи русскихъ ученыхъ точная наука вообще не при чемъ, не играетъ никакой роли, и всѣ источники его—внѣ науки. Отсюда слѣдуетъ, что невѣріемъ русскихъ ученыхъ не колеблется и даже не затрагивается фактически нами установленное положеніе о полномъ согласіи религіи и науки.

---

*) *С. Н. Булгаковъ*, «Героизмъ и подвижничество», стр. 31.—Къ характеристикѣ русской науки и русскихъ ученыхъ въ морально-религіозномъ отношеніи см. въ моемъ «Систематическ. Указат. апологетической литературы», вып. 1-й, №№ 144, 146—148.

Гл. III. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію невѣрующихъ ученыхъ.

Съ высокихъ стѣнъ смѣются надо мной
Винты и рычаги, машины и колеса.
Я думалъ: къ истинѣ вы ключъ надежный мой;
Но, если ключъ блеститъ отдѣлкой мастерской,
Все жъ бѣдному ему не разрѣшить вопроса.
При свѣтѣ дня покрыта тайны мглой,
нами.
Увы, чего не могъ постигнуть ты душой—
Не объяснить тебѣ винтомъ и рычагами!

Гетэ («Фаустъ»)

«Люди науки могутъ быть христіанами, могутъ и не быть ими; ихъ приговоры цѣнны въ предѣлахъ ихъ компетентности. Но Богъ познается не телескопомъ и не микроскопомъ и, къ счастью для вождей науки, многіе изъ нихъ во всѣ времена достигали богопознанія путемъ вѣры».

Д-ръ мед. проф. *А. Р. Симпсонъ.*

По вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки среди ученыхъ выдвигаются три основныхъ точки зрѣнія, которыми устанавливаются три группы ученыхъ: 1) точка зрѣнія или группа отрицательно-догматическая, 2) агностическая и 3) религіозно-положительная, или примирительная. Первой точки зрѣнія держатся невѣрующіе ученые, второй индифферентные и сомнѣвающіеся, третьей вѣрующіе ученые. Въ этомъ порядкѣ мы и разсмотримъ мнѣнія ученыхъ о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки.

Отрицательно-догматическою точкою зрѣнія невѣрующихъ ученыхъ (обыкновенно матеріалистовъ и нерѣдко позитивистовъ) религія и наука представляются несовмѣстимыми величинами: это двѣ линіи или плоскости, взаимно пересѣкающіяся. Религія отрицается наукой, будто бы упразднившей вѣру въ Бога, безсмертіе души, въ откровеніе и т. п. религіозныя истины. За наукою, очевидно, признается право компетентнаго рѣшенія вопросовъ религіи и философіи, выходящихъ изъ границъ опыта и научнаго метода. Мало того, за наукою признается здѣсь даже преимущество передъ религіею и философіею. Наглядное поня-

тіе объ этой группѣ могутъ дать имена наиболѣе типичныхъ ея представителей, каковы, напр., извѣстные и публикѣ матеріалисты: Бюхнеръ, Геккель, Ладенбургъ, а у насъ Мечниковъ, типичный русскій ученый—дарвинистъ, матеріалистъ и атеистъ. (Атеизмъ, конечно, подразумѣвается матеріализмомъ, послѣдній же не обязателенъ въ дарвинизмѣ, но связывается съ дарвинизмомъ у русскихъ ученыхъ, о чемъ былъ уже случай говорить раньше въ гл. II). Особенно большою и шумною популярностью въ невѣрующей и плохо образованной средѣ пользуется имя Э. Геккеля, «нѣмецкаго апостола дарвинизма» и проповѣдника «монизма» или, лучше сказать, матеріализма въ грубой формѣ греческаго гилозоизма въ сочиненіяхъ, предназначенныхъ для публики, какъ: «Міровыя загадки» и «Чудеса жизни». Въ 60—70 годахъ прошлаго столѣтія такою же шумною славою побѣдоноснаго «борца за истину» въ борьбѣ съ религіей и идеалистической философіей пользовался Бюхнеръ, въ своемъ сочиненіи «Сила и матерія» выступившій съ проповѣдью психологическаго матеріализма отъ имени естествознанія. Его «Сила и матерія» и теперь продолжаетъ быть настольною книгою для всѣхъ «передовыхъ» русскихъ студентовъ и гимназистовъ, курсистокъ и гимназистокъ, лишенныхъ самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по философіи. Среди такихъ поклонниковъ Бюхнера въ качествѣ несомнѣнной заслуги его передъ культурою и прогрессомъ человѣчества постановлено видѣть въ книгѣ Бюхнера научное опроверженіе истины бытія независимой отъ тѣла и безсмертной души; поэтому, когда русскій гимназистъ или курсистка говоритъ, что наука опровергнула безсмертіе души, то на ихъ языкѣ это просто значитъ: Бюхнеръ доказалъ, что нѣтъ безсмертной души! И наоборотъ. Менѣе популяренъ и мало извѣстенъ у насъ Ладенбургъ, однако, въ свое время много надѣлавшій шума за границей своимъ «выступленіемъ» противъ религіи отъ имени естествознанія на 75-мъ Съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей въ Кассель. Въ своемъ докладѣ на тему: «Естествознаніе и міровоззрѣніе» бреславскій проф. Ладенбургъ позволилъ себѣ въ рѣзко догматическомъ тонѣ отъ имени науки, хотя безъ всякихъ доказательствъ, высказаться противъ богооткровеннаго характера Библіи и христіанства и утверждать, что современное естествознаніе не допускаетъ вѣру въ бытіе личнаго Бога, души и безсмертія, чѣмъ въ глазахъ понимающихъ дѣло ученыхъ унизилъ естествозна-

піе на степень какой-то служанки вульгарнаго матеріализма, и среди нихъ произвелъ неблагопріятное впечатлѣніе (какъ это видно, напр., изъ «Открытаго письма г. проф. Dr. Ладенбургу» ботаника Dr. Э. Деннерта). Типичнымъ представителемъ разсматриваемой группы, смѣшивающей матеріалистическую философію съ естествознаніемъ, среди нашихъ ученыхъ несомнѣнно можетъ быть названъ всѣмъ извѣстный профессоръ Илья Ильичъ Мечниковъ, извѣстный публикѣ, конечно, не столько теоріею фагоцитоза и заслугами въ наукѣ, сколько по своей «общественной дѣятельности» и газетной о немъ болтовнѣ при всякомъ случаѣ, а также переведеннымъ съ франц. яз. на русскій сочиненіемъ, доступнымъ и для публики, подъ заманчивымъ и— увы!—обманчивымъ заглавіемъ: «Этюды о человѣческой природѣ. Опытъ оптимистической философіи» *).

Отрицательно-догматическая точка зрѣнія есть устарѣлая и пережитая для современной науки позиція въ вопросѣ объ отношеніи религіи и науки, занимаемая только отсталыми умами, поскольку она характеризуется вѣрою въ могущество науки и ея способность компетентно рѣшать религіозно-философскіе вопросы, подлежащіе вѣдѣнію религіи и философіи. Совершенно вѣрно, что этотъ «типъ всеобъясняющихъ механиковъ», по выраженію Франсе, «къ счастью для достоинства науки, пересталъ уже быть характернымъ для настоящей фазы ея развитія» **). Отрицательно-догматическая точка зрѣнія такъ же устарѣла для нашего времени, какъ устарѣлъ для философіи породившій ее позитивизмъ съ его проповѣдью о точной наукѣ, какъ завершительномъ фазисѣ умственнаго развитія человѣчества и съ его широко-вѣщательными обѣщаніями всякихъ благъ отъ науки, начиная отъ полнаго и точнаго, возможнаго человѣческому уму, познанія всѣхъ тайнъ или законовъ природы до обновленія свѣтомъ научнаго знанія всей жизни че-

---

*) Какъ установлено критикою, тутъ, собственно, и нѣтъ никакой философіи, кромѣ плохенькой философіи русскаго дарвинизма, отождествляющаго себя съ матеріализмомъ и атеизмомъ. Къ критикѣ «философіи» Мечникова въ основной ея мысли см. моей книги «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи, т. I, стр. 536—544, съ библіогр. на стр. 544; см. также критич. литерат. въ моемъ «Указат. апологетич. литерат.», вып. 1, №№ 375, 376, 377.

**) *В. А. Кожевникова.* «Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи». «Богосл. Вѣстникъ», 1912, № 1, стр. 123.

ловѣческой, личной и общественной включительно. Отрицательно-догматическая точка зрѣнія, порожденная наивною вѣрою въ науку, естественно рухнула вмѣстѣ съ самою этою вѣрою и, вѣроятно, навсегда похоронена разочарованіемъ въ наукѣ, которое пережито къ концу XIX в. Однако, въ дѣйствительности тутъ никакого банкротства науки не было; не наука обанкротилась, а обанкротились, оказались несостоятельными позитивизмъ и интеллектуализмъ съ ихъ ложными ожиданіями и требованіями отъ науки. Такъ сложилось въ современномъ образованномъ мірѣ среди чуткихъ къ вѣяніямъ времени настроеніе скептическое по отношеніи къ наукѣ; въ спеціально же научной средѣ отрицательно-догматическая точка зрѣнія кромѣ того еще поколеблена, точнѣе говоря—совершенно упразднена самымъ ходомъ или исторіею научнаго развитія, особенно открытіями въ области физики и химіи за послѣднее время, создавшими то, что можно назвать кризисомъ науки.

Исторіей естественныхъ наукъ не подтверждается репутація за естествознаніемъ науки точной въ собственномъ смыслѣ этого слова, а затрудняется и отрицается прежде всего рѣзкою смѣною и неустойчивостью, разнообразіемъ общихъ воззрѣній на природу и частныхъ теорій или доктринъ съ объясненіемъ тѣхъ или иныхъ явленій въ природѣ (напр., въ физикѣ теорій свѣта, теплоты и т. п.). Въ самомъ дѣлѣ, сколько смѣнилось здѣсь разныхъ воззрѣній на природу, изъ которыхъ каждое въ свое время считало себя точнымъ выводомъ наукъ и правильнымъ мірообъясненіемъ! Получившій права гражданства въ официальной наукѣ научный матеріализмъ или атомизмъ къ концу XIX в. смѣняется энергетикой, оставаясь въ качествѣ непогрѣшимо-истинной натурфилософіи лишь въ гимназическихъ учебникахъ по физикѣ, а энергетика въ свою очередь въ самомъ началѣ XX в. должна была уступить свое мѣсто теоріи электроновъ или ученію объ электрическомъ происхожденіи и природѣ силы и матеріи. Хорошо рисуетъ здѣсь положеніе дѣла нѣмецкій физикъ Классенъ. Подъ вліяніемъ открытія темныхъ лучей за послѣдніе годы измѣнилось въ физикѣ понятіе о строеніи вещества. «Если и удерживается вѣра въ атомы, то физика теперь принимаетъ, что каждый атомъ сверхъ того еще заряженъ электричествомъ, и что изъ двухъ видовъ электричества отрицательное можетъ отталкиваться

отъ атома, такъ что оно дѣлается свободно движущеюся, самостоятельною частичкою, называемою электрономъ, который обладаетъ массою, меньшею въ тысячу разъ самого атома. Также и въ химіи теперь уже нельзя остановиться на основныхъ химическихъ единицахъ или атомахъ въ виду новѣйшихъ открытій въ области радіоактивности и открытія новыхъ элементовъ; химику приходится считаться съ возможностью распаденія атомовъ, какъ это выяснено докладомъ великаго англійскаго химика Рамсая на съѣздѣ натуралистовъ въ Касселѣ. Такимъ образомъ, прогрессомъ знанія возможность познанія послѣднихъ элементовъ матеріи для насъ отодвигается все дальше и дальше. Было время, когда думали, что міръ можно понять, сведя всѣ явленія къ атомамъ, которые, будучи надѣлены силами, движутся вокругъ другъ друга по подобіе солнца и планетъ (такъ называемое механическое или матеріалистическое мірообъясненіе). Какой физикъ теперь повѣритъ въ эту басню!» *). Но есть основаніе думать, что въ своемъ наступательномъ движеніи отъ новаго къ новому наука не остановится и на той натурфилософіи даннаго момента, которая дается теоріею электроновъ. «Понятіе объ атомѣ электричества, какъ исходномъ пунктѣ при построеніи матеріальныхъ атомовъ позволяетъ намъ», говоритъ французскій математикъ Анри Пуанкаре, «проникнуть въ тайны природы дальше, глубже, чѣмъ могли наши предшественники. Но не слѣдуетъ удовлетворяться словами; тайна еще не разъяснена, когда мы посредствомъ какого-либо вполнѣ, впрочемъ, законнаго искусственнаго пріема просто отодвинули затрудненіе. Все менѣе и меньше становится тотъ элементъ, къ которому относятся физическія свойства. Сначала, въ античномъ мірѣ ихъ приписывали совокупности вещества въ его цѣломъ, затѣмъ — химическимъ атомамъ, соединеніе которыхъ составляетъ эту совокупность, теперь—электронамъ, составляющимъ эти атомы. Теперь все меньшимъ и меньшимъ становится для насъ то, что мы считаемъ недѣлимымъ; но мы все еще не знаемъ, какова можетъ быть его сущность. Понятіе электрическаго заряда, которые мы подставляемъ на мѣсто понятія матеріальной массы, позволитъ объединить явленія, считавшіяся разъединенными. Но его нельзя разсматривать, какъ окончательное объ-

*) *I. Classen.* «Naturwissenschaftliche Erkentniss und der Glaube an Gott». Hamburg, 1903, p.p. 12—13.

ясненіе, какъ конечный пунктъ, на которомъ наука должна остановиться. Однако, въ теченіе ближайшихъ лѣтъ физика едва ли пойдетъ дальше: теперешняя гипотеза достаточна, чтобы группировать извѣстные факты; она позволяетъ, несомнѣнно, предугадывать существованіе многихъ другихъ, и, несомнѣнно, новые успѣхи скоро появятся въ ея активѣ. Затѣмъ настанетъ день, когда и эта соблазнительная гипотеза—какъ и всѣ тѣ, которыя господствовали до нея—будетъ больше приводить къ ошибкамъ, чѣмъ къ открытіямъ» *). Оказывается, такимъ образомъ, что въ наукѣ нѣтъ и, пожалуй, не будетъ надежнаго и твердо установленнаго общаго натурфилософскаго міровоззрѣнія. Но такой же неустойчивостью страдаютъ ея теоріи и гипотезы съ объясненіемъ тѣхъ или иныхъ явленій природы. Это прекрасно отмѣчено у Пуанкаре. «Наука», говоритъ онъ, «уже прожила достаточно долго для того, чтобы, обращаясь къ ея исторіи, можно было узнать, противятся ли вліянію времени воздвигаемыя ею зданія, или же они не отличаются отъ эфемерныхъ построеній. Что же мы видимъ? Съ перваго взгляда намъ представляется, что теоріи живутъ не долѣе дня, и что руины нагромождаются на руины. Сегодня теорія родилась, завтра она въ модѣ, послѣзавтра она дѣлается классической, на третій день она устарѣла, а на четвертой—забыта... Ограничимся однимъ примѣромъ. Теорія эѳирныхъ волнъ учила насъ, что свѣтъ есть движеніе. Въ настоящій моментъ мода на сторонѣ электромагнитной теоріи, которая учитъ, что свѣтъ есть токъ» **)...

Исторія наукъ, особенно физики, не можетъ поддерживать и питать вѣру въ науку, проповѣдываемую позитивизмомъ. Но эта вѣра окончательно поколеблена успѣхами самихъ наукъ, особенно открытіемъ радія и радіоактивности, произведшими въ наукѣ переворотъ, заслуживающій названія если не революціи, то кризиса науки, который наглядно устанавливаетъ условность и приблизительность, какъ думали, самыхъ незыбле-

*) *А. Пуанкаре.* «Эволюція современной физики». Перев. съ франц. Спб. 1910, стр. 181—182.

**) *Анри Пуанкаре.* «Цѣнность науки». Перев. съ франц. подъ ред. А. Бачинскаго и Н. Соловьева. Москва. 1906, стр. 188—189. Смѣною доктринъ, по мнѣнію Пуанкаре, все-таки не отрицается поступательное движеніе науки: не будучи всецѣло истинной, каждая доктрина заключаетъ въ себѣ часть истины, непогибающую для науки,—для дальнѣйшихъ ея доктринъ. Въ такомъ взглядѣ Пуанкаре имѣетъ много единомышленниковъ среди ученыхъ.

мыхъ «истинъ» «точной» науки. Уже не въ философскомъ умозрѣніи, а на ученомъ опытѣ—въ обсерваторіяхъ, химическихъ лабораторіяхъ и физическихъ кабинетахъ переживается нынѣ крушеніе вѣры въ непоколебимость высшихъ опредѣленій науки, такъ называемыхъ законовъ природы, установленныхъ наукою,—слывшихъ за вѣчныя и безусловныя истины, и низведенныхъ теперь на уровень «условно научныхъ и познавательно-утилитарныхъ соглашеній». «Черезъ чистилище такого опытнаго сомнѣнія прошелъ весь, когда-то непререкаемый, символъ вѣры естествознанія», такъ что, по выраженію Пуанкаре, даже въ величавыхъ принципахъ Карно, Ньютона, Лавуазье, Майера и другихъ гранитныхъ устояхъ научнаго мірообъясненія пробиты бреши *). «Все», въ одинъ голосъ говорятъ намъ, «потрясено, все поколеблено, все обращено въ развалины. Самые прочные принципы, самые «незыблемые» законы, самыя «абсолютныя» истины оказались несостоятельными въ приложеніи къ новооткрытому міру явленій, обнаруженныхъ такъ называемыми «радіоактивными» тѣлами, катодными лучами и т. п. Приходится, слѣдовательно, совершенно измѣнить наши представленія объ основныхъ законахъ природы». «Всѣмъ хорошо извѣстно», говоритъ проф. Хвольсонъ, «что открытіе радіоактивныхъ веществъ и связанное съ нимъ возникновеніе электронной теоріи и новой теоріи лучистой энергіи имѣло вліяніе гибельнаго землетрясенія, которое разрушило почти все, что существовало; уничтожило то, что долгое время казалось наиболѣе прочнымъ,—тѣ научныя зданія, къ которымъ мы наиболѣе привыкли, и въ которыхъ, казалось, жилось такъ уютно. Почти всѣ эти зданія представляютъ нынѣ груду развалинъ. Даже механика, та наука наукъ, къ которой мы надѣялись свести всѣ вообще явленія, старая Ньютоновская механика уничтожена: она нынѣ не существуетъ. Оказывается, что въ теченіе ста лѣтъ наука шла по невѣрному пути... Попытокъ идти новымъ направленіемъ, построить новые фундаменты на мѣстахъ разрушенныхъ зданій существуетъ уже очень много, но я не думаю, чтобы можно было сказать, что хоть одинъ изъ этихъ фундаментовъ дѣйствительно прочно и надежно заложенъ». Въ наукѣ есть пять основныхъ законовъ или принциповъ, составляющихъ фундаментъ научной

*) Ср. *В. А. Ксжевникова* «Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи». «Богосл. Вѣстн.» 1912, № 1, стр. 129.

картины міра, таковы: принципъ Лавуазье—сохраненія вещества, принципъ Майера-Гельмгольца—сохраненія энергіи, принципъ Карно-Клаузіуса—разсѣянія энергіи (принципъ роста энтропіи), принципъ относительности всѣхъ явленій и Ньютоновскій принципъ равенства дѣйствія противодѣйствію. Новѣйшими открытіями и основанною на нихъ теоріею электроновъ поколеблены и эти основныя начала естествознанія, столбы, на которыхъ оно покоится. Такъ какъ, по ученію объ электронахъ (выше изложенному здѣсь словами Классена), всякая матерія состоитъ изъ электроновъ, то отсюда слѣдуетъ, что масса и энергія, въ сущности, не различаются между собою. Масса есть энергія электроновъ; слѣдовательно, масса и энергія должны быть равнозначащи, эквивалентны. Вспомнимъ Ньютоновскій законъ, согласно которому тяготѣніе пропорціонально массамъ. Атомы же, распадаясь на электроны, теряютъ свою матеріальную массу. Ясно, что въ этомъ случаѣ законъ тяготѣнія теряетъ силу. Теперь вспомнимъ законъ Лавуазье о сохраненіи матеріи, согласно которому при всѣхъ химическихъ процессахъ общая матеріальная масса тѣлъ, участвующихъ въ этихъ процессахъ, не измѣняется; очевидно, если матерія теряетъ или измѣняетъ свою массу, законъ сохраненія матеріи перестаетъ существовать. Тотъ же самый выводъ надо сдѣлать и по отношенію къ Майеровскому закону сохраненія энергіи, согласно которому количество энергіи остается неизмѣннымъ при всѣхъ ея превращеніяхъ. Разъ электроны, представляющіе собою частички электричества и, слѣдовательно, родъ энергіи, сочетаются въ атомы, составляющіе всякую матерію, и, слѣдовательно, теряютъ свои свойства энергіи; то ясно, что законъ сохраненія энергіи теряетъ свою силу *).

Современный научный кризисъ простирается далеко за предѣлы физики и касается также химіи. Открытіемъ радіоактивности нанесенъ ударъ и нашей официальной классической химіи. «Вещества, которыя не могутъ быть ни составлены изъ чего-либо, ни разложены на какія-либо другія, называются простыми тѣлами», такъ опредѣляетъ въ Основахъ химіи Д. И. Менделѣевъ химическій элементъ. Это основное положеніе въ

*) См. объ этомъ въ популярномъ очеркѣ современнаго научнаго кризиса *Г. А. Гуревича* «Великій переворотъ въ наукѣ» (Литерат. прилож. къ «Нивѣ» 1912, № 1). Ср. о томъ же *А. Пуанкаре* «Цѣнность науки», ч. 2, гл. VIII («Современный кризисъ математической физики»).

нашихъ понятіяхъ о матеріи ниспровергается открытіями радіоактивности. Гелій—простое тѣло, но онъ получается изъ радія. Но все, что имѣетъ начало, имѣетъ и конецъ, и все, что можетъ быть создано, можетъ быть и разрушено. Разъ гелій создается, его, слѣдов., можно разложить. Въ такомъ случаѣ нѣтъ основаній считать неразложимыми и остальные химическіе элементы.

Какъ видимъ, къ настоящему времени ни физика, ни химія не располагаютъ подъ собою твердою почвою. Если принять во вниманіе мѣсто физики и химіи въ научномъ міровоззрѣніи и общей картинѣ міра, даваемой естествознаніемъ, то понятною становится чувствительность кризиса для всего естествознанія. Тяжелое положеніе естествознанія осложняется, въ довершеніе всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что къ настоящему времени вполнѣ установлена относительность и условность даже самой математики, служащей ключемъ и основою точнаго научнаго знанія. Что можетъ быть очевиднѣе и вѣрнѣе математическихъ истинъ, геометрическихъ теоремъ и аксіомъ? Однако, это не такъ. На ряду съ греческой общепринятой геометріей Эвклида, гдѣ пространство имѣетъ три измѣренія, гдѣ прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, гдѣ сумма угловъ треугольника равна двумъ прямымъ и т. д., существуетъ еще необщепринятая русская, не-эвклидовская геометрія Лобачевскаго съ четырехмѣрнымъ пространствомъ, гдѣ прямая линія не есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, гдѣ сумма угловъ треугольника не равна двумъ прямымъ, а больше двухъ прямыхъ по однимъ и меньше по другимъ (Риманъ и Лобачевскій) и т. д. Но «истина», которая не является одной и той же для всѣхъ, есть ли истина?»—можно спросить съ Анри Пуанкаре. Двѣ разныхъ системы или концепціи геометрическихъ соотвѣтствуютъ какъ бы двумъ разнымъ мірамъ. «Если одинъ изъ этихъ міровъ есть нашъ Эвклидовъ міръ, тогда то, что обитатели его назовутъ прямою, будетъ наша Эвклидова прямая; а то, что обитатели второго міра назовутъ прямою, будетъ кривая, обладающая такими же свойствами по отношенію къ тому міру, который они населяютъ, и по отношенію къ тѣмъ движеніямъ, которыя они назовутъ движеніями безъ деформаціи; поэтому ихъ прямая не будетъ наша Эвклидова прямая» *). Только «для поверхностнаго наблюдателя и большой публики, да для гимназистовъ, знакомящихся съ элементарными свѣдѣніями по физикѣ»,

*) *А. Пуанкаре.* «Цѣнность науки», стр. 7, 47.

говоритъ математикъ Пуанкаре, «математическія истины представляются стоящими внѣ какихъ-либо сомнѣній, присущими не только намъ, но и самой природѣ и ставящими границы свободѣ самого Творца. Вдумавшись же нѣсколько больше, замѣчаютъ широкое мѣсто, принадлежащее гипотезѣ и въ области математики, и понимаютъ, что эти условныя положенія представляютъ продуктъ свободной дѣятельности нашего ума, который именно въ этой области не знаетъ препятствій. Здѣсь нашъ умъ можетъ утверждать, такъ какъ онъ предписываетъ; но его предписанія налагаются на нашу науку, которая безъ нихъ была бы невозможна; но они не налагаются на природу» *).

Что же въ концѣ концовъ является слѣдствіемъ переживаемаго нынѣ научнаго кризиса, когда поразительными открытіями послѣдняго времени оказались опрокинутыми въ наукѣ истины, казавшіяся прежде непоколебимыми? Прежде всего—смиренное сознаніе условности или относительности научнаго знанія или, что то же, полное крушеніе стараго научнаго догматизма. Вслѣдствіе охватившаго всю область точнаго знанія кризиса наука стала скромнѣе въ оцѣнкѣ своихъ силъ даже на частичное знаніе природы, совершенно разставшись съ недавнею претензіею, чуть ли не на всевѣдѣніе (теперь это предоставляется отсталымъ умамъ въ наукѣ да публикѣ, далекой отъ научныхъ переживаній). Въ этомъ отношеніи въ научной средѣ совершилось замѣчательное перерожденіе ученыхъ стараго вагнеровскаго типа въ новый типъ ученыхъ Фаустовъ. «Новый (здѣсь) человѣкъ (т. е. ученый)», по выраженію Д. И. Менделѣева, «болѣе скроменъ и довольствуется постиженіемъ доли истины, надѣясь по частямъ открыть всѣ ея тайны» *). Другими словами, сознаніе относительности научнаго знанія, не исключая отсюда «законовъ природы», имъ открываемыхъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и преобразованіе самаго понятія о наукѣ—вотъ главное слѣдствіе современнаго научнаго кризиса. Прежде законамъ природы усвояли значеніе абсолютной истины и полагали, что законы природы относятся не къ опредѣленной сферѣ воспріятія, а къ сущности міра, и охватываютъ собою всѣ явленія, извѣстныя и

*) *Д. И. Менделѣева.* «Завѣтныя мысли». С.-Петербургъ. 1903—1904, стр. 36.

**) *А. Пуанкаре.* «Наука и гипотеза». Перев. съ франц., съ портрет. автора и предисл. проф. Н. А. Умова. Москва 1904, стр. 1 и дал.

неизвѣстныя, доступныя уже воспріятію и еще закрытыя для него. Думали, что, какъ бы ни расширялась сфера нашего воспріятія и открытій новыхъ явленій, мы и въ нихъ встрѣтимъ дѣйствіе тѣхъ же законовъ. На дѣлѣ оказалось, однако, что ни одинъ законъ не открываетъ настолько данной группы явленій дѣйствительности, чтобы никогда не получались несоотвѣтствія фактовъ съ нимъ. Каждая истина, каждый законъ не абсолютны, а болѣе или менѣе ограничены, частичны, и всегда остается что-то не охваченное ими. Возьмемъ для примѣра законъ Маріотта-Бойля. Онъ былъ вѣрнымъ въ моментъ его открытія, оказался лишь приблизительно вѣрнымъ для небольшихъ давленій, при болѣе тонкомъ и точномъ опредѣленіи величинъ и оказался совершенно невѣрнымъ для огромныхъ давленій. Законъ этотъ тѣмъ не менѣе служитъ для практическихъ цѣлей—для вычисленій при постройкѣ машины и т. д. Онъ вѣренъ, поскольку подтверждается опытомъ, т. е., свидѣтельствомъ чувствъ, и для воспріятія грубаго, не усиленнаго тонкими приборами, онъ вѣренъ вполнѣ, даже можно сказать «абсолютно»; но для воспріятія болѣе тонкаго требуетъ поправки и даже вовсе теряетъ силу. Отсюда, естественно, въ современной наукѣ радикально преобразуется и самое понятіе о «точной» наукѣ. Со своими законами природы наука перестаетъ быть объективнымъ познаніемъ или объясненіемъ міра въ смыслѣ О. Конта и является по преимуществу и прежде всего, какъ говоритъ П у а н к а р е, «классификаціей, манерой сближать между собою тѣ факты, которые представляются раздѣленными, несмотря на нѣкоторое естественное родство, скрытымъ образомъ связывающее ихъ другъ съ другомъ. Иными словами, наука есть система соотношеній, но только въ соотношеніяхъ должно искать объективности; тщетно было бы искать ее въ вещахъ, разсматриваемыхъ изолированно другъ отъ друга. Поэтому, когда мы задаемъ вопросъ: какова объективная цѣнность науки?—то это не значитъ: открываетъ ли намъ наука истинную природу вещей?—но это значитъ: открываетъ ли она намъ истинныя отношенія вещей? Отсюда, когда научная теорія обнаруживаетъ притязаніе научить насъ, что такое теплота, или что такое электричество, или что такое жизнь—она напередъ осуждена; все, что она можетъ намъ дать, есть не болѣе, какъ грубое подобіе. Она является поэтому временной и шаткой». Однако и въ этомъ смыслѣ нельзя преувеличивать значеніе науки, какъ объясненія отношеній вещей. Мо-

жетъ ли наука съ безусловной непогрѣшимостью твердо, разъ навсегда устанавливать истинныя отношенія вещей — такъ, чтобы тутъ ея сближенія никогда не раздѣлялись и раздѣленія не сближались, чтобы устанавливаемыя наукою отношенія являлись одинаковыми для всѣхъ и навсегда? Отрицательный отвѣтъ на это дается простымъ фактомъ недолговѣчности и постоянной смѣны разныхъ теорій и гипотезъ въ наукѣ. Отвергались многія «сближенія», считавшіяся прочно установленными. Вообще, мѣра ихъ объективности такая же, по воззрѣнію Пуанкаре, какъ и для нашей вѣры во внѣшніе предметы. Объективное здѣсь, какъ и въ открываемыхъ наукою отношеніяхъ вещей, есть вездѣ только общесубъективное,—то, что одинаково воспринимается, если не всѣми, то нормальнымъ большинствомъ людей. Но съ этимъ мы близки уже къ той скромной долѣ знанія, которая дозволяется намъ философіею субъективно-критическаго идеализма Канта *). Въ концѣ концовъ, оказывается, и на область «точнаго» научнаго знанія распространяются выводы критической философіи Канта, а не на одну только религію и философію,—и при томъ въ формѣ моднаго теперь прагматизма. Отвергнувши за религіозно-философскимъ знаніемъ объективно-теоретическое значеніе (истинность), Кантъ допускаетъ за нимъ значеніе практической цѣнности и пользы: Богъ и безсмертіе, напр., намъ нужны для жизни и знанія, хотя о Богѣ и безсмертіи мы ничего достовѣрнаго разумомъ не знаемъ. Законы природы, какъ соотношеніе условій и слѣдствій, по научному прагматизму, не суть точное и объективное, полное постиженіе реальности, а практическія (полезныя) правила дѣйствія для подчиненія себѣ природы на основаніи приблизительнаго познанія причинной связи явленій. Наука пріобрѣтаетъ въ такомъ пониманіи вполнѣ прагматическій характеръ. Прагматизмъ, съ легкой руки американскаго философа Джемса, въ основной своей сути есть примѣненіе кантовскаго критерія истины въ области религіозно-философскаго знанія—считать истиннымъ полезное для нравственной жизни, оправдываемое опытомъ; въ научной же области прагматизмъ заключается, такимъ образомъ, въ усвоеніи истиннаго полезному для внѣшняго житейскаго обихода. По воззрѣнію Бергсона, одного изъ видныхъ представителей вмѣстѣ съ А. Пуанкаре, Ле-Руа и др. критическаго напра-

*) *А. Пуанкаре.* «Цѣнность науки», стр. 186—190.

вленія въ наукѣ, науки созданы лишь практическою необходимостью воздѣйствія на окружающія насъ вещи, стремленіемъ къ производству полезныхъ намъ предметовъ, не объясняя, однако, сущности окружающей насъ дѣйствительности, для чего по воззрѣнію Бергсона, согласно прагматической философіи, есть иные, сверхраціональные пути. Въ такомъ освѣщеніи отъ науки, какъ пути познанія истины, не много остается, какъ бы ее ни защищали тутъ по примѣру Пуанкаре, разсуждающаго: «намъ скажутъ, что наука есть лишь классификація, и что классификація эта не можетъ быть вѣрною, а только удобною. Но вѣрно то, что она удобна; вѣрно, что она является такою не только для меня, но и для всѣхъ людей; вѣрно, что она останется удобной для нашихъ потомковъ; наконецъ, вѣрно, что это не можетъ быть плодомъ случайности» *). Отсюда, однако, далеко до признанія теоретической цѣнности науки, а потому искреннѣе и ближе къ истинѣ тѣ, которые, подобно, напр., Менделѣеву говорятъ намъ: «въ сущности намъ и до сихъ поръ темна причина такого основного закона, какъ Ньютоновъ законъ тяготѣнія, что, однако, нисколько не препятствуетъ пользоваться имъ съ полной увѣренностью въ безконечномъ числѣ случаевъ» **). Вотъ языкъ, примѣнимый чуть ли не ко всему содержанію «точной» науки, съ высокаго пьедестала оракула истины низведенной теперь на степень орудія полезности! Въ сущности таковы всѣ законы природы: въ однихъ для насъ много неяснаго, другіе завѣдомо неточны. Укажемъ въ примѣръ послѣдняго—законъ Маріотта-Бойля. Онъ приблизительно вѣренъ лишь для небольшихъ давленій, тѣмъ не менѣе онъ хорошо служитъ практическимъ цѣлямъ и имъ пользуются при постройкѣ машинъ...

Наконецъ, прямымъ и важнымъ послѣдствіемъ научнаго кризиса, вызваннаго успѣхами наукъ, явилось полное разрушеніе научнаго догматизма или отрицательно-догматической точки зрѣнія въ вопросѣ о религіи и наукѣ, нами разсматриваемой,—усиленіе въ научной средѣ разрушительной для догматизма критики съ его непомѣрными притязаніями на замѣну религіи и философіи точною наукою въ объясненіи міра. Матеріализмъ, выступающій обыкновенно съ такими претензіями и отождествляющій

*) *А. Пуанкаре.* «Цѣнность науки», стр. 190.

**) *Д. Менделѣевъ.* «Завѣтныя мысли», стр. 136.

себя съ точною наукою, доживаетъ въ наукѣ послѣдніе дни по наблюденію самихъ ученыхъ. Проф. Ллойдъ Морганъ (біологъ, геологъ, физикъ, психологъ и зоологъ) находитъ, что «число матеріалистовъ, т. е. дѣятелей науки, принимающихъ матеріализмъ, какъ философію или какъ нѣчто, ее замѣщающее, уменьшается». Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается физикъ Серль въ трактатѣ «Современная концепція вселенной». Д-ръ мед. окулистъ Вилльямъ Дж. Коллипсъ находитъ, что «обыкновенно матеріалистическая концепція міра является характернымъ показателемъ убѣжденій ученыхъ третьяго или четвертаго разряда; наиболѣе же даровитые представители науки склонны скорѣе къ идеализму, нежели къ матеріализму; они или благоговѣйно вѣрующіе люди, или по меньшей мѣрѣ почтительно-осторожные въ догматическихъ приговорахъ касательно религіи» *). Гамбургскій профессоръ физики Классенъ въ лекціи, прочитанной въ Гамбургскомъ Протестантскомъ Союзѣ, по приглашенію послѣдняго, выражаетъ удовольствіе, что отрицательно-догматическую точку зрѣнія Ладенбурга въ вопросѣ о религіи и наукѣ онъ можетъ объявить устарѣвшею для науки по крайней мѣрѣ на 50 лѣтъ, когда она еще могла находить живое сочувствіе среди ученыхъ, потому что «она потеряла подъ собою прочную опору съ прогрессомъ научнаго знанія, особенно съ переворотомъ въ основныхъ нашихъ физическихъ воззрѣніяхъ» **)... Въ настоящее время отрицательно-догматическая точка зрѣнія не только затруднена, но и положительно, можно сказать, упразднена критикою и всесторонними разъясненіями ея несостоятельности самими учеными. Не только богословами, но и самими естествоиспытателями достаточно выяснено, что отрицательно-догматическая точка зрѣнія порождается недозволительнымъ смѣшеніемъ науки съ философіею, и при томъ съ плохою философіею матеріализма и атеизма, напрасно становящихся подъ защиту науки; самое же смѣшеніе это, по разъясненію ученыхъ, вызывается забвеніемъ границъ науки и ея неспособности рѣшать вопросы, выходящіе за предѣлы опыта и, слѣд., недопускающіе примѣненія естественно-научныхъ методовъ. Наука только описываетъ факты

*) *А. Г. Табрумъ.* «Религіозныя вѣрованія современныхъ ученыхъ», стр. 67, 84.

**) *D-r. I. Klassen.* «Naturwissenschaftliche Erkentniss und der Glaube an Gott». Hamburg. 1903, p. 4.

или явленія природы и указываетъ ихъ внѣшнія отношенія сосуществованія и послѣдовательности, а остальное, идущее отъ поверхности вглубь вещей за предѣлы чувственнаго опыта, составляетъ для науки область гипотетическаго (гадательнаго, вѣроятнаго) и прямо невѣдомаго. Краеугольнымъ камнемъ естествознанія служитъ все еще атомистическая теорія, но атомы матеріи, съ ихъ свойствами—гипотеза, какъ и существованіе самой матеріи, прямо почти апеллирующая къ вѣрѣ. Понятіе о силахъ въ физикѣ—простое предположеніе съ цѣлью объясненія явленій, нисколько не уясняющее ихъ внутренней природы: такъ, приписывая паденія тѣла на землю дѣйствію «тяжести», мы нисколько не прибавляемъ къ пониманію того факта, что вотъ тѣло падаетъ на землю, какъ въ химіи понятіе о силѣ химическаго сродства нисколько не вводитъ въ пониманіе внутренней природы химическихъ явленій и ихъ связи и есть лишь простое обозначеніе извѣстнаго разряда фактовъ. Притяженіе тѣлъ, какъ дѣйствіе силы на разстояніи, — тайна; жизнь для біологіи—тайна, сознаніе для психологіи — тайна, связь тѣла и души—тайна и т. д. Самыя основныя категоріи научнаго мышленія, какъ пространство, время, причинность, не суть ли, спрашиваютъ, простые знаки или символы? Въ знаменитыхъ своихъ рѣчахъ о границахъ естествознанія Дю Буа-Реймонъ указалъ въ 1872 г. эти границы въ невозможности познать сущность матеріи и силы, и вывести происхожденіе сознанія изъ движеній и свойствъ матеріальныхъ атомовъ, а въ 1880 г. точнѣе опредѣлилъ число «міровыхъ загадокъ», или неразрѣшимыхъ для науки проблемъ. Такимъ «загадокъ» для науки Дю-Буа-Реймонъ насчитываетъ семь: 1) сущность матеріи и силы; 2) начало движенія; 3) происхожденіе жизни; 4) цѣлесообразное устройство міра; 5) происхожденіе ощущенія и сознанія; 6) происхожденіе разумнаго мышленія и языка; 7) вопросъ о свободѣ воли. Загадки 1, 2 и 5 Дю-Буа-Реймонъ считаетъ совершенно неразрѣшимыми, и въ отношеніи къ нимъ наука можетъ только сказать: «ignorabimus!» Загадки 3, 4 и 6 признаются имъ очень трудными, въ настоящемъ состояніи знанія еще не рѣшенными, и отношеніе къ нимъ науки выражается честнымъ: «ignoramus!» (не знаемъ), хотя не отрицается возможность ихъ разрѣшенія въ будущемъ. Отношеніе ученаго къ загадкѣ 6-й неопредѣленно. Нашъ Пироговъ подробно перечисляетъ въ вопросахъ тайны науки и какъ бы хочетъ охватить ими область

невѣдомаго и непостижимаго въ наукѣ, а въ заключеніе отказывается ее опредѣлить въ виду ея необъятности. Науку, говоритъ Пироговъ, «интересуетъ всего болѣе вопросъ к а к ъ, а не п о ч е м у. Мы видимъ, что листъ растетъ, наблюдаемъ, какъ онъ растетъ, узнаемъ устройство и составъ клѣтокъ, слѣдимъ шагъ за шагомъ за раздѣленіемъ и рамноженіемъ клѣтокъ; весь м е х а н и з м ъ растительнаго процесса открывается намъ, какъ на ладони. Но что заставляетъ расти именно такъ, а не иначе? Что заставляетъ растеніе и животное принимать тотъ или другой характерный видъ? Отчего сѣмя и яйцо заключаютъ въ себѣ зародышъ именно того же типа и вида, отъ котораго они произошли? Что привлекаетъ и роднитъ щелочь съ кислотою? Что сцѣпляетъ атомы? Что заставляетъ притягиваться одно тѣло къ другому? Отчего мышечное движеніе переходитъ въ теплоту, а теплота—въ движеніе? Отчего сотрясеніе атомовъ возбуждаетъ въ насъ возбужденіе теплоты? Всѣ эти и тысячи другихъ вопросовъ, не разрѣшимыхъ по нашему незнанію сущности вещей, показываютъ, что мы окружены тайнами; и если всѣ эти тайны не считаются нами за чудеса, то потому только, что мы съ ними встрѣчаемся на каждомъ шагу. Мы называемъ ихъ не чудесами, а явленіями, основанными на естественныхъ законахъ, не зная, откуда взялись они». Рѣшеніе всѣхъ подобныхъ вопросовъ возможно было бы съ познаніемъ сущности вещей «какъ онѣ есть сами по себѣ, безъ помощи нашихъ чувствъ, т. е. не только такими, какими онѣ намъ кажутся, тогда мы поняли бы и тайну творенія, и мистеріи творчества. Для насъ же не только это недостижимо, но и то невозможно, чтобы каждый предметъ подвертнуть анализу всѣхъ нашихъ чувствъ; миріады вещей еще намъ неизвѣстны; миріады останутся навсегда и вовсе неизвѣстными; а представленія наши о тѣхъ предметахъ, которые можно еще открыть и изслѣдовать искусственнымъ изощреніемъ чувствъ,—какъ бы они ни казались намъ ясными—все-таки не болѣе, какъ призраки, туманныя картины и оттолоски, нерѣдко увлекающіе умъ въ непроходимый лабиринтъ предположеній и иллюзій» *). Нѣмецкій физикъ Г р у н е р ъ въ своемъ соч. «Какъ естествоиспытателю можно быть христіаниномъ?» (G r u n e r. Wie ist es möglich dass ein Naturforscher ein Christ

*) *Н. И. Пироговъ.* «Вопросъ жизни. (Дневникъ стараго врача)», стр. 56—57, 62—63, 64—65. (Сочиненій т. II. Изд. Пироговскаго т-ва въ Кіевѣ, 1910).

sei? Bern, 1905 г.) пишетъ: «личный ли Богъ есть причина всѣхъ явленій природы, или же слѣпой рокъ; являются ли законы природы вѣчными, безначальными и непреходящими правилами непостижимаго для насъ свойства, или же они—полное жизни выраженіе Бога порядка, направляющаго ихъ по Своему благоусмотрѣнію,—это совсѣмъ ничего не измѣняетъ въ нашихъ способахъ изслѣдованія, раскрывающихъ только «какъ» естественныхъ процессовъ, но никогда ихъ «откуда» или «для чего». Вопросы религіи вообще, христіанства въ частности, внѣ силъ, внѣ компетенціи науки. Правда, матеріализмъ даетъ на эти вопросы свои, очень опредѣленные, даже слишкомъ опредѣленные отвѣты и отрицаетъ личнаго Бога; но, спрашивается, на какомъ научномъ правѣ основаны его отрицанія, когда онъ самъ не имѣетъ въ цѣломъ для себя научныхъ обоснованій? Откуда знаетъ матеріалистъ, что не существуетъ цѣлаго ряда пограничныхъ наукъ областей, въ которыхъ связи кавзальныя замѣняются связями иныхъ категорій? Откуда извѣстно ему, что за игрою этихъ матеріальныхъ процессовъ нѣтъ еще иной свободно царящей надъ всѣмъ Силы?» Ботаникъ и геологъ Джорджъ С. Боульдэкеръ пишетъ: «Сила, матерія, жизнь, мысль, воля—что все это такое и откуда явилось? Наука имѣетъ дѣло съ проявленіями и обнаруженіями всего этого. Вмѣстѣ съ Джономъ Рэемъ, я назвалъ бы изученіе природы благоговѣйною обязанностью, благочестивымъ занятіемъ, вполнѣ пригоднымъ для воскреснаго дня; нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что оно именно и станетъ главнымъ дѣломъ дней отдыха въ безконечномъ будущемъ. Но истинная наука никогда не дерзаетъ сказать, что она можетъ трактовать о чемъ бы то ни было, лежащемъ внѣ міра этихъ явленій» *).

Изъ ученыхъ, выступившихъ за послѣднее время съ рѣзкою критикою отрицательно-догматической точки зрѣнія, или матеріализма и атеизма, самозванно выдающихъ себя за выводы естественныхъ наукъ, должны быть названы особенно ботаникъ проф. І. Рейнке, ботаникъ Dr. Э. Деннертъ и геологъ академикъ А. Лаппаранъ.

Популярные естественно-научные очерки» проф. І. Рейнке представляютъ собою вѣскій голосъ въ вопросѣ о религіи и наукѣ и цѣнный вкладъ въ литературу его ученаго

*) *Табрумъ*, 95.

біолога высокаго ранга по поводу лженаучной «монистической философіи» Э. Геккеля и ему подобныхъ, выступающихъ съ атеистическо-матеріалистическою философіею отъ имени естествознанія передъ легковѣрною публикою *). Рейнке считаетъ непонятнымъ и прискорбнымъ широкое распространеніе въ публикѣ мнѣнія Бюхнера, Молешотта и Геккеля о враждѣ религіи и естествознанія, въ виду его слабости. Главный недостатокъ отрицательно-догматической точки зрѣнія указанныхъ типичныхъ представителей ея заключается въ забвеніи задачъ и границъ науки. Вмѣсто того, чтобы обращаться къ религіи за разрѣшеніемъ вопросовъ о смыслѣ и первой причинѣ бытія, о назначеніи и происхожденіи человѣка и другихъ міровыхъ загадокъ, «въ настоящее время», говоритъ Рейнке, «обращаются за отвѣтомъ на эти вопросы къ наукѣ, какъ къ какому-нибудь оракулу». Но тутъ «отъ науки требуютъ больше, чѣмъ она можетъ дать». На вопросъ, достаточно-ли одной науки для выработки или построенія удовлетворительнаго міровоззрѣнія, Рейнке безъ колебаній отвѣчаетъ рѣшительнымъ нѣтъ. Міръ извѣстенъ наукѣ такимъ, какимъ является онъ намъ, нашему чувственному воспріятію,—извѣстенъ въ своемъ явленіи, а не въ своей сущности. Наука основана на опытѣ, или воспріятіи нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Предметомъ науки служитъ матерія и происходящія въ ней перемѣны или явленія. Познаніе явленій въ ихъ причинной связи или закономѣрности ихъ есть главная задача естествознанія. Но этимъ отнюдь не утверждается, что наукою отвергается бытіе Бога. Въ философскомъ смыслѣ понятіе о Богѣ есть трансцедентная идея, лежащая за границами доступнаго наукѣ, а потому вѣра въ Бога ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть поколеблена наукою. «Итакъ, естествознанія недостаточно для построенія цѣльнаго міровоззрѣнія. Тутъ нужно много другого матеріала сверхъ того, какимъ оно располагаетъ. Есть множество цѣнностей въ человѣческой жизни, которыя свои корни имѣютъ только въ духовномъ мірѣ и изслѣдованію естественнонаучныхъ методовъ недоступны. Наряду съ естественнымъ міропорядкомъ есть нравственный; первый имѣетъ дѣло только съ физически необходимымъ (ein Müssen), второй — съ должнымъ, нравственно-обязательнымъ (ein Solen)... За

*) Prof. *I. Reinke.* «Naturwissenschaftliche Vorträge für die Gebildeten aller Stände», I—IV. Heilbronn, 1907—1908.

границами подлежащаго вѣдѣнію науки кромѣ недоступной ей искусства, культуры, религіи, которыхъ не можетъ упускать изъ виду человѣкъ, вырабатывающій міровоззрѣніе»... «У естествознанія нѣтъ иной цѣли, кромѣ безпристрастнаго изслѣдованія природы. Матеріализму я и ставлю въ вину, что онъ пытается выдвинуть естествознаніе и сомнительные выводы его противъ христіанскаго міросозерцанія, чтобы безъ остатка лишить человѣчество тѣхъ духовныхъ цѣнностей, которыя вотъ уже двѣ тысячи лѣтъ неисчислимымъ милліонамъ даютъ подкрѣпленіе и утѣшеніе въ жизни и въ смерти. Естествознаніе громко протестуетъ противъ такого злоупотребленія имъ» *).

Кромѣ проф. І. Рейнке изъ ученыхъ, выступавшихъ съ критикою отрицательно-догматической точки зрѣнія, смѣшивающей матеріализмъ съ естествознаніемъ, за самое послѣднее время еще заслуживаютъ особеннаго вниманія ботаникъ (и богословъ) Э. Деннертъ и геологъ А. Лаппаранъ.

Среди многихъ сочиненій ботаника-богослова Эбергарда Деннерта, наносящихъ непоправимый ударъ матеріализму и атеизму, выступающимъ отъ имени науки, особенно важное мѣсто занимаетъ его изслѣдованіе: «Міровоззрѣніе современнаго натуралиста». Здѣсь анализомъ натурфилософскихъ взглядовъ выдающихся представителей современнаго естествознанія (физіологовъ Дриша и Оствальда, зоологовъ А. Р. Уоллеса и Ромэнса, химика Ферворна и ботаника Рейнке, со включеніемъ сюда, для полноты обозрѣнія и біолога Э. Геккеля) авторъ приведенъ къ слѣдующему результату, убійственному для отрицательно-догматической точки зрѣнія, провозгласившей матеріализмъ и атеизмъ научною истиною, міровоззрѣніемъ современнаго натуралиста. Того, что можно было бы назвать міровоззрѣніемъ научнымъ, нѣтъ и не дано наукою: у науки нѣтъ единаго и общеобязательнаго для всѣхъ ученыхъ, своего, такъ сказать, оффиціальнаго міровоззрѣнія. Э. Геккель и К° претендуютъ на это со своимъ матеріалистическимъ монизмомъ; но среди ученыхъ рядомъ съ этимъ міровоззрѣніемъ находимъ представителей идеалистическаго монизма въ формѣ энергетизма (Оствальдъ) и психомонизма (Ферворнъ). На ряду съ монизмомъ сильно представленъ въ наукѣ и дуализмъ или, лучше по Деннерту, теомонизмъ, поскольку представители его Рейнке, Ромэнсъ, Дришъ и Уоллесъ

*) *Reinke*. IV. 45, 47—49, 57, 63.

все существующее относятъ къ Богу, какъ единой послѣдней его Причинѣ. Такимъ образомъ и атеизмъ, какъ матеріализмъ, не можетъ быть объявленъ міросозерцаніемъ современнаго натуралиста. Говорить о «міровоззрѣніи современнаго натуралиста», по заключенію Деннерта, такъ же странно, какъ о міровоззрѣніи, напр., юриста: у каждаго изъ натуралистовъ и юристовъ можетъ быть (а можетъ и не быть) то или иное свое міровоззрѣніе не въ качествѣ натуралистовъ и юристовъ, а какъ у людей вѣрующихъ, или невѣрующихъ, или сторонниковъ такой или иной нравящейся имъ философіи *).

Въ добавленіе къ сказанному Э. Деннертомъ, слѣдуетъ также еще сказать нѣсколько словъ и объ эволюціонизмѣ, который русскими дарвинистами даже въ скромномъ видѣ біологической гипотезы Дарвина (дарвинизма) принимается въ качествѣ основы общаго научнаго міровоззрѣнія. Въ 1907 году, напр., проф. зоологіи Сѣверцевымъ дарвинизмъ былъ провозглашенъ «міросозерцаніемъ современнаго человѣка» въ публичной лекціи въ Кіевѣ на тему: «Эволюціонная теорія и міросозерцаніе современнаго человѣка». Сообщалось тутъ, что дарвинистическое «міросозерцаніе», обязательное для всего современнаго образованнаго міра, основано на данныхъ положительной науки, ставшихъ въ настоящее время кардинальнымъ факторомъ даже обыденнаго мышленія»! Въ виду такого увлеченія дарвинизмомъ въ Россіи, на русской почвѣ получаетъ значеніе и долженъ быть рѣшенъ вопросъ: не можетъ ли теорія эволюціи претендовать на значеніе основы для построенія современнаго міровоззрѣнія? На этотъ вопросъ безъ колебаній отвѣчаемъ рѣшительнымъ нѣтъ, если тутъ подъ «теоріей эволюціи», или подъ эволюціонизмомъ, разумѣется дарвинизмъ, который представляетъ собою частную форму эволюціонизма. Въ качествѣ дарвинизма эволюціонизмъ въ наукѣ равенъ нулю,—плохая біологическая гипотеза, одними всецѣло отвергаемая, другими радикально исправляемая и замѣняемая новыми гипотезами, изъ которыхъ пока ни одна не получила въ наукѣ общаго признанія. Дарвинизмъ остается научной истиной только для рѣдкой и вымирающей въ наукѣ породы ортодоксальныхъ дарвинистовъ, сохранившейся въ цѣлости главнымъ образомъ среди русскихъ есте-

*) Dr. *E. Dennert*. «Die Weltanschauung des modernen Naturforsches». Stuttgart. 1907, p. 333—334.

ствоиспытателей, несмотря на прогрессъ въ наукѣ, особенно въ біологіи, сдѣлавшій для нашего времени увлеченіе дарвинизмомъ, сданнымъ въ архивъ критикою, научнымъ анахронизмомъ *). Эволюціонизмъ не можетъ служить вообще основою научнаго міровоззрѣнія, что ясно изъ нижеслѣдующихъ пунктовъ: а) Въ основной своей идеѣ эволюціонизмъ не есть несомнѣнная истина, а скорѣе догматъ современнаго естествознанія и увлеченіе эволюціонизмомъ аналогію себѣ можетъ имѣть въ увлеченіи среднихъ вѣковъ Аристотелемъ. Она встрѣчаетъ себѣ препятствія въ астрономіи, исторіи, антропологіи, исторіи религіи и философіи и не всѣми признается даже въ своей спеціальной области, т. е. біологіи (противники дарвинизма всецѣлые, какъ Катрфажъ, Агассизъ, Флурансъ, Мильнъ Эдварсъ, Пфаффъ, Вигандъ, Флейшманъ и др. б) Въ біологіи эволюціонизмъ понимается различно: 1) есть механическій эволюціонизмъ; 2) идеалистическій или телеологическій, а также христіанскій эволюціонизмъ (изъ натуралистовъ Мивартъ, К. Беръ, Дришъ, Рейнке, Ромэнсъ, Уоллесъ, Деннертъ и др. **); 3) есть ученые, всецѣло принимающіе ученіе о спеціальномъ послѣдовательномъ твореніи всѣхъ видовъ (креатинизмъ) изъ отрицающихъ самую идею эволюціи. 4) среди а) телеологическаго эволюціонизма наблюдаются также различія, какъ среди б) механическаго: а) нѣкоторыми допускается нѣсколько сотворенныхъ Богомъ первоначальныхъ формъ, а другими одна или даже простѣйшая органическая клѣточка считается исходнымъ началомъ органической жизни въ каждомъ царствѣ органическомъ (сюда относится, напр., Уоллесъ, признающій, однако, спеціальный актъ творенія души въ

---

*) О современномъ положеніи дарвинизма въ наукѣ см. мою брош. «Передъ разбитымъ кумиромъ». (По поводу просвѣтительной дѣятельности «сѣдящихъ во тьмѣ» дарвинистовъ). Спб. 1912. (Оттискъ изъ журн. «Отдыхъ Христіанина» 1911, № 3). Съ библіографіей вопроса на стр. 10. Сюда же должны быть причислены публичныя чтенія и статьи доктора зоологіи, бывшаго профессора Московскаго университета, *А. А. Тихомирова:* «Судьба дарвинизма», «Умъ и воля животныхъ», «Дикіе люди», «Положеніе человѣка въ природѣ», «Происхожденіе живыхъ существъ», «Живыя существа и ихъ размноженіе», «Вина науки», «Самообманъ въ наукѣ и искусствѣ. (Ч. Дарвинъ и гр. Л. Толстой)». «Научно ли антихристіанское воззрѣніе на природу человѣка?». Къ вопросу о положеніи дарвинизма въ наукѣ см. еще: *Робертъ Спинети.* «Полстолѣтія дарвинизма». Перев. Цвѣтковой въ ж. «Вѣра и Разумъ», 1911, №№ 19—21.

**) О разныхъ этихъ формахъ эволюціонизма см. моего сочиненія «Курсъ апологетическаго богословія». Кіевъ, 1912, изд. 4, стр. 141—145.

человѣкѣ; б) среди механистовъ есть ортодоксальные дарвинисты и, съ другой стороны, неодарвинисты и неоламаркисты (мутаціонная теорія де-Фриза и т. п.). Спрашивается, о какомъ же эволюціонномъ міросозерцаніи говорятъ намъ, какъ строго-научномъ, построенномъ на твердомъ базисѣ науки?!

Не давая міровоззрѣнія (Weltanschauung) въ строгомъ смыслѣ этого слова, наука даетъ лишь нѣкоторое общее представленіе или неполную картину, о б р а з ъ м і р а (Weltbild), который можно составить на основаніи ея твердыхъ положеній, добытыхъ опытомъ, и отчасти гипотезъ. Въ великую заслугу Рейнке и Деннерту надо поставить твердо проводимый ими принципъ строгаго различенія того и другого въ интересахъ правильнаго разъясненія сложнаго вопроса объ отношеніяхъ науки къ религіи. Наукѣ принадлежитъ, какъ ея собственность, только Weltbild, а не Weltanschauung, гдѣ наука въ естественномъ стремленіи къ полнотѣ мірообъясненія неизбѣжно выходитъ за свои границы, за границы опыта, и вслѣдствіе метафизическаго объясненія фактовъ превращается въ н а т у р ф и л о с о ф і ю, т. е. въ одну изъ отраслей философіи. На этой почвѣ стремятся подчинить себѣ науку различныя философскія ученія и выступить подъ флагомъ науки. Тутъ-то и открывается возможность разнообразія міровоззрѣній среди ученыхъ до противорѣчій,— внѣ границъ точной науки. Впрочемъ, разногласіямъ всегда открывается мѣсто тамъ, гдѣ наука отъ наличнаго состоянія міра и отъ поверхности вещей проникаетъ глубже своимъ изслѣдованіемъ въ прошлое міра и въ сущность вещей и вынуждается опытъ замѣнять болѣе или менѣе вѣроятными гипотезами. Оказывается, пока не существуетъ въ наукѣ даже единаго и общепризнаннаго «образа міра»,—нѣтъ общей и прочной основы даже для построенія Weltbild'а: разногласія даютъ себя знать даже въ области основныхъ понятій и вопросовъ науки, напр., о матеріи и силѣ, ихъ взаимномъ отношеніи, о сущности и происхожденіи жизни, о происхожденіи видовъ, о законѣ сохраненія энергіи и т. п. Вотъ одинъ яркій примѣръ этого (сверхъ указываемыхъ Э. Деннертомъ въ разсматриваемомъ его сочиненіи «Міровоззрѣніе современнаго натуралиста»). Въ физикѣ, гдѣ оптика объясняетъ свѣтъ колебаніями эѳира, утверждается существованіе эѳира, который въ видѣ тончайшей матеріи наполняетъ все видимое пространство во вселенной; въ то же время астрономія утверждаетъ, что въ міровомъ пространствѣ

нѣтъ никакой матеріи, такъ какъ не наблюдается въ немъ ни какого противодѣйствія движеніямъ планетъ и комстъ. Отсюда получаются два діаметрально противоположныя утвержденія. «Твердо установлено, что міровое пространство наполнено субстанціей, которая можетъ приходить въ состояніе колебательное, — эѳиромъ; существованіе этой субстанціи, говоря человѣчески, несомнѣнно». (Герцъ). — «Твердо установлено, что небесное пространство не заключаетъ въ себѣ никакихъ слѣдовъ какой-нибудь матеріальной среды, способной оказывать сопротивленіе» (Фай, Гирнъ).

Нѣтъ, наукѣ даже и въ своей собственной области нечего противопоставить христіанству, какъ истину заблужденію! Таковъ выводъ изъ монографіи Dr. Э. Деннерта «Міровоззрѣніе современнаго естествоиспытателя».

Къ такому же заключенію приходитъ выдающійся геологъ послѣдняго времени Альбертъ Лаппаранъ въ своемъ сочиненіи (Наука и апологетика», представляющемъ курсъ лекцій, прочитанныхъ въ маѣ—іюнѣ 1905 г. въ парижскомъ католическомъ институтѣ. Выводъ изъ его изслѣдованія неблагопріятенъ для отрицательно-догматической точки зрѣнія тѣхъ ученыхъ, которые для того, чтобы подорвать кредитъ нашихъ религіозныхъ вѣрованій, претендуютъ опираться на науку, представляя ее единственною областью, въ которой дозволено утвержденіе. «Мы въ правѣ», говоритъ авторъ, «требовать у этихъ послѣднихъ оправданія этого довѣрія фактами, которые доказали бы, что наука поистинѣ является областью достовѣрнаго, что она въ состояніи дать ключъ ко всѣмъ тайнамъ, что она можетъ проникнуть въ самую сущность вещей, и что такимъ образомъ на ней можно отдохнуть отъ заботы удовлетворить всѣ стремленія нашей природы». Оказывается, что оправданія для претензій этихъ ученыхъ нѣтъ. Напротивъ, онѣ наглядно опровергаются историческимъ очеркомъ эволюціи научныхъ доктринъ и обозрѣніемъ послѣднихъ результатовъ наукъ въ познаніи природы.

Въ наукѣ всюду обнаруживается изслѣдованіемъ Лаппарана «безсиліе дать окончательныя формулы, или обнять дѣйствительность, которая какъ бы ускользаетъ, усложняясь по мѣрѣ того, какъ ее считаютъ уже схваченной». «Никогда безпристрастное состояніе наукъ», говоритъ Лаппаранъ, «не давало болѣе блестящаго урока скептицизма для однихъ, осторож-

ности или, лучше, скромности для другихъ!» Одинъ изъ наиболѣе ясныхъ признаковъ такого состоянія вещей Лаппаранъ указываетъ въ кризисѣ, переживаемомъ науками, который онъ отмѣчаетъ во всѣхъ областяхъ наукъ, даже точныхъ, какъ математика и механика; съ тѣмъ большею легкостью показывается и устанавливается критическое положеніе наукъ экспериментальныхъ. Обозрѣніе современнаго состоянія даже астрономіи, наименѣе всѣхъ другихъ наукъ затронутой кризисомъ, Лаппаранъ заключаетъ все-таки замѣчаніемъ: «какъ мы еще далеки отъ того момента, когда астрономія можетъ считать свое дѣло законченнымъ!» Обозрѣніе кризиса физики Лаппаранъ заканчиваетъ выводомъ, что «для безмѣрнаго хвастовства относительно права науки на безспорныя утвержденія или ея способности проникнуть въ сущность вещей минута выбрана неудачно».

Анализомъ современнаго состоянія химіи также даётся урокъ «осторожности» и скромности, преувеличивающимъ значеніе науки въ рѣшеніи широкихъ проблемъ. Отмѣчаются, далѣе, «глубокія разногласія» и колебанія доктринъ даже въ минералогіи, въ біологіи и, наконецъ, въ геологіи, составляющей спеціальность Лаппарана. «Такъ какъ геологія», говоритъ Лаппаранъ, «является родомъ синтеза изъ всѣхъ научныхъ знаній въ ихъ примѣненіи къ исторіи земного шара, то не удивительно, что она подвержена болѣе другихъ многочисленнымъ измѣненіямъ своей доктрины. На ней не только по необходимости отражаются измѣненія, происшедшія въ другихъ наукахъ, которыми она пользуется, но по самой природѣ она можетъ стремиться къ опредѣленнымъ заключеніямъ лишь тогда, когда вся поверхность земного шара дастъ матеріалъ для продолжающагося изслѣдованія. Но двадцать лѣтъ назадъ поверхность, изслѣдованная геологіей, представляла только весьма малую часть протяженія земли, и происшедшій съ тѣхъ поръ прогрессъ, какъ бы важенъ онъ ни былъ, далеко еще не восполнилъ всѣ пробѣлы».

Въ концѣ концовъ и въ общемъ итогѣ сочиненіе Лаппарана есть призывъ, «къ воздержанію отъ чрезмѣрнаго догматизма», обращенный къ ученымъ: здѣсь прекрасно показывается, что «добросовѣстная наука въ ея теперешнемъ состояніи еще далека отъ возможности давать категорическія утвержденія относительно сущности вещей» и что она «встрѣчаетъ,

повидимому, все возрастающія трудности въ своемъ стремленіи проникнуть за непосредственную «видимость вещей» *).

Если отъ Дю-Буа-Реймона, Рейнке, Деннерта и Лаппарана, такъ много давшихъ для оцѣнки отрицательно-догматической точки зрѣнія ученыхъ въ вопросѣ о религіи и наукѣ, мы обратимся къ другимъ извѣстнѣйшимъ ученымъ, то среди нихъ найдемъ общее рѣшительное несочувствіе ей. Энергическій голосъ нѣкоторыхъ ученыхъ (всѣхъ не перечесть здѣсь) является смертнымъ приговоромъ надъ тою и численно слабою группою, гдѣ матеріализмъ и атеизмъ выдаютъ себя за науку.

Химикъ лордъ Рейлей: «Многіе незаурядные люди не хотятъ ничего знать о естествознаніи, потому что оно будто бы ведетъ къ матеріализму. Что такое опасеніе можетъ существовать, это не удивительно: въ литературѣ есть много адвокатовъ науки, сдѣлавшихъ изъ распространенія такихъ взглядовъ занятіе. Нѣтъ сомнѣнія, конечно, что и у представителей науки, какъ и у всѣхъ другихъ, могутъ встрѣчаться грубыя понятія по высшимъ вопросамъ и объ основахъ природы; но чтобы расхо-

---

*) *А. Лаппаранъ.* «Наука и апологетика». Перев. съ франц. Сергіевъ Посадъ, 1911, стр. 126, 126—127, 127, 128, 130, 135, 141, 142—143, 143, 152. Въ русской литературѣ компетентной критикѣ отрицательно-догматической точки зрѣнія посвящена статья *В. А. Кожевникова* «Преобладаніе научнаго сомнѣнія въ современномъ невѣріи» въ «Богословскомъ Вѣстникѣ», 1911, окт., дек., и 1912 янв. (съ современною иностранною библіографіею вопроса). Это—однородная съ книгою Лаппарана работа по цѣли и по практическимъ указаніямъ для апологетики, здѣсь даже болѣе удобопріемлемымъ и удачнымъ, чѣмъ у Лаппарана («Бог. Вѣстн.» 1912, № 1, стр. 141—143, ср. *Лаппарана,* стр. 165). Статья г. Кожевникова—прекрасная работа въ литературѣ вопроса о религіи и наукѣ по освѣдомленности автора въ вопросѣ, а также потому, что въ авторѣ наблюдается рѣдкое въ другихъ и необходимое для хорошаго рѣшенія вопроса соединеніе уваженія къ наукѣ и знаніе ея съ уваженіемъ къ религіи и правильнымъ понятіемъ о ней, между тѣмъ, какъ не всегда въ богословѣ-апологетѣ знаніе религіи соединяется съ знаніемъ науки, а у ученыхъ естествовѣдовъ, обратно, сплошь и рядомъ съ знаніемъ науки не соединяется и элементарныхъ религіозныхъ знаній. (Такъ въ анкетѣ *А. Г. Табрума* отвѣты нѣкоторыхъ ученыхъ изобличаютъ въ нихъ неясное пониманіе религіи,—многіе изъ нихъ, напр., религію смѣшиваютъ съ моралью...). Считаю здѣсь также умѣстнымъ отмѣтить для желающихъ все главное въ критической литературѣ о ненаучности матеріализма или о фиктивномъ характерѣ связи матеріализма съ естествознаніемъ, а также по критикѣ науки. Вся эта литература отмѣчена мною въ моемъ «Указателѣ апологической литературы» вып. 1, №№ 292—302 (особ. 295—297), 160—167 (особ. 166, 167), 174, 177. (Ср. о ненаучности атеизма и матеріализма другое мое соч. «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи». Т. I. Изд. 3-е, стр. 7—10, 375—384, 497—500, 658—662, 645—647).

дились съ духомъ науки религіозно-философскія убѣжденія, которыми жили Ньютонъ, Фарадей, Максвель, это, конечно, такое положеніе, опроверженіемъ котораго я не считаю нужнымъ заниматься».

Физикъ Гирнъ: «Господствующее въ матеріализмѣ ученіе о вѣчности матеріи и круговращеніи міровъ не основано ни на какомъ фактѣ, ни на одной самой отдаленной аналогіи, соотвѣтствующей извѣстнымъ фактамъ; въ матеріализмѣ это только членъ его символа вѣры».

Гельмгольцъ въ письмѣ къ своему отцу пишетъ: «Изъ твоего письма видно, что ты какъ будто подозрѣваешь, что я могу одобрить пошлыя тирады изъ Фогта и Молешотта. Нисколько! Я рѣшительно протестую противъ того, что ты считаешь этихъ людей представителями естествознанія. Никто изъ нихъ до сихъ поръ не обнаружилъ уваженія передъ фактами и осторожности въ заключеніяхъ, — свойствъ, которыя требуются школою естествовѣдѣнія. Осторожный естествоиспытатель знаетъ, что ему еще не дается права рѣшительнѣе другихъ высказываться о природѣ души, если бы ему и удалось болѣе ихъ проникнуть въ механизмъ совершающихся въ природѣ явленій».

Химикъ Шеврель: «Въ настоящее время особенно широкаго распространенія мнѣнія, что наука ведетъ къ матеріализму, я себя спросилъ, не обязанъ ли человѣкъ, проводящій всю свою жизнь среди книгъ и въ химической лабораторіи за изслѣдованіемъ истины, протестовать противъ взгляда, который находится въ прямомъ противорѣчіи наукѣ?» Далѣе, приведя научныя основанія къ отрицанію матеріализма, Шеврель заканчиваетъ: «вотъ почему никогда въ жизни своей я не былъ матеріалистомъ. Мой умъ не могъ понять, чтобы гармонія въ природѣ и даже самъ человѣческій умъ могли быть результатомъ случая».

Зоологъ Эренбергъ: «Тѣ, которые говорятъ, что нѣтъ души и нѣтъ безсмертія, что они не могутъ найти основаній къ иному мнѣнію, могутъ лично быть правыми съ своей субъективной точки зрѣнія. Но они не должны считать себя представителями естествознанія».

Астрономъ Гершель: «Нѣтъ ничего неосновательнѣе упрека по адресу естествознанія со стороны благонамѣренныхъ, но ограниченныхъ лицъ, что оно ведетъ къ сомнѣнію въ безсмертіи души и къ отрицанію Божественнаго Откровенія. Естествен-

ное дѣйствіе естествознанія на хорошій умъ, можемъ увѣрить, должно быть прямо обратнымъ».

Роб. Майеръ: «Если поверхностные умы щеголяютъ отрицаніемъ существованія чего-либо высшаго сверхъ матеріальнаго и чувственно воспринимаемаго міра, то такое жалкое притязаніе отдѣльныхъ лицъ не можетъ быть поставлено въ вину наукѣ; еще менѣе оно служитъ къ ея пользѣ и чести» *).

Отрицательно-догматическою точкою зрѣнія наука представляется союзницею и опорою матеріализма, а на самомъ-то дѣлѣ наука служитъ разрушенію матеріализма и составляетъ «противовѣсъ» матеріализму, какъ выражается нашъ русскій великій химикъ Д. И. Менделѣевъ: «Такъ какъ одно понятіе о чистой матеріи и всемъ матеріальномъ, казавшееся классикамъ до того всеобъемлющимъ, что Демокритъ и духъ-то представлялъ въ видѣ особыхъ, тонкихъ атомовъ, явно недостаточно, и сверхъ него необходимо принять не только энергію, которую кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, можно еще считать чѣмъ-то матеріально-механическимъ, но и духъ, въ человѣкѣ, его общеніи, наукѣ, морали и всей дѣятельности, наиболѣе рѣзко проявляющійся, то и очевидно, что одинъ историческій матеріализмъ не исчерпываетъ понятія о благѣ человѣческомъ, какъ видно даже изъ того, что довольныхъ и счастливыхъ людей всякій зрячій скорѣе увидитъ въ средѣ недостаточной, чѣмъ между богачами. Духовной сторонѣ блага надобны истина, добро и красота. Исканіе ихъ выразилось первѣе всего въ религіяхъ, а затѣмъ въ наукахъ и искусствахъ. Поэтому свой высокій противовѣсъ всему матеріальному должно искать прежде всего въ наукѣ» **).

Хорошимъ заключеніемъ ученыхъ голосовъ о матеріализмѣ въ его отношеніи къ наукѣ или объ отрицательно-догматической группѣ ученыхъ можетъ служить то, что говоритъ спеціально занимавшійся нашимъ вопросомъ ботаникъ І. Рейнке: «Величайшая ошибка думать, что атеистическое міровоззрѣніе въ наши дни находитъ себѣ въ наукѣ и особенно въ данныхъ естествознанія гораздо большую поддержку и опору, чѣмъ во времена Лейбница и Ньютона или Платона и Аристотеля».—«Матеріализмъ утверждаетъ, что онъ все въ мірѣ можетъ понять и объяснить механически (дѣйствіемъ слѣпыхъ силъ природы), но

*) См. моей книги «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи» т. II, стр. 134, примѣч. съ литерат. къ цит. (Кіевъ, 1912).

**) *Д. Менделѣевъ.* «Завѣтныя мысли». Спб. 1903—1904. стр. 311.

это ему не удается даже въ отношеніи къ физическимъ и химическимъ явленіямъ, не говоря уже о явленіяхъ органической жизни; происхожденіе живыхъ существъ на землѣ, какъ и происхожденіе человѣка, остается вопреки хвастовству матеріализма глубокою тайною для естествознанія. Матеріалистическій монизмъ (стремленіе свести все въ мірѣ къ движенію атомовъ, или частицъ вещества) есть огромное самообольщеніе, ведущее къ мраку, а не къ свѣту истины» *).

Отрицательно догматическая точка зрѣнія въ вопросѣ о религіи и наукѣ, основанная на переоцѣнкѣ силъ науки въ научной средѣ и на слѣпомъ, суевѣрномъ преклоненіи передъ наукой, какъ фетишемъ и кумиромъ, въ «образованной», рѣшительно и безповоротно, какъ видимъ, отрицается истинными учеными и признается совершенно ненаучною. Но она дополнительную оцѣнку себѣ и ограниченіе встрѣчаетъ еще какъ въ агностической, такъ и въ примирительной схемѣ рѣшенія вопроса о религіи и наукѣ, особенно—въ первой, къ которой, по порядку, и обратимся сначала въ слѣдующемъ очеркѣ (главѣ), гдѣ будетъ разсмотрѣно рѣшеніе поставленнаго вопроса индифферентными и сомнѣвающимися учеными.

*) Prof. *I. Reinke*, II, 24; IV, 64.

Гл. IV. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію индифферентныхъ и сомнѣвающихся ученыхъ (агностиковъ).

Да, онъ стремился за предѣлы міра,
И онъ постигнулъ такъ же, какъ мы сами,
Что знаніе—не счастье, а наука—
Обмѣнъ невѣдѣнья, гдѣ лишь одно
Незнаніе смѣняется другимъ.

Байронъ («Манфредъ»).

Кто бъ могъ, скажи, признаться
И прямо не бояться
Сказать: «я вѣрую въ Него!»
Кто бъ могъ на то рѣшиться
И міру не страшиться
Сказать: «не признаю Его!»

Гетэ («Фаустъ»).

Нашъ вѣкъ побѣдами великими гордится,
Но далъ ли онъ покой измученнымъ сердцамъ?
Духъ человѣческій попрежнему томится
Во тьмѣ невѣдѣнья, далекій небесамъ.
Науки яркій свѣтъ ту область не освѣтитъ,
Гдѣ отъ его лучей не исчезаетъ тьма,
И ни одинъ мудрецъ ни слова не отвѣтитъ
На то, что тайною пребудетъ для ума.
Для знанья есть предѣлъ, и для ума преграды;
Есть многое, чего нельзя узнать изъ книгъ,
Но что дано постичь, при огонькѣ лампады,
Слезами, муками да язвами веригъ.

А. В. Кругловъ (Изъ «Вечернихъ пѣсенъ»).

Агностическою схемою отрицается возможность какого-либо конфликта между религіею и наукою вслѣдствіе разнородности ихъ въ такой степени, что ни отъ религіи къ наукѣ, ни отъ науки къ религіи переходъ невозможенъ. Религія и наука—это двѣ параллельныхъ линіи или плоскости, никогда не соприкасающіяся, если онѣ не выходятъ изъ отведенныхъ имъ границъ и не вмѣшиваются другъ въ друга. «Религія и наука», говоритъ геологъ Джозефъ Прествичъ, «составляютъ двѣ опредѣленныя вѣтви человѣческаго знанія и изслѣдованія. Онѣ движутся по параллельнымъ линіямъ и, по моему мнѣнію, не могутъ и, во всякомъ случаѣ, не должны сталкиваться. Одна вѣдаетъ

вопросы нравственные, другая—вопросы естествознанія».—Ботаникъ В. Каррутерсъ: «Не соотвѣтствуетъ истинѣ говорить, будто научныя изслѣдованія показали ложность Библіи и религіи; но не совсѣмъ правильно и то, что истинная религія и истинная наука находятся въ гармоніи другъ съ другомъ; имъ приходится имѣть дѣло съ различными сферами: религія затрагиваетъ область нравственнаго и духовнаго; наука—сферу матеріальнаго. Истинная религія исходитъ только изъ Божія Откровенія, даннаго намъ въ Сынѣ Божіемъ и въ Его Словѣ, тогда какъ истинная наука можетъ быть пріобрѣтаема упражненіемъ природныхъ человѣческихъ способностей». Агностическую точку зрѣнія прекрасно формулируетъ профессоръ философіи Кэмбриджскаго университета Джемсъ Уардъ: «не думаю, будто существуетъ или когда-либо можетъ возникнуть противорѣчіе между наукой и религіей, точно такъ же, какъ его не можетъ быть между грамматикой и религіей» *).

Религія и наука потому не могутъ затрогивать другъ друга, что представляютъ собою обособленныя другъ отъ друга и абсолютно отграниченныя области своимъ предметомъ, задачами и методами. Правильнымъ понятіемъ о наукѣ устанавливается полная нейтральность ученыхъ въ вопросахъ религіозно-философскихъ, и только за предѣлами науки, съ переходомъ къ натурфилософіи, ученый можетъ уже въ качествѣ философа рѣшать эти вопросы такъ или иначе. Ближайшая и прямая цѣль науки—изученіе явленій природы въ ихъ сосуществованіи и послѣдовательности, т. е. она даетъ классификацію явленій и устанавливаетъ ихъ причины, законы. Словомъ, наука изучаетъ міръ такимъ, какимъ онъ является нашимъ чувствамъ, опыту, и ея вѣдѣнію подлежитъ все чувственное и видимое, воспринимаемое нашими внѣшними чувствами. Итакъ, предметомъ науки служитъ область чувственнаго, а методомъ—опытъ въ двухъ его формахъ наблюденія и эксперимента. Поэтому все, что выходитъ за предѣлы опыта, уже не подлежитъ компетенціи науки, а такова именно область высшихъ вопросовъ знанія, составляющихъ предметъ религіи и философіи: всѣ они выводятъ насъ за границы опыта къ сущности и послѣднему основанію вещей. Можетъ ли наука, напр., ставить вопросъ о верховной причинѣ міра, о Богѣ? Нѣтъ. Своими средствами наука не можетъ рѣшить, т. е. отвергнуть или доказать бытіе Божіе. «Естествоиспытатель ста-

*) *Табрумъ* стр. 24, 34, 105 (**Престичъ, Каррутерсъ, Уардъ**).

вить себѣ задачей», говоритъ Ромэнсъ, «изслѣдовать природу такъ, какъ если бы не было Бога или слѣпого случая въ качествѣ направляющихъ началъ міра». (Признаніе міра результатомъ случая было бы косвеннымъ рѣшеніемъ вопроса о Богѣ, или отрицаніемъ бытія Божія). Можетъ ли наука ставить вопросъ о сущности и безсмертіи души? Она не въ правѣ ставить вопроса даже о существованіи души: въ опытѣ мы имѣемъ дѣло только съ явленіями душевными... Можетъ ли наука ставить вопросъ о цѣли міра и смыслѣ человѣческой жизни? Конечно нѣтъ. Въ рѣшеніи этихъ вопросовъ она вышла бы изъ границъ опыта за предѣлы своей области и перестала бы быть наукою: ея дѣло изучать міръ, какъ онъ есть, а не какимъ долженъ быть, или изученіе причинъ дѣйствующихъ, а не конечныхъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ объясненіи явленій природы наука по необходимости выходитъ для полноты его за предѣлы чувственнаго опыта, она безсильна дать исчерпывающее объясненіе и рѣшеніе міровыхъ загадокъ своими средствами безъ помощи религіи.

Среди агностической группы, въ качествѣ разновидностей ея, должны быть въ свою очередь отмѣчены свои группы: чистый или абсолютный атностицизмъ, полуагностицизмъ, агностики въ религіозномъ отношеніи индифферентные и сомнѣвающіеся, а также агностики вѣрующіе. Чистый, или абсолютный агностицизмъ совершенно отрицаетъ возможность какого-либо рѣшенія вопросовъ религіи средствами науки какъ въ положительную, такъ и въ отрицательную сторону: истины религіи не могутъ быть ни доказаны, ни отвергнуты наукою. Полуагностицизмъ, въ отличіе отъ такого агностицизма, признаетъ, что, хотя истины религіи не могутъ имѣть прямыхъ научныхъ доказательствъ, однако, косвенное доказательство истинъ вѣры дается въ наукѣ опроверженіемъ противныхъ имъ мнѣній невѣрія и указаніемъ ихъ невозможности. Одни изъ представителей агностицизма въ религіозномъ отношеніи являются скептиками и людьми индифферентными безъ всякихъ опредѣленныхъ мнѣній въ религіозныхъ вопросахъ, другіе принадлежатъ къ вѣрующимъ, находя основанія для своихъ религіозныхъ вѣрованій внѣ науки въ Божественномъ откровеніи, въ религіозномъ опытѣ и т. п. Изъ вѣрующихъ агностиковъ могутъ быть названы, напр., зоологъ Г. Ромэнсъ, Руд. Вагнеръ и, особенно, Фарадэй. Ромэнсъ говоритъ: «Наука не можетъ дать никакихъ

удовлетворительныхъ доказательствъ вѣры въ Бога. Но чистый агностикъ долженъ признать, что Богъ можетъ открываться другими способами, кромѣ естественно-научныхъ заключеній. Такъ какъ религія существуетъ для всего человѣка во всей полнотѣ его духовныхъ силъ и потребностей, то, можетъ быть, чтобы найти Бога, нужны всѣ человѣческія способности, т. е. особыя сердечныя настроенія и особенный, соотвѣтственный религіи, опытъ, лежащій за предѣлами разума»*). По мнѣнію извѣстнаго врача Руд. Вагнера «изъ царства природы нѣтъ прямого перехода къ царству благодати, которое доступно человѣческому сознанію не путемъ разума, а только путемъ вѣры, на почвѣ объективной истины Св. Писанія. Кто не хочетъ съ Тертулліаномъ сказать: credo, quia absurdum est («вѣрю, потому что нелѣпо»), тотъ долженъ, однако, сказать: credo, quamquam absurdum est («вѣрю, хотя нелѣпо»). Во всей полнотѣ и какъ слѣдуетъ величіе христіанства открывается только дѣтски простому и смиренному, необоготворяющему себя, разуму, покорному Богу. Богъ не восхотѣлъ, чтобы міръ возвращенъ былъ къ утраченной имъ вѣрѣ наукою... Содержаніе вѣры никогда не можетъ и не должно доказываться человѣческимъ разумомъ. Только Божественный Разумъ можетъ изъяснить его». О такихъ вѣрующихъ ученыхъ, какъ Ньютонъ, Галлеръ, Брюстеръ и др., Р. Вагнеръ замѣчаетъ, что они пришли къ религіознымъ убѣжденіямъ будто бы «не на пути естественно-научнаго изслѣдованія, но на пути изученія Св. Писанія и своего жизненнаго опыта. Самая удивительная особенность Св. Писанія заключается въ томъ, что оно даетъ самое твердое свидѣтельство своей Божественности тому, кто искренне обращается къ нему и сердечно углубляется въ него, провѣряя имъ себя и свою жизнь» **). Типичнымъ представителемъ агностической точки зрѣнія въ вопросѣ о религіи и наукѣ является знаменитый физикъ Фара-

*) *G. Romanes.* «Gedanken über Religion». Göttingen, 1899, p. 87.

**) *O. Zöckler,* II, 304—305. Не говоря о фактической неточности замѣчанія здѣсь ученаго Р. Вагнера относительно основаній вѣры Ньютона, Галлера и др. имъ подобныхъ ученыхъ, въ настоящемъ случаѣ самъ Вагнеръ опровергаетъ свою агностическую точку зрѣнія, устанавливающую пропасть между вѣрою и разумомъ, своею блестящею научно-литературною полемикою противъ К. Фохта и матеріализма вообще, гдѣ его сочиненія «Menschenschöpfung und Seelensubstanz», «Glauben und Wissen», а особенно «Der Kampf um die Seele» составляютъ хорошій вкладъ въ литературу, дающую научно-философское обоснованіе христіанской вѣры.

д е й, одинъ изъ вѣрующихъ ученыхъ агностиковъ. «Философія», писалъ Фарадей, «не нужна въ моей религіи». Хотя Фарадей, по его заявленію, никогда ни въ одномъ случаѣ не могъ открыть какого-либо противорѣчія между вѣрою и наукою, какъ ни углублялся въ физическія изслѣдованія, однако, онъ «не считалъ необходимымъ смѣшивать занятія наукою съ религіею», и «въ (его) обращеніи съ людьми религіозная область и область научная всегда оставались двумя разными вещами». Причина этого заключалась въ томъ, что Фарадей, какъ и Вагнеръ, считалъ вѣру недоступною разуму, и о загробной будущей жизни, напр., говорилъ, что она «не можетъ войти въ область познанія никакимъ напряженіемъ умственныхъ силъ человѣка, какъ бы онѣ ни были велики»; что о будущей жизни человѣкъ узнаетъ не самъ, а путемъ внѣшняго откровенія, воспринимаемаго простою вѣрою. «Божественное не можетъ познаваться однимъ только человѣческимъ разумомъ» *).

Обращаемся къ типичнымъ представителямъ агностической точки зрѣнія въ главныхъ, выше указанныхъ, ея формахъ чистаго агностицизма, полуагностицизма.

Агностицизмъ порожденъ въ современной наукѣ двойнымъ дѣйствіемъ описаннаго въ гл. III-й «кризиса науки», созданнаго ея успѣхами, и неокантійской философіи, ея непосредственнымъ вліяніемъ или черезъ посредство «эмпиріокритической» школы Маха-Авенаріуса и «марбургской школы», или марбургской философіи научнаго идеализма» Наторпа, Штаммлера, Бергсона, Когена, Ле-Руа и др. Вотъ почему наибольшее число представителей агностической точки зрѣнія мы встрѣчаемъ среди ученыхъ съ замѣтнымъ на нихъ вліяніемъ кантовской философіи, каковы, напр., Пуанкаре, А. Ферворнъ, Гельмгольцъ, Мерцъ, Бути, Томсонъ, Гексли, Ле-Бонъ, Ле-Руа и т. п. А. Пуанкаре съ совершенною опредѣленностью высказалъ агностическую точку зрѣнія въ вопросѣ объ отношеніи религіи и науки въ соч. «Цѣнность науки» и при томъ подъ очевиднымъ вліяніемъ кантовской философіи, когда науку опредѣляютъ, какъ классифика-

*) *Kneller*, 123—124, 125—126. Сказанное здѣсь Фарадеемъ, однако, не подтверждается изслѣдованіями о происхожденіи вѣрованій человѣческихъ въ безсмертіе, нашедшихъ себѣ мѣсто въ религіяхъ и въ философіи: безъ естественнаго фактора, какимъ является здѣсь разумъ, однимъ супранатуральнымъ способомъ объяснить ихъ происхожденіе нельзя. Въ полномъ и всестороннемъ объясненіи вѣры въ безсмертіе совершенно соединимы и откровеніе и разумъ.

цію и «систему соотношеній» безъ объективной истины, безъ знанія «истинной природы вещей» *). Извѣстный математикъ и естествовѣдъ Ле-Руа полагаетъ, что наука есть только рядъ условныхъ соглашеній, и этому единственно и обязана она своею кажущеюся точностью; научные факты, а тѣмъ болѣе законы суть искусственное созданіе ученаго: условныя, приблизительныя, познаваемыя опытомъ сходства или повторенія ученый искусственно, по своей волѣ, превращаетъ въ общія начала. Наука, слѣдовательно, не только не можетъ дать намъ полной истины и точной истины,—она просто не можетъ открывать намъ ничего объ истинѣ; она можетъ только служить намъ правиломъ дѣйствія. (См. А. Пуанкаре «Цѣнность науки», стр. 149 и дал.). «Отъ абсолютнаго отвѣта на великую міровую тайну», говоритъ Густавъ Ле Бонъ, «наука должна отказаться. Его надо предоставить философіи и религіи». У науки здѣсь пока, въ потемкахъ неизвѣстности, есть «всего только синтезъ невѣдѣній да надеждъ». (Въ соч. «Эволюція матеріи», L' évolution de la matiere). По Ферворну «все дѣйствительное точное знаніе должно облекаться въ форму условности, ибо все оно состоитъ и можетъ состоять только изъ установки закономѣрныхъ отношеній зависимости». Гельмгольцъ думаетъ, что «въ извѣстномъ смыслѣ, все наше знаніе имѣетъ и можетъ имѣть только символическій характеръ». Не кто иной, какъ Гельмгольцъ проводилъ эту мысль съ неотразимою аргументаціей въ своихъ психофизіологическихъ изслѣдованіяхъ, доказывая, что «наши чувственныя впечатлѣнія суть только отмѣтки качествъ внѣшняго міра,—знаки, истолкованію коихъ мы должны научиться изъ опыта»... «Вѣра въ постигаемость природы («законъ причинности») лежитъ въ основѣ этого построенія, а его успѣхи оправдываютъ эту вѣру» **). Что наука даетъ только простое описаніе фактовъ, что она вращается только въ сферѣ кажущагося и воспринимаемаго внѣшними чувствами, не проникая въ сущность вещей и конечныя причины, что наука, такимъ образомъ, не даетъ полнаго объясненія природы и т. п.—всѣ такія и подобныя явленія ученыхъ, довольно обычныя теперь (Томсонъ, Мерцъ, Бути, Ферворнъ и др.), ясно

*) *А. Пуанкаре.* «Цѣнность науки». Москва. 1906, стр. 5, ср. 7, 9, 187, 193 и д.

**) *А. Т. Столѣтова.* «Гельмгольцъ и современная физика», въ «Русск. Мысли» 1894 г., кн. XII, стр. 13.

говорятъ намъ о происхожденіи агностицизма въ наукѣ изъ вліяній на нее критической философіи субъективнаго идеализма.

Рѣже среди ученыхъ встрѣчаются полуагностики. Въ качествѣ типичныхъ представителей полуагностицизма могутъ быть указаны, напр., анатомъ Гиртль и химикъ Менделѣевъ, высказавшіе свою точку зрѣнія по поводу вопроса о положеніи проблемы безсмертія въ наукѣ (См. ниже гл. VIII). Точка зрѣнія полуагностицизма прекрасно формулируется у Гиртля, который говоритъ, что рѣшающій голосъ въ вопросѣ о безсмертіи по всѣмъ правамъ принадлежитъ вѣрѣ, «которой наука не можетъ ни опровергнуть, ни доказать, хотя наука можетъ доказать все-таки, что противное вѣрѣ не имѣетъ для себя основаній въ природѣ вещей».

Что касается вопроса о степени распространенности въ наукѣ агностической точки зрѣнія, то тутъ слѣдуетъ воздерживаться отъ преувеличеній, когда ее объявляютъ господствующею въ современной наукѣ, какъ это дѣлаетъ, напр., проф. Джемсъ Уардъ. По его мнѣнію, «отношеніе ученыхъ къ религіи лишь изрѣдка бываетъ положительно врожденнымъ; чаще же оно носитъ характеръ агностическій, либо болѣе или менѣе индифферентный» *). Уардъ забылъ здѣсь о вѣрующихъ ученыхъ, составляющихъ самую значительную группу какъ по своей численности, такъ и по именамъ своихъ представителей; поэтому-то ихъ-то именно точка зрѣнія въ вопросѣ объ отношеніи религіи и науки по всей справедливости должна быть признана господствующею, истинно-научною точкою зрѣнія, представляющею подлинный голосъ науки въ занимающемъ насъ вопросѣ. Къ сожалѣнію, ошибочный взглядъ на агностицизмъ, какъ точку зрѣнія господствующую въ наукѣ, усвоенъ и съ большою настойчивостью проведенъ въ прекрасныхъ статьяхъ г. В. А. Кожевникова о религіи и наукѣ въ Богословскомъ Вѣстникѣ за 1911—1912 гг., вышедшихъ потомъ отдѣльно книжкою (В. А. Кожевниковъ. «Современное научное невѣріе». Сергіевъ Посадъ. 1912). Никакъ нельзя согласиться съ авторомъ, что современная наука, хотя и враждебна атеизму и матеріализму, однако, «хочетъ быть только естественнымъ объясненіемъ космоса»: это утвержденіе самъ авторъ отрицаетъ слѣдующими обильными ссылками на Лоджа, Кельвина, Флам-

*) *Табрумъ*, 105—106.

маріона, Буссинеска, Ромэнса, Уоллеса, Рейнке, Стокса, Гирна, Лаппарана и др., которые высказываютъ стремленіе къ теистическому толкованію природы и говорятъ о Высшей «Интеллигенціи» въ природѣ и о «Божественномъ дѣйствіи въ ней» (Лоджъ), о «Создателѣ міра и его Правителѣ» (Кельвинъ), о «Міровомъ Двигателѣ» (Буссинескъ), о «Правящемъ духѣ» (Уоллесъ) и т. д. По заявленію здѣсь величайшаго физика нашего времени, лорда Кельвина, «современная наука стоитъ не за недоказуемость Бога, а, наоборотъ, настойчиво указываетъ на необходимость признанія и принятія идеи Бога-Творца». По мнѣнію ботаника Рейнке, «изученіе природы съ необходимостью приводитъ къ признанію Божества», а по выраженію математика Буссинеска бытіе Бога не гипотеза только, а доказуемый научный выводъ изъ законовъ вселенной. Наконецъ, свое положеніе объ агностицизмѣ, какъ господствующей точкѣ зрѣнія въ наукѣ, г. Кожевниковъ совершенно отмѣняетъ заявленіемъ, что «изъ приведенныхъ свидѣтельствъ мы видимъ, что поворотъ современныхъ естествоиспытателей къ теизму вызванъ главнымъ образомъ оживленіемъ среди нихъ сознанія наличности, планомѣрности и цѣлесообразности въ природѣ. Дѣйствительно, переворотъ, совершившійся въ этомъ отношеніи на пространствѣ полустолѣтія, должно назвать изумительнымъ» *). Все, сказанное здѣсь о положеніи агностицизма въ современной наукѣ, хорошо можно резюмировать словами физіолога Адольфа Фикка: послѣдніе выводы дѣйствительной науки благопріятны не для матеріалистическаго, а для идеалистическаго міровоззрѣнія» **).

Итакъ, агностицизмъ есть хотя модная и характерная для современной науки точка зрѣнія, но никакъ не господствующая, самая распространенная, или «преобладающая» въ ней.

Заслуга представителей агностической точки зрѣнія заключается въ точномъ разъясненіи границъ естествознанія и религіи и недозволительности вторженія одной въ область другой безъ вреда другъ для друга. Она имѣетъ научно методологическое значеніе, и въ этомъ смыслѣ не есть даже особенность однихъ агностиковъ, а всѣхъ хорошихъ ученыхъ вообще. Но всецѣло

*) «Богословскій Вѣстникъ» 1911, кн. 12, стр. 688 и 689, стр. 694, 695, 696—699, 702, 707—708, стр. 689, ср. 695 *(о лордѣ Кельвинѣ)*.

**) У *Reinke*. «Naturwissenchaftliche Vorträge», IV, 57. (Heilbronn, 1908).

стоять на агностической точкѣ зрѣнія въ отношеніяхъ къ религіи и къ натурфилософіи почти невозможно, какъ показываетъ это уже численная незначительность агностической группы. Агностической точкой зрѣнія устанавливается мучительное состояніе равновѣсія или безразличія, нейтралитета или раздвоенія между полюсами вѣры и невѣрія, что дѣлаетъ практически непримѣнимымъ принципъ чистаго агностицизма. Невозможность послѣдовательности въ агностицизмѣ доказывается примѣромъ хотя бы А. Пуанкаре, одного изъ виднѣйшихъ поборниковъ его: этотъ поборникъ абсолютнаго агностицизма въ концѣ концовъ не выдержалъ нейтралитета и свою книгу «Цѣнность науки» неожиданно заключилъ чѣмъ-то вродѣ дотматическаго отрицанія безсмертія и вообще рѣшительнымъ словомъ о томъ, чего наука не рѣшаетъ (см. стр. 193—194).

Главный, однако, недостатокъ агностической точки зрѣнія въ томъ, что ею устанавливается неестественное подавленіе въ душѣ философской потребности цѣльнаго міропониманія. Правда, что естествознаніе въ мірообъясненіи можетъ обходиться безъ «гипотезы Бога» въ границахъ ему доступнаго механическаго объясненія явленій. Но такимъ поверхностнымъ мірообъясненіемъ могутъ довольствоваться только поверхностные умы: предположенія идеализма (именно въ направленіи теизма) необходимы становятся тамъ, гдѣ мысль научная стремится къ болѣе глубокому и цѣлостному пониманію природы и, въ стремленіи къ полному закругленному знанію, изъ Weltbild'a въ смыслѣ Рейнке и Деннерта переходитъ въ натурфилософію, Weltanschauung. Въ этомъ случаѣ наука даетъ матеріалъ для подтвержденія теизма и разрушенія матеріализма и атеизма, хотя и не занимается сама рѣшеніемъ вопросовъ религіи и философіи и не выходитъ изъ границъ своего кругозора. Дѣло въ томъ, что кругозоръ науки гораздо шире, чѣмъ онъ представляется позитивизму или, что то же, агностицизму. Агностицизмъ сужаетъ область научнаго изслѣдованія, ограничивая его исключительно наблюденіемъ фактовъ, подлежащихъ чувственному воспріятію. Но истинная наука, напротивъ, стремится подняться надъ голыми фактами къ первымъ причинамъ; въ ней изученіе явленій есть только средство, а цѣль—открытіе ихъ законовъ. Какъ показываетъ исторія наукъ, стремленіе къ изслѣдованію сокровенныхъ основъ явленій, ихъ внутреннихъ причинъ, и было могучимъ рычагомъ прогресса наукъ, открытій и изобрѣтеній.

Величайшіе ученые не тѣ, которые занимаются только простымъ наблюденіемъ фактовъ, но тѣ, которые изъ наблюденій выводятъ законы. Исключеніемъ изъ науки изслѣдованія первопричинъ позитивизмъ или агностицизмъ, по справедливому замѣчанію Брольи, «унижаетъ науку до простого наблюденія явленій въ ихъ преемственной послѣдовательности, въ рядъ эмпирическихъ формулъ, которыя для истинной науки то же, что для медицины собраніе фармацевтическихъ рецептовъ».

Если изученіемъ природы наукъ дано, по выраженію Кеплера, «какъ бы осязать Бога во вселенной», то она и не задаваясь рѣшеніемъ религіозныхъ вопросовъ непроизвольно служитъ ихъ разрѣшенію, и при томъ положительному. Наука тутъ становится свидѣтельствомъ о Богѣ въ природѣ, хотя бы того ученые и сами не желали. Что Богъ все-таки нуженъ наукѣ, и что она сама невольно постоянно наталкивается на явные слѣды Бога во вселенной ближайшимъ ея изученіемъ, о томъ единогласно говорятъ великіе ученые, видящіе въ наукѣ путь къ вѣрѣ.

Пироговъ: « убѣдился, что для человѣка съ моимъ складомъ ума невозможно остановиться по всѣмъ занимающимъ меня вопросамъ жизни на одномъ (позитивномъ) направленіи или, другими словами, сдѣлаться позитивистомъ и сказать себѣ: «стой, ни шагу далѣе!..»

Мы роковымъ образомъ, неминуемо, не видя и не ощущая неизмѣримаго и безграничнаго, признаемъ его фактическое существованіе». (Далѣе—разъясненія. См. «Вопросы жизни. Дневникъ стараго врача»).

Ботаникъ Гееръ: «Чѣмъ глубже проникаемъ мы въ познаніе природы, тѣмъ глубже дѣлается и убѣжденіе наше, что только вѣра во Всемогущаго и Всевѣдущаго Творца можетъ разрѣшить загадки природы и человѣческой жизни».

Физикъ В. Томсонъ утверждаетъ, что въ нѣкоторыхъ вопросахъ, напр., о происхожденіи жизни, наука вынуждается сойти съ агностической почвы и «положительно признать творческую Силу. Тутъ наука принуждаетъ всякаго къ признанію чуда въ ея собственной области... Въ наукѣ мы стоимъ лицомъ къ лицу передъ Невѣдомымъ, и если мы будемъ о Немъ размышлять, то окажемся всѣ агностиками. Мы знаемъ Бога только отчасти въ Его твореніи, но наука безусловно вынуждена съ несомнѣнной увѣренностью признать направляющую Силу во все-

ленной,—дѣйствіе въ ней, которое отлично отъ дѣйствія въ ней силъ физическихъ, механическихъ и химическихъ».

Химикъ Шэнбейнъ: «какъ бы ни казалась для толпы великой сумма человѣческихъ знаній, все-таки опытнѣйшіе изслѣдователи чувствуютъ пробѣлы и отрывочность ихъ и хорошо знаютъ, что человѣкъ до сихъ поръ узналъ лишь крайне незначительную долю того, что такое природа, и что о ней надо знать».

Химикъ К. Вуртцъ: «Въ той мѣрѣ, въ какой наука проникаетъ въ порядокъ природы, она открываетъ существованіе въ ней простыхъ средствъ, приспособленныхъ къ достиженію чрезвычайно разнообразныхъ результатовъ. Снимая тамъ и сямъ съ природы покрывало, наука видитъ подъ нимъ гармонію и глубокую мудрость творческаго плана. Что касается первыхъ причинъ, то онѣ остаются недоступными. Тутъ начинается другая область, въ которую всегда будетъ стараться вступить умъ человѣческій, побуждаемый къ тому своей природой; онъ такимъ созданъ, и вы не измѣните его. Если наука откроетъ уму строеніе міра и порядокъ совершающихся въ немъ явленій, то ему и этого мало: умъ хочетъ подняться выше, и невольное убѣжденіе, что причина и начало вещей кроются не въ самыхъ вещахъ, заставляетъ его указывать зависимость ихъ отъ Первой Единой Всеобъемлющей Причины всего—отъ Бога».

Пастэръ, указывая въ эмпиризмѣ явный крупный пробѣлъ въ томъ, что онъ не даетъ мѣста «важнѣйшей изъ положительныхъ идей, идеѣ Безконечнаго», говоритъ далѣе: «Что существуетъ по ту сторону звѣзднаго неба? Новое звѣздное небо. Пусть такъ! А за этимъ небомъ что? Умъ человѣческій чувствуетъ себя вынужденнымъ какою-то непреодолимою силою къ этому вопросу и никогда не перестанетъ спрашивать: что дальше? Захочетъ ли умъ гдѣ-нибудь остановиться во времени или въ пространствѣ? Умъ не удовлетворится нисколько, если отвѣтятъ: по ту сторону есть міры, времена, тѣла безъ конца: съ этими словами нельзя связать опредѣленной мысли. Кто признаетъ существованіе безконечнаго (а уйти отъ этого никто не можетъ), тотъ въ этомъ признаніи утверждаетъ болѣе сверхъестественнаго, чѣмъ сколько содержится его во всѣхъ чудесахъ всѣхъ религій, потому что идея безконечнаго имѣетъ двойной характеръ: она принудительно навязывается мысли, и въ то же время она непонятна для нея! Когда эта идея овладѣваетъ умомъ, то ничего не остается ему, какъ въ благоговѣніи склониться

передъ нею... И тутъ чувствуешь себя близкимъ къ великому «безумію» Паскаля. И вотъ эту-то положительную идею, Первую Идею, устраняетъ позитивизмъ безъ всякихъ основаній!»

Астрономъ Роб. Боллъ: «Правда, мы вѣримъ, и я самъ, конечно, также, что наша солнечная система произошла изъ туманности, подобно тому, какъ мы вѣримъ въ то, что взрослый сформировался изъ ребенка; если же вы меня спросите, откуда произошла туманность, мы можемъ, пожалуй, отвѣтить: отъ столкновенія двухъ звѣздъ; но тогда возникаетъ еще вопросъ: «а откуда же произошли эти двѣ звѣзды?» И вотъ на это-то послѣднее наука не даетъ никакого положительнаго отвѣта. Но, насколько я могу понимать этого рода вещи, сами небеса носятъ на себѣ отпечатокъ того факта, что они не могли быть изначально и всегда таковыми, каковы они въ настоящее время. Насколько мы въ состояніи понимать, должно было быть какое-то начало, какой-то моментъ во времени, когда наступило вмѣшательство такой силы и такого дѣйствія, познать которыя наукѣ недоступно. Вотъ почему я не могу не высказать своего сердечнаго сочувствія тѣмъ усиліямъ, и притомъ успѣшнымъ усиліямъ, которыя уже дѣлались этимъ ученымъ учрежденіемъ для уясненія того, что въ наши попытки постигнуть чудеса природы мы всегда привносимъ фактъ наличности безчисленныхъ тайнъ въ природѣ, навсегда необъяснимыхъ путемъ обычныхъ пріемовъ науки, и которыя требуютъ вмѣшательства нѣкоей Высшей Силы, непостижимой уму человѣческому». (Изъ публичной рѣчи «О происхожденіи новыхъ звѣздъ» въ Институтѣ Викторіи).

Физіологъ Фолькманъ: «Я ничего не имѣю противъ, если называютъ гипотезой мнѣніе о дѣйствующемъ во вселенной Разумѣ, управляющемъ міромъ и все направляющемъ къ разумнымъ цѣлямъ, слѣд., о Силѣ, Которую мы называемъ Богомъ. Но я утверждаю, что еще никому не удалось сдѣлать эту «гипотезу» «ненужною».

Физикъ Сименсъ: «Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ стройное дѣйствіе силъ природы по неизмѣннымъ законамъ природы и все-таки закрытое для полнаго нашего пониманія; тѣмъ болѣе мы чувствуемъ себя вынужденными скромнѣе думать о себѣ и о размѣрахъ нашихъ знаній, тѣмъ живѣе дѣлается наше стремленіе болѣе и глубже черпать изъ этого неисчерпаемаго источника нашего знанія силы, и тѣмъ выше становится благого-

вѣніе передъ всѣмъ управляющей Безконечной Премудростью, проникающей все Свое твореніе».

Баганикъ Рейнке говоритъ, что, хотя ближайшая задача естествознанія ограничивается изученіемъ закономѣрности въ природѣ, «однако», естествоиспытатель вѣдь тоже человѣкъ и, какъ мыслящій человѣкъ, онъ, обыкновенно, имѣетъ потребности, которыя называютъ философскими. Поэтому и естествоиспытатель стремится къ выработкѣ міровоззрѣнія, которое уясняло бы ему основы закономѣрной дѣятельности силъ природы, даже и въ томъ случаѣ, если бы его мышленію при этомъ приходилось выйти даже за границы непосредственно познаваемаго и доказуемаго,—именно при рѣшеніи здѣсь основного вопроса о томъ, чему обязаны гармонія и порядокъ природы,—случайному и слѣпому движенію атомовъ, или разумной Силѣ».—«Поскольку дѣло идетъ объ изслѣдованіи частностей въ теченіи вещей въ природѣ, естествознанію идея Бога не нужна... Но въ качествѣ цѣлаго природа требуетъ для своего объясненія предполагаемой ею идеи Бога, какъ ея Первопричины».—«Задача науки въ томъ, чтобы понять природу. Но природа остается непонятною для насъ, когда мы въ ней же самой полагаемъ источникъ и первопричину явной цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ,—какъ непонятно perpetuum mobile въ машинѣ. Для пониманія природы мы нуждаемся въ признаніи стоящей надъ природою и управляющей ею Силы, которую мы называемъ Богомъ, хотя бы для науки и была непознаваема эта Сила, какъ иксъ въ какомъ-нибудь неразрѣшимомъ математическомъ уравненіи. Но здѣсь наука не идетъ дальше утвержденія, съ нея достаточнаго: за природой долженъ скрываться высочайшій Божественный разумъ, ее создавшій,—все на это указываетъ въ ней. Въ описаніи природы и объясненіи ея отдѣльныхъ явленій наукѣ вообще не нужна идея Бога; но если только мы захотимъ понять природу своимъ человѣческимъ разумомъ, мы не можемъ обойтись безъ нея».

Анатомъ В. К. Паркеръ: «Мельчайшее органическое существо носитъ на себѣ печать безконечности. Сущность любой вещи, напримѣръ, этого первоцвѣта, я познаю дѣйствительно тогда только, когда увижу ее во свѣтѣ лица Творца ея».

Физикъ Оливеръ Лоджъ заканчиваетъ одну свою рѣчь такъ: «Позвольте мнѣ, суммируя вкратцѣ и схематически сказанное мною, указать вамъ на то, что, съ точки зрѣнія науки, ея

тенденція, какова бы она сама по себѣ ни была, направлена въ настоящее время не въ сторону иррелигіозности и невѣрія, и что научное выясненіе единства космическаго плана склоняетъ насъ къ вѣрѣ, а не къ невѣрію. Мы начинаемъ представлять себѣ, что вся міровая схема, столь великолѣпная, столь безмѣрная и не объятная (ибо надо помнить, что наша планета лишь одна изъ милліоновъ планетъ!) требуетъ хотя только въ полупонятномъ для насъ, но все же реальномъ смыслѣ, признанія Организатора и Направителя, и притомъ доступнаго для молитвы и готоваго придти на помощь, «по-своему и въ свое время», но всегда расположеннаго помочь и всегда должнымъ образомъ».

Геологъ Даусонъ: «Всѣ, изучающіе природу, вѣроятно, готовы допустить существованіе первопричины вселенной и ея явленій. Каждое отдѣльное слѣдствіе, насколько мы это можемъ удостовѣрить, должно имѣть адекватную причину или причины: а придерживаться разумно этого положенія мы можемъ не иначе, какъ признавая существованіе Первопричины для всего цѣлаго. Явленія вселенной не могутъ быть безпричинными или случайными; и прежде всего, ученіе о Первопричинѣ настолько же необходимо для разумнаго пониманія матеріальной природы, насколько оно нужно и для религіи».

А. Р. Уоллесъ: «Вселенная представляется теперь настолько подавляюще-сложнымъ организмомъ, что внушаетъ большинству умовъ мысль о существованіи нѣкоей Разумной Силы, всюду проникающей и поддерживающей ее. Когда мы переходимъ отъ неорганическаго міра къ органическому, управляемому какими-то силами, совершенно отличными отъ тѣхъ, которыя дѣйствуютъ въ природѣ неорганической, и когда далѣе мы видимъ, что эти организмы возникли въ опредѣленную эпоху, когда земля стала способною поддерживать ихъ существованіе, а затѣмъ развились въ двѣ великія вѣтви: жизни, не одаренной чувствительностью, и жизни, одаренной ею, при чемъ послѣдняя вѣтвь достигла своей высшей точки развитія въ человѣкѣ, существѣ, высшая умственная и нравственная природа котораго приспособлена для безконечнаго дальнѣйшаго развитія,—то, принимая все это во вниманіе, логическая необходимость признать Высшій Разумъ окажется непреодолимой» *).

---

*) Табрумъ 79, 57—58, 26, 56—67 (Паркеръ, Лоджъ, Даусонъ).

Гл. V. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію вѣрующихъ ученыхъ.

Простри на небеса задумчивый твой взоръ:
Не зришь ли въ нихъ Творцу согласный, стройный хоръ?
Не чувствуешь ли ты невольнаго восторга?
Дерзнешь ли не признать и власть и силу Бога,
Таинственный уставъ, непостижимый перстъ
Въ премудромъ чертежѣ міровъ, планетъ и звѣздъ?

А. П. Полежаевъ.

Законы вселенной,
И смерть и рожденье
Живущаго въ мірѣ,
И мощная воля
Души человѣка
Даютъ мнѣ постигнуть
Великую тайну,
Что есть Высшій Разумъ,
Все дивно создавшій,
Всѣмъ правящій мудро.

П. С. Никитинъ.

Критика агностической точки зрѣнія въ вопросѣ объ отношеніи религіи и науки неизбѣжно приводитъ насъ къ самой распространенной среди ученыхъ и обычной религіозной точкѣ зрѣнія,—примирительной, или объединительной, которою признается полное совпаденіе или согласіе между религіей и наукой, поскольку такое совпаденіе или согласіе признается между Божественнымъ Откровеніемъ въ религіи и природою, какъ созданіемъ Бога и Его естественнымъ Откровеніемъ въ мірѣ. Здѣсь наука и религія это—двѣ линіи или плоскости совпадающія. Въ положеніи вѣрующихъ, какъ Фарадэй, агностицизмъ есть дѣло нѣкоторой непослѣдовательности мысли: кто признаетъ міръ твореніемъ Божіимъ, тотъ неизбѣжно долженъ признавать его также и откровеніемъ Бога, а науку о мірѣ—путемъ къ вѣрѣ въ Бога и познанію Его. Поэтому-

то третью, религіозную, точку зрѣнія мы встрѣчаемъ почти у всѣхъ вѣрующихъ натуралистовъ, составляющихъ 92% среди общаго числа ученыхъ. Третью точку зрѣнія вполнѣ справедливо назвать христіанскою или религіозно-библейскою: она вполнѣ совпадаетъ съ ученіемъ библіи о природѣ, какъ откровеніи Бога Творца (Псал. 18, 2; Прем. 13, 5; Рим. 1, 20).

Третья точка зрѣнія раскрывается въ нѣсколькихъ частныхъ положеніяхъ, высказываемыхъ учеными этой группы. 1) Изученіе природы называется прямымъ путемъ къ вѣрѣ въ Бога, потому что природа есть книга, въ которой наука читаетъ о Богѣ, видитъ Его; а потому чѣмъ глубже наука проникаетъ въ природу, тѣмъ глубже становится и вѣра, пробуждаемая наукою. 2) Отсюда, изъ этого положенія, вытекаетъ и въ немъ, точнѣе, содержится другое положеніе, высказываемое учеными, что, вопреки ходячему мнѣнію о вредѣ естествознанія для вѣры, естествознаніе служитъ лучшею союзницею религіи. Эта мысль о полномъ согласіи науки съ религіей прямо высказывается всегда тамъ, гдѣ ученые возстаютъ противъ притязаній матеріализма и атеизма выдавать себя за выводы естественныхъ наукъ.

1. Наука есть путь къ вѣрѣ—вотъ мысль, которую твердо и громко исповѣдуютъ всѣ вѣрующіе великіе ученые, напр.: Ньютонъ, Кеплеръ, Коперникъ, Линней, Агассизъ, Гееръ, Гровe, Ляйель, Либихъ, Галлеръ, Амперъ, Жуль, Фай, Кювье, Сименсъ, Фарадэй, Эргитедъ, Гумфри, Дэви, Пастеръ, Швammердамъ, Томсонъ, Геймъ, Гершель, Рейпке, Вестермейеръ, Дж. Дана, Даусонъ и др. *). Всѣ эти ученые разными способами выражаютъ эту мысль. Чтобы видѣть, въ какія формы облекается эта общая основная мысль, дадимъ ихъ образцы.

Физикъ Амперъ: Въ природѣ «мы можемъ наблюдать дѣла Творца и отъ нихъ возвышаться познаніемъ къ Творцу. Хотя Богъ скрывается въ Своемъ твореніи въ нѣкоторой мѣрѣ такъ, какъ дѣйствительныя движенія звѣздъ закрываются мнимыми, однако, мнимыя движенія звѣздъ ведутъ къ познанію дѣйствительныхъ и, подобно этому, познаніемъ дѣлъ творенія мы возвышаемся къ Творцу и отчасти даже созерцаемъ Его Божественныя свойства».

Физикъ и химикъ Гумфри Дэви: «Невыразимую ра-

*) *E. Dennert* p.p. 51—53, 15, 40, *K. Kneller* p.p. 196, 120—121, 25, 98—99, 143, 127, 132, 12; *H. Engel* p.p. 59—60, 87; *O. Zöckler p.p. 262*, 264—265.

дость доставляетъ химику въ малыхъ размѣрахъ въ лабораторіи видѣть передъ собою міръ и взвѣшивать, измѣрять невидимые глазу атомы, взаимными отношеніями и движеніями коихъ по законамъ, установленнымъ для нихъ Божественнымъ Умомъ, образуется міръ, цѣлое. Истинный химикъ видитъ дѣйствіе Бога во всѣхъ различныхъ формахъ внѣшняго міра *)... Созерцая разнообразіе и красоту внѣшняго міра и давая научное повѣствованіе о чудесахъ его, ученый постоянно возвышается мыслью къ Безконечной Премудрости, благоизволившей даровать ему радость познанія Ея, и съ ростомъ своего знанія совершенствуется самъ ученый въ умственномъ и нравственномъ отношеніи; изощренный упражненіемъ тонкій умъ его возвышается до высшаго знанія, даваемаго вѣрою, и по мѣрѣ того, какъ прозрачнѣе становится покрывало, черезъ которое ученый видитъ причины вещей, все болѣе и болѣе изумляетъ его умъ сіяніе Божественнаго свѣта, освѣщающаго ихъ».

Астрономъ Гершель: «Чѣмъ болѣе расширяется поле науки, тѣмъ многочисленнѣе становятся доказательства существованія всемогущей творческой Премудрости».

Химикъ Либихъ: «Познаніе природы есть путь къ благоговѣнію предъ Творцомъ... Воистину только тотъ знаетъ величіе и безконечную премудрость Творца, кто старается понять въ безграничной книгѣ, называемой природой, Его мысли!»

Физіологъ Пастеръ: «Я много занимался изученіемъ природы; поэтому я вѣрую, какъ бретонскій крестьянинъ. Если бы можно было мнѣ заниматься и изслѣдовать еще болѣе, то я вѣровалъ бы простою дѣтскою вѣрою крестьянки изъ Бретани»...

Геологъ и минералогъ Г. Дж. Силей: «Науки — сестры религіи, въ томъ смыслѣ, что онѣ раскрываютъ часть законовъ, управляющихъ вселенной и жизнью человѣка. Такимъ образомъ это — ступени, возводящія къ вѣрѣ».

Геологъ Арчибальдъ Гейки: «Познавая все болѣе и болѣе изумительный планъ, лежащій въ основѣ образованія необъятной вселенной, мы получаемъ все возрастающее пониманіе гармоніи и красоты творенія, съ еще болѣе глубокимъ благоговѣніемъ къ Тому, Кто создалъ и поддерживаетъ все это».

Физикъ Дж. Томсонъ: «Въ исторіи развитія науки ни-

*) Ср. почти такія же выраженія у *Бойля* и *Кеплера* (*Dennert* p.p. 53 и 15).

когда не замѣчалось признаковъ приближающагося конца знанія. По мѣрѣ того, какъ мы въ этой сферѣ завоевываемъ вершину за вершиной, передъ нашими взорами раскрываются новыя области, полныя интереса и красоты; но нашей конечной цѣли мы все-таки не видимъ, не видимъ еще горизонта; въ отдаленіи громоздятся одна на другую еще болѣе высокія вершины, съ которыхъ поднявшимся на нихъ открываются дали, еще болѣе широкія, еще болѣе углубляющія наши ощущенія и сознаніе истины, подтверждаемой каждымъ новымъ успѣхомъ науки: «велики творенія Господа!»

Анатомъ Уэндель Хольмсъ: «Наука представляетъ собою мысль Бога, открытую человѣкомъ; изучая естественные законы, человѣкъ относитъ слѣдствія къ ихъ Первопричинѣ, къ волѣ Творца, или, по поэтическому выраженію Гете, природа есть живое одѣяніе Бога» *).

Зоологъ Агассизъ: «Міръ есть самое наглядное доказательство бытія личнаго Бога, Творца всѣхъ вещей и Промыслителя міра» **).

Ботаникъ Линней: «Вѣчный, безпредѣльный, всевѣдущій и всемогущій Богъ прошелъ мимо меня. Я не видалъ Его лицомъ къ лицу, но отблескъ Божества наполнилъ мою душу безмолвнымъ удивленіемъ. Я видѣлъ слѣдъ Божій въ Его твореніи; и вездѣ, даже въ самыхъ мелкихъ незамѣтныхъ Его произведеніяхъ, что за сила, что за мудрость, что за непзреченное совершенство. Я наблюдалъ, какъ одушевленныя существа, стоя на высшей ступени, связаны съ царствомъ растеній, а растенія въ свою очередь съ минералами, которые находятся въ нѣдрахъ земного шара, и какъ самый шаръ земной тяготѣетъ къ солнцу и въ неизмѣнномъ порядкѣ обращается вокругъ него, получая отъ него жизнь. Я видѣлъ, какъ солнце и всѣ другія звѣзды, вся солнечная система, безконечное звѣздное небо движется въ пространствѣ, поддерживается въ пустотѣ, по волѣ непостижимаго первоначальнаго Двигателя, Существа существъ, Причины причинъ, Правителя и Хранителя міра, Господа и Создателя всякаго творенія».

Химикъ и врачъ Гофманъ: «Кто внимательно всмотрится въ открывающіяся его взору дивныя творенія Божіи, для

*) *Табрумъ* 27, 60, 68, 88.
**) Ueber die fossilen Fische. Neufschatel, 1833. I, 171.

того есть вѣрный путь самымъ яснымъ образомъ убѣдиться въ бытіи Бога и узнать Его свойства».

Антропологъ-натуралистъ К. Э. Бэръ: «Гармоническое единство силъ природы ведетъ насъ къ общей Первоосновѣ, и послѣдняя не можетъ быть отлична отъ Того Высочайшаго Существа, на Которое указываетъ религіозное чувство людей».

Зоологъ Катрфажъ: «Когда я восходилъ къ началу всякой гармоніи въ природѣ, я неизмѣнно находилъ тамъ вѣчную Силу, какъ исходное начало этой дивной цѣпи гармоніи въ природѣ и, переходя отъ одного чуда творенія къ другому, я поднимался мыслью къ самому Творцу и возносилъ отъ глубины души благоговѣйное удивленіе предъ твореніемъ Его, восклицая вмѣстѣ съ Жоффруа Сентъ-Илеромъ: Слава и честь единому Богу!»

Зоологъ Агассизъ называлъ свою науку «переводомъ мыслей Творца на человѣческій языкъ»*).

Геологъ Мурчисонъ въ слѣдующихъ словахъ выражаетъ свое впечатлѣніе отъ занятій геологіею: «Кто прослѣдитъ мыслью весь великій процессъ развитія жизни на землѣ отъ самаго начала до появленія на ней человѣка, тотъ признаетъ здѣсь многочисленные слѣды плана и неопровержимыя доказательства промыслительной дѣятельности Творца».

Ботаникъ Браунъ: «Познаніе Бога въ мірѣ это—первое движеніе ума, пробуждающагося отъ житейской суеты. И это исканіе Бога есть и остается на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣческаго знанія и во всѣхъ развѣтвленіяхъ науки основнымъ тономъ въ неустанномъ движеніи ума къ истинѣ... И это ни на одной наукѣ не видно въ такой степени, какъ на естествознаніи, хотя послѣднему часто ставятъ въ вину совсѣмъ иное» **).

Физикъ Гиринъ: «Вселенная можетъ быть объяснена только дѣйствіемъ стоящей за всякимъ явленіемъ разумно-свободной Воли, не только вызвавшей къ бытію силы природы, но также сохраняющей ихъ и управляющей ими. Бытіе и дѣйствіе такой Воли во вселенной есть математическая истина и признаніе этой Воли, или Бога для всякаго безпристрастнаго и любящаго истину ума должно быть послѣднимъ словомъ науки» ***).

*) *E. Dennert* 26, 37; *Kneller 341.* «Животное царство», говоритъ *Агассизъ*, «есть раскрытіе Божественной мысли, какъ она выразилась въ одной части того великаго цѣлаго, которое мы называемъ природою».

**) *O. Göcker* II, 232, 263.

***) *Y. Courbet.* «Das Dasein Gottes ein Postulat der Wissenschaft». Strassburg, 1907, p. 56—57.

Очень напоминаетъ Гирна ботаникъ Рейнке, признающій за физико-телеологическимъ доказательствомъ бытія Божія высокое научное значеніе. «Познаніе природы», говоритъ Рейнке, неизбѣжно ведетъ къ идеѣ Бога, и, по моему мнѣнію, мы убѣждены въ бытіи Бога по закону причинности такъ же, какъ въ бытіи природы. Пусть скептическая философія назоветъ этотъ выводъ только вѣроятнымъ или даже неосновательнымъ,—натуралистъ, дѣлающій выводы и заключенія по методамъ индукціи и аналогіи, будетъ считать не только самымъ яснымъ, но и единственно возможнымъ лишь то объясненіе бытія и свойствъ организмовъ, которымъ все здѣсь сводится къ Богу—Творцу, какъ первопричинѣ всего».—«Какъ симфонія не мыслима безъ создавшаго ее композитора, пользующагося для своей цѣли, какъ орудіемъ, механизмомъ звуковыхъ колебаній, такъ еще въ неизмѣримо большей степени величественная гармонія природы можетъ быть дѣломъ только могучаго творческаго Ума. Ума нельзя видѣть глазами, но онъ открывается въ своихъ произведеніяхъ; такъ и Богъ открывается въ порядкѣ и законахъ природы; отсюда можно знать о Богѣ нисколько не менѣе, чѣмъ о человѣческомъ умѣ по дѣйствіямъ человѣка, какъ въ природѣ узнаемъ о той или иной силѣ по ея дѣйствію. Въ этомъ смыслѣ, я утверждаю, природа, особенно устройство растеній и животныхъ, требуетъ научнаго заключенія о Божествѣ, создавшемъ ее. Иначе причиною міра былъ бы случай. Или Богъ, или случай: tertium non datur. По моему мнѣнію, рѣчь можетъ идти лишь о томъ, какъ назвать познаніе Бога изъ природы: заключеніемъ по индукціи, по аналогіи, или гипотезой высокой вѣроятности. Принятіе такой гипотезы въ наукѣ ни мало не противорѣчило бы духу современной науки: вѣдь современной критикой научнаго знанія за всѣми научными положеніями допускается значеніе только гипотезъ высокой вѣроятности. Если космологическій теизмъ есть гипотеза, то я обращу вниманіе на то, что и тяготѣніе—то же гипотеза, и что большая часть положеній геологіи тоже основана на гипотезахъ». Далѣе лично ученый ботаникъ склоняется къ признанію за космолого-телеологическимъ доказательствомъ бытія Божія значенія индуктивныхъ доказательствъ въ наукѣ *).

*) *Reinke.* «Die Welt, als That». Berlin, 1899, p. 465. «Naturwissenschaftliche Vorträge», II, 48—49, ср. 32, 74, 38—39.

Физикъ Эрштедъ: «Все бытіе есть сплошь твореніе Бога, всюду отпечатлѣвшее на себѣ безконечно совершенный, неизмѣняемый Его разумъ. Въ нашемъ сознаніи это непрерывное дѣйствіе Божественнаго Разума и Его вѣчное тождество съ Собою дѣлается законами природы» *).

Геніальный ученый, далеко опередившій западныхъ ученыхъ своего времени нѣкоторыми открытіями въ химіи и физикѣ, отецъ русской науки М. В. Ломоносовъ и въ стихахъ, и въ прозѣ прославляетъ величіе Божіе, открываемое по нему созерцаніемъ природы и ея познаніемъ. «Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ,—говоритъ Ломоносовъ,—какъ поучаясь въ дѣлахъ Господнихъ, на высокій славы Его престолъ взирать мысленно и проповѣдывать Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ астрономія пространное рукъ Его зданіе; весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ Его многообразную хитрость физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари». Испытаніе натуры, хотя своими особенными способами, но преслѣдуетъ одну и ту же съ религіею цѣль—познаніе Бога, Его всемогущества, премудрости и благости. «Ибо и натура его нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».—«Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ столь чудныхъ дѣлъ (рѣчь идетъ о происхожденіи свѣта) проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія Создатель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ» **).

Съ наибольшею наглядностью и несомнѣнностью величіе Божіе въ природѣ открывается даже простому уму, безспорно, созерцаніемъ неба, сіяющаго безчисленными звѣздами. Благоговѣйное чувство безконечности, навѣваемое зрѣлищемъ небесъ, хорошо передано въ стихотвореніи нашего поэта, дивномъ по глубинѣ мысли, возвышенности чувства, красотѣ и силѣ выраженія:

---

*) *K. Kneller.* 132.

**) *П. М.* «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ. (Къ двухсотлѣтію со дня его рожденія)», въ «Церк. Вѣдом.» 1911, № 46.

Въ часъ полночный, близъ потока,
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
Въ горнемъ мірѣ чудеса.
Ночи вѣчныя лампады,
Невидимы въ блескѣ дня,
Стройно ходятъ тамъ громады
Негасимаго огня.
Но впивайся въ нихъ очами
И увидишь, что вдали,
За ближайшими звѣздами,
Тьмами звѣзды въ ночь ушли.
Вновь вглядись—и тьмы за тьмами
Утомятъ твой робкій взглядъ:
Всѣ звѣздами, всѣ огнями
Бездны синія горятъ.

А. С. Хомяковъ («Звѣзды»).

Если таково дѣйствіе зрѣлища неба на простого зрителя, невооруженнаго телескопомъ и научными знаніями, то оно несомнѣнно сильнѣе сказывается въ ученыхъ астрономахъ; поэтому-то «астрономія», говоритъ астрономъ Мэдлеръ, «особенно призвана оживлять и укрѣплять тѣ убѣжденія, которыя справедливо считаются высшимъ благомъ человѣчества». И дѣйствительно, справедливо поэтому утверждаетъ астрономъ Ньюкомбъ, что «міръ въ высокой степени обязанъ астрономіи за то, что она научила насъ понимать, какъ величаво Божіе твореніе и какую ничтожную частицу въ произведеніи Творца составляетъ земля, на которой мы обитаемъ, и все на ней находящееся». Среди астрономовъ поэтому почти нѣтъ невѣрующихъ, и мы приведемъ мнѣнія только нѣкоторыхъ изъ нихъ по нашему вопросу.

Мэдлеръ: «Кто ничего кромѣ случая не хочетъ видѣть въ этой гармоніи, обнаруживающейся съ такою очевидностью въ строеніи звѣзднаго неба, тотъ долженъ этому случаю приписать Божественную мудрость» (изъ «Рѣчей и очерковъ по астрономіи», 1870).

На надгробномъ памятникѣ астронома аббата Анджело Секки въ церкви св. Игнатія въ Римѣ сдѣлана надпись, по завѣщанію ученаго: A coeli conspectu ad Deum via brevis», т. е. «Отъ зрѣлища неба—короткій путь къ Богу».

Клейнъ: «При нашихъ органахъ чувствъ мы можемъ постигать не все содержаніе, не всѣ стороны мірового бытія, а только тѣ, которыя доступны нашимъ чувствамъ и нашему ра-

зуму. Мы познаемъ лишь пространственное и временное. Отсюда вытекаетъ, что наши изслѣдованія въ извѣстномъ направленіи должны всегда оставаться односторонними. Несмотря на эту односторонность, мы видимъ, что устройство міра таково, какъ если бы онъ былъ проникнутъ Высочайшимъ Разумомъ, который въ то же время обладаетъ неизмѣримою способностью къ творчеству. Величайшіе изслѣдователи всѣхъ временъ, основатели современнаго естествознанія признавали присутствіе такого Разума. Его существованіе слѣдуетъ изъ всей совокупности явленій природы съ такой же ясностью и неизбѣжностью, какъ существованіе силы тяготѣнія въ солнцѣ слѣдуетъ изъ движенія планетъ по замкнутымъ путямъ» *).

Ришаръ заключаетъ свой трудъ по астрономіи исповѣдываніемъ вѣры въ Бога, говоря: «заканчивая нашъ трудъ, мы спрашиваемъ, возможно ли говорить о міровыхъ законахъ, не поднимаясь мысленно къ Тому, Кто ими управляетъ? Наука, какіе бы она успѣхи ни сдѣлала, не можетъ обойтись безъ этой великой гипотезы, безъ которой ни одно явленіе природы не можетъ получить полнаго объясненія. Наука — дочь неба! Ты не только не пытаешься умалить значеніе Бога въ понятіи человѣка, но, напротивъ, твое высшее назначеніе — прославлять Его и сдѣлать болѣе доступнымъ для уразумѣнія» **).

2. Мысль о полномъ согласіи науки съ религіей до невозможности матеріализма и атеизма для хорошихъ натуралистовъ, слѣдующихъ только голосу истины, прекрасное классическое выраженіе нашла у представителей этой группы, обычно выступавшихъ съ энергическимъ протестомъ противъ матеріализма отъ имени точной науки. Всѣ они разными словами выражаютъ истину, давно высказанную Бэкономъ Веруламскимъ: «Только поверхностное знаніе природы можетъ удалять насъ отъ Бога, болѣе же глубокое и основательное знаніе, напротивъ, обращаетъ къ Нему». Изъ многихъ такихъ ученыхъ здѣсь могутъ быть названы: Мэдлеръ, Шлейденъ, Бойль, Шэнбейнъ, Гершель, Эренбергъ, лордъ Райлей, Роб. Майеръ, Штудеръ, Пастэръ, Пироговъ, В. Томсонъ,

*) *Клейнъ.* «Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Общедоступное изложеніе космологическихъ вопросовъ». Спб., 1900, стр. 26.

**) *Ш. Ришаръ* «Начало и конецъ міра». Перев. Ив. Святскаго. Спб., 1894, стр. 146.

Гирнъ, Вольта, Баумгартнеръ, Марціусъ, Гиртль, Клодъ Бернаръ, Жанъ д'Омалью, Эйлеръ *).

Химикъ Шэнбейнъ: «Есть все еще ограниченные люди, которымъ грезится, что чѣмъ глубже умъ человѣческій проникаетъ въ тайны природы, чѣмъ больше становится его знаніе о ней и увеличивается его власть надъ внѣшнимъ міромъ, тѣмъ болѣе онъ забываетъ о Первопричинѣ всѣхъ вещей. Иные зашли тутъ очень далеко,—даже до утвержденія, что естествознаніе ведетъ къ невѣрію въ Бога. Трудно представить себѣ что-либо неосновательнѣе этого взгляда. Кто непрерывно созерцаетъ жизнь природы открытыми глазами, тотъ не только будетъ вѣровать, но съ совершеннѣйшею ясностью видѣть и непоколебимо убѣждаться, что въ пространствѣ нѣтъ ни малѣйшаго мѣста, гдѣ не открывалась бы самымъ удивительнымъ образомъ во всемъ величіи Божественная дѣятельность».

Анатомъ Гиртль: «Я не могу понять, какія научныя основанія могутъ привести для возобновленія и защиты стараго матеріалистическаго міровоззрѣнія Эпикура и Лукреція, и чѣмъ можно обезпечить ему всеобщій и прочный успѣхъ. Наблюденіе и опытъ теперь говорятъ въ пользу его не больше, чѣмъ тогда, и справедливо столь восхваляемые точные методы естественныхъ наукъ ничего не дали для поддержки матеріализма. Какъ и прежде, матеріализмъ есть философская доктрина, а не cognitio certa ex principiis certis, какъ опредѣляетъ науку римскій ораторъ. Успѣхи матеріализма основаны не на ясности и основательности его доводовъ, а на смѣлости его выступленія и на соотвѣтствіи господствующему духу времени, который тѣмъ охотнѣе распространяетъ ученія этого рода, чѣмъ они опаснѣе кажутся для существующаго порядка вещей. Впрочемъ, выросшій изъ земной грязи титанъ матеріализма до прочной побѣды надъ наукой не дошелъ и не дойдетъ, пока серьезная наука уступками идеаламъ общественнаго мнѣнія и изъ трусости сама не уничтожитъ себя, сойдя съ почвы твердо установленныхъ фактовъ, въ которой ея сила и могущество».

---

*) *Dennert* p.p. 52—53; *Kneller* p.p. 341—342, 209, 18, 19, 110—111, 289, 39—40, 28, 113—114, 400, 353—354, 332—333; *Engel* 7—8, *Kneller* p.p. 317—319, 270—271; *Zöckler* № 149, p.p. 308—310. Мнѣнія нѣкоторыхъ изъ этихъ ученыхъ о согласіи науки и религіи приведены выше, напр. лорда Райлея, Гершеля, Эренберга.

Геологъ Жанъ д'Омальюсъ въ публичной рѣчи своей, посвященной вопросу объ отношеніяхъ религіи и естествознанія, доказываетъ неосновательность мнѣнія о несогласіи истинъ христіанской вѣры съ данными естественныхъ наукъ, разбираетъ возраженія противъ библейской исторіи творенія міра, сказанія о всемірномъ потопѣ, противъ истины единства человѣческаго рода, безсмертія души и т. д. «Я согласенъ», говоритъ здѣсь геологъ, «что для нашего ума есть затрудненія представить себѣ бытіе всемогущаго личнаго Бога и происхожденіе міра путемъ Его творческаго акта; но еще гораздо труднѣе понять существованіе вселенной и удивительный порядокъ въ ней безъ предварительнаго до нея бытія всемогущаго Существа». Д'Омалью заключаетъ свою рѣчь: «по моему мнѣнію, нѣтъ ни одного дѣйствительнаго противорѣчія между нашими религіозными убѣжденіями и фактами, установленными настоящимъ состояніемъ естественныхъ наукъ».

Физикъ В. Томсонъ: «Не бойтесь быть независимыми мыслителями! Если вы мыслите достаточно сильно, то вы неизбѣжно будете приведены наукою къ вѣрѣ въ Бога, которая есть основаніе религіи. Вы увидите, что наука не врагъ, а помощница религіи».

Физіологъ Баумгартнеръ: «Занятіе природою, если его вести правильно, есть наилучшая и самая дѣйствительная защита отъ заблужденій (матеріализма) и болѣе всякаго другого знанія ведетъ къ превращенію въ нашемъ умѣ всего творенія въ храмъ Всемогущаго».

Физикъ Вольта: «Современныя открытія, новыя знанія, нами пріобрѣтенныя, пути, проложенные нами, все это не можетъ вызвать никакого предубѣжденія противъ старой истины, ни вернуть насъ съ путей, раньше проложенныхъ».

Астрономъ Мэдлеръ: «Нѣтъ, науки и ихъ истинные и дѣйствительные представители и двигатели не заслуживаютъ упрековъ и подозрѣній съ извѣстной стороны по ихъ адресу, будто они внушаютъ человѣку равнодушіе къ Божественному и дѣлаютъ его атеистомъ! Это обвиненія, которыя совершенно лишены всякаго основанія, и мы именно при помощи астрономіи надѣемся доказать какъ разъ именно противное этому, что именно особенно она призвана оживлять и укрѣплять тѣ убѣжденія, которыя справедливо считаются высшимъ благомъ человѣчества».

Физикъ Гиринъ считаетъ спиритуализмъ единственнымъ міровоззрѣніемъ, «которое удовлетворяетъ разумъ и доказывается твердо установленными въ наукѣ фактами».

Геніальный Робертъ Майеръ, открытіемъ закона превращенія энергіи создавшій современное естествознаніе, въ рѣчи своей на конгрессѣ естествоиспытателей въ Инсбруккѣ въ 1869 году заключаетъ научное обличеніе нелѣпости матеріализма и самую рѣчь твердымъ исповѣданіемъ своего убѣжденія въ полномъ согласіи религіи и науки: «Здѣсь позвольте мнѣ кончить. Отъ полноты всей души я скажу: истинная философія не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, какъ только приготовленіемъ къ христіанской религіи». Онъ же еще: «Естественнонаучныя истины относятся къ христіанской религіи, какъ ручьи и рѣки къ океану».

Химикъ и физіологъ Пастэръ: «Настанетъ день, когда будутъ смѣяться надъ глупостью нашей современной философіи. Чѣмъ болѣе я занимаюсь изученіемъ природы, тѣмъ болѣе останавливаюсь въ благоговѣйномъ изумленіи передъ дѣлами Творца. Я молюсь во время работъ своихъ въ лабораторіи».

Хирургъ Н. И. Пироговъ: «Я сдѣлался искренно вѣрующимъ, не утративъ нисколько моихъ научныхъ, мыслью и опытомъ пріобрѣтенныхъ убѣжденій».

Математикъ Коши: «Я христіанинъ, т. е. вѣрую въ Божество Іисуса Христа, какъ Тихо де-Браге, Коперникъ, Декартъ, Ньютонъ, Ферматъ, Лейбницъ, Паскаль, Гримальди, Эйлеръ и др., какъ всѣ великіе астрономы, физики и математики прошлыхъ вѣковъ... Во всемъ этомъ (христіанскомъ вѣроученіи) я ничего не вижу, что сбивало бы съ толку мою голову, было ей вредно. Напротивъ, безъ этого святого дара вѣры, безъ знанія о томъ, чего мнѣ надѣяться и что ожидаетъ меня въ будущемъ, душа моя въ неувѣренности и безпокойствѣ металась бы отъ одной вещи къ другой, и эта тревога души и неувѣренность въ мысляхъ есть то, что нерѣдко производитъ отвращеніе къ жизни и можетъ въ концѣ концовъ повести къ самоубійству».

Ботаникъ Шлейденъ: «Именно истинный-то и точный натуралистъ и не можетъ никогда сдѣлаться матеріалистомъ и отрицать душу, свободу, Бога».

Совершенно почти также выражаютъ мысль о согласіи науки и религіи уже и вышеупоминавшіеся астрономъ Мэдлеръ и химикъ Шэнбейнъ, а именно Мэдлеръ: «Истинный натура-

листъ не можетъ быть атеистомъ. Кто въ такой степени, какъ мы, проникаетъ въ мастерскую Бога, тотъ въ смиреніи преклонится предъ Его святымъ Провидѣніемъ, дѣйствующимъ въ природѣ».—Шэнбейнъ: «Если знающіе природу и близко незнакомые съ ея строемъ отрицаютъ дѣйствіе въ ней безпредѣльнаго Ума, то это нѣкоторымъ образомъ понятно... Но истинно-великіе натуралисты всегда были людьми убѣжденными въ бытіи Бога и души, и тѣмъ болѣе, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы».

Физикъ Джорджъ Стоксъ: «Я не знаю никакихъ здравыхъ выводовъ науки, которые противорѣчили бы христіанской религіи. Быть можетъ, есть кое какія дикія научныя предположенія, высказываемыя преимущественно людьми второразряднаго знанія и неправильно выдаваемыя за солидно обоснованныя научныя заключенія, которыя, по свойствамъ своимъ, могутъ вызывать нѣкоторыя затрудненія, если эти фантастическія предположенія признать за истину. Но я не позволю себѣ говорить, что есть дѣйствительныя противорѣчія между наукою и религіей; противорѣчія эти только кажущіяся. Истинная наука и истинная религія согласны другъ съ другомъ».

Физикъ лордъ Кельвинъ: «истинная религія и истинная наука вполнѣ гармонируютъ другъ съ другомъ».

Хирургъ Листеръ: «безъ колебаній скажу, что, по моему мнѣнію, антагонизма между религіей Іисуса Христа и какимъ бы то ни было научнымъ фактомъ нѣтъ».

Физикъ лордъ Рэйлей: «по моему мнѣнію, истинная наука и истинная религія не противорѣчатъ другъ другу, да и не могутъ быть противополагаемы».

Химикъ Вильямъ Рамзай: «по моему мнѣнію, нѣтъ дѣйствительнаго столкновенія между фактами науки и существенными ученіями христіанства».

Химикъ Вильямъ Круксъ: «я не вижу конфликта между установленными ученіями Священнаго Писанія, между научной истиной и религіей Іисуса Христа. Изъ цѣлаго сонма выдающихся мужей науки, придерживающихся того же мнѣнія, достаточно указать на такія имена, какъ Фарадей и Дж. Стоксъ».

Математикъ и физикъ П. Г. Тэтъ: «Предполагаемая несогласимость религіи и науки настолько часто и увѣренно провозглашалась за послѣднее время, что она стала считаться положеніемъ общепризнаннымъ у публицистовъ, и, разумѣется, пре-

подносится ими въ качествѣ завѣдомой истины своимъ черезчуръ довѣрчивымъ читателямъ. Но это предвзятое мнѣніе всецѣло ошибочно, настолько ошибочно, что ни одинъ настоящій ученый не рискуетъ, по крайней мѣрѣ въ Англіи, впасть въ эту ошибку».

Астрономъ, физикъ, «докторъ наукъ» Вильямъ Эбней: «Я занимаюсь науками и долженъ по совѣсти сказать, что не только нѣтъ вражды между Библіей и естествознаніемъ, но что мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука говоритъ намъ, что существуютъ извѣстные законы въ природѣ; тамъ же, гдѣ есть законы, тамъ долженъ быть и законодатель—Богъ. Изучающій естественныя науки, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкомъ, проникнутымъ благоговѣніемъ, такъ какъ эти науки вѣщаютъ намъ, сколь далеки мы отъ познанія такого Законодателя». «Ученіе о спасеніи не дается и не можетъ быть дано наукою; оно—дѣло вѣры, и, какъ таковое, лежитъ внѣ обнаруженій, доступныхъ наукѣ, но сомнѣваться въ истинности этого ученія, поскольку оно изложено въ повѣствованіи о немъ, настолько же невозможно, какъ и въ томъ, что Георгъ I жилъ и умеръ. Если есть Высшій Разумъ, чему, какъ я убѣжденъ, и учитъ наука, то тайна Искупленія не является большею тайною, чѣмъ другіе факты, которыхъ мы также объяснить не въ состояніи». «Если кто-либо утверждаетъ, что наука и религія противоположны, и что ученые irreligіозны потому только, что они ученые, то такое обобщенное утвержденіе ложно».

Хирургъ Э. Эриксенъ: «по моему мнѣнію, антагонизма между наукой и существенными ученіями Библіи, или между религіей Іисуса Христа и какимъ бы то ни было научно установленнымъ фактомъ нѣтъ».

Физикъ Оливеръ Лоджъ подробно рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи религіи и науки въ своемъ «Катехизисѣ», и вотъ что тамъ читаемъ: «Вопросъ: что же по вашему искреннему убѣжденію можетъ быть выведено изъ изученія повѣствованій и преданій прошлаго при освѣщеніи ихъ современнымъ знаніемъ?» Отвѣтъ. Вотъ что: «вѣрую въ Единое, Безконечное и Вѣчное Существо, въ любящаго Отца-Руководителя, въ которомъ все сущее имѣетъ основу своего бытія. Вѣрую въ то, что Божественная природа особымъ (спеціальнымъ) откровеніемъ раскрыла себя чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, жившаго и страдавшаго въ Палестинѣ 1900 лѣтъ тому назадъ, и которому съ тѣхъ

поръ христіанская церковь поклоняется, — какъ безсмертному Сыну Божію, Спасителю міра. Вѣрую, что человѣку предоставлено преимущество постигать Божественныя цѣли на землѣ и содѣйствовать имъ. Вѣрую, что молитва есть средство общенія человѣка съ Богомъ; что Духъ Святый всегда готовъ помочь намъ на пути нашихъ стремленій къ добру и истинѣ, и что безкорыстнымъ служеніемъ мы постепенно можемъ достигнуть жизни вѣчной, общенія со святыми и пріять миръ Божій». (Ср. вышеприведенное исповѣданіе вѣры Коши).

Біологъ Бэркъ: «Вопросъ о религіи глубокъ и благоговѣйно важенъ; наука же въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее пока знаемъ, и въ особенности примѣнительно къ проблемамъ жизни и духа, находится все еще въ младенчествѣ, такъ что я позволю себѣ замѣтить, что противорѣчія, будто бы обнаруживающіяся между истинами Откровенія, поскольку таковыя нами постижимы, и наукой могутъ, въ концѣ концовъ, оказаться только призрачными, а не дѣйствительными».

Д-ръ мед., патологъ и бактеріологъ Г. Лейтонъ: «Я не вѣрю въ то, что можетъ быть противорѣчіе между существенными ученіями христіанства и ученіемъ, вытекающимъ изъ фактовъ науки. Могли встрѣчаться, а иногда и бывали такіе пріемы выраженія истинъ христіанства и истинъ науки, которые поверхностнымъ наблюдателямъ могли казаться противорѣчившими другъ другу».

Зоологъ Джорджъ Карпентеръ: «Нѣтъ конфликта между основными ученіями христіанства и установленными научными фактами естествознанія, такъ какъ первыя посвящены человѣческому постиженію Бога чрезъ посредство Христа, а послѣдніе—человѣческому пониманію физической вселенной, часть которой по своему тѣлу есть и самъ человѣкъ, но надъ которой онъ можетъ возвышаться духовно. Предполагаемое столкновеніе возникло, благодаря склонности религіозныхъ людей догматически высказываться относительно тѣхъ физическихъ явленій, съ которыми, какъ имъ кажется, тѣсно связана религія, а съ другой стороны, благодаря склонности многихъ научныхъ мыслителей объяснять всѣ умственныя и духовныя явленія данными одной физики и біологіи».

Зоологъ Г. Макинтошъ: «По моему убѣжденію, конфликта между религіей и наукой быть не можетъ, такъ какъ онѣ обѣ—отъ Бога, а Онъ ошибаться не можетъ. Такъ называемыя

столкновенія только противорѣчія между теоріями теологовъ, незнакомыхъ съ наукой, и теоріями ученыхъ, не знающихъ религіи. Что есть ученые иррелигіозные, — это, къ несчастью, правда, но тотъ же фактъ констатируется и примѣнительно къ трудящимся и на другихъ путяхъ жизни. Есть и были люди науки, вѣрующіе настолько истинно, что тотъ, кто рѣшится утверждать противное, тѣмъ самымъ уличитъ себя въ грубомъ невѣжествѣ».

Анатомъ Вилльямъ Тернэръ: «Если кто-либо говоритъ намъ, будто современное знаніе и наука нашихъ дней противны религіи и христіанству, мы можемъ, по собственному опыту, засвидѣтельствовать, что это невѣрно».

Ботаникъ Д. Скоттъ: «Въ моей отрасли науки, въ ботаникѣ, предполагаемая несовмѣстимость науки съ богословіемъ нами не ощущается».

Ботаникъ и геологъ Джорджъ Боульджеръ: «Поскольку я убѣжденъ, что христіанская вѣра есть Божественное Откровеніе и что природа — созданіе Божественной Первопричины, постольку, разумѣется, для меня немыслима возможность столкновенія между ними». Вмѣстѣ съ тѣмъ Буольджеръ даетъ энергичный отпоръ обычной программной сплетнѣ соціалъ-демократовъ, будто духовенство (у нихъ — церковь) враждебно наукѣ и среди нихъ ученыхъ не бываетъ, перечисливъ нѣкоторыхъ изъ духовныхъ лицъ, съ извѣстными именами въ наукѣ.

Гинекологъ Джонъ В. Тэйлоръ: «ничего, кромѣ преходящаго столкновенія, между истинной религіей и истинной наукой быть не можетъ, потому что обѣ онѣ заняты исканіемъ истины: одна главнымъ образомъ имѣетъ дѣло съ истиной, касающейся этой жизни и этого міра; другая—преимущественно съ будущимъ. Факты, добытые изъ области здѣшняго міра нашимъ поколѣніемъ или даже многими поколѣніями, могутъ противорѣчить ученію христіанской религіи, но это еще никоимъ образомъ не доказываетъ ложности самого ученія: опытъ человѣка (или муравья)—почти ничто въ исторіи вселенной».

Хирургъ Генри Бутлинъ: «не нахожу ничего въ послѣднихъ открытіяхъ науки такого, что противорѣчило бы ученію Христа. И я увѣренъ, что таково же мнѣніе многихъ людей, пользующихся высокою научною репутаціею въ Англіи».

Физикъ, химикъ и философъ Г. Лангхгоръ Орчардъ:

«Я твердо убѣжденъ, что между установленными научными фактами и основными ученіями христіанства нѣтъ противорѣчія. Если кто-либо изъ ученыхъ расходится съ этимъ взглядомъ его, по моему сужденію, можно обвинять въ невѣжествѣ или въ томъ, что его заключенія основаны только на его личныхъ желаніяхъ».

Математикъ Г. Л а м б ъ: «Я не вижу основанія для несовмѣстимости науки съ религіей. Среди ученыхъ, какъ и среди другихъ людей, встрѣчаются всевозможные оттѣнки вѣры и агностицизма; но, насколько мнѣ довелось наблюдать, никто изъ настоящихъ ученыхъ не относится къ нападеніямъ на религію иначе, какъ съ величайшимъ отвращеніемъ».

Физикъ В и л ь б е р ф о р с ъ: «по моему мнѣнію, никакого дѣйствительнаго конфликта между фактами науки и основными ученіями христіанства».

Физикъ А. В. Р е й н о л ь д ъ: «въ результатѣ научныхъ изысканій послѣднихъ сорока лѣтъ я не вижу ничего такого, что заставило бы меня усомниться въ непосредственномъ откровеніи Бога людямъ; а христіанство основано на этой вѣрѣ».

Астрономъ Д о у н и н г ъ: «не вижу дѣйствительнаго противорѣчія между установленными фактами науки и основными ученіями христіанства».

Астрономъ Дж. Г о р ъ: «по моему мнѣнію, дѣйствительнаго антагонизма между установленными научными фактами и основными ученіями христіанства нѣтъ. Я вѣрю, что и религія, и законы науки исходятъ отъ одного и того же Всемогущаго Творца, въ Которомъ мы живемъ, движемся и имѣемъ бытіе свое».

Электротехникъ В. П р и с ъ: «Я никогда не встрѣчалъ ни одного факта, который противорѣчилъ бы ученіямъ христіанства. Нѣтъ противорѣчія между наукой и религіей; я считаю, наоборотъ, что наука и религія оказываютъ другъ другу помощь; но факты, относящіеся къ каждой изъ нихъ, должны быть изъясняемы умами разсудительными, а не ханжествующими софистами».

Натуралистъ В. Г о л л а н д ъ: «Между псевдо-наукой и религіей, точно такъ же между псевдо-теологіей и наукой, неизбѣжно существуетъ столкновеніе; но то, что въ наукѣ истинно и вѣрно, то не противорѣчитъ истинному и въ религіи. Истина, гдѣ бы и въ чемъ она ни встрѣчалась въ нашей вселенной, всюду гармонична въ своихъ проявленіяхъ. На мою долю, думается, выпало счастье имѣть широкое знакомство съ учеными всѣхъ странъ, и мнѣ хорошо извѣстно, что огромное большинство моихъ

знакомыхъ научнаго круга—люди благоговѣйные и благочестивые, не усматривающіе въ фактахъ науки ничего сталкивающагося съ ихъ вѣрою въ наличность Высшей Силы, ведущей насъ къ праведности, Силы, въ Которой мы живемъ, движемся и существуемъ. Пустою болтовнею считаю толки о конфликтѣ между наукой и религіей. Когда человѣкъ предается подобной болтовнѣ, я всегда увѣренъ—онъ или не понимаетъ, что такое наука, или же лишенъ пониманія основныхъ ученій истинной религіи».

Какъ извѣстно, подобной «болтовнѣ предается» Э. Геккель въ своихъ Міровыхъ загадкахъ, хромающій на обѣ стороны, а особенно по части пониманія «истинной религіи». Съ апломбомъ идола невѣжественной толпы Э. Геккель сообщаетъ ей о все усиливающемся къ настоящему времени, съ успѣхами наукъ, конфликтѣ религіи и науки: «Одна изъ характерныхъ чертъ ушедшаго въ вѣчность 19-го столѣтія—все растущій конфликтъ между наукой и христіанствомъ. Это фактъ вполнѣ естественный и неизбѣжный; по мѣрѣ того, какъ побѣдоносное шествіе современнаго естествознанія оставляетъ далеко позади себя научныя открытія всѣхъ прежнихъ столѣтій, выясняется вся несостоятельность тѣхъ мистическихъ теорій, которыя намѣревались впрячь разумъ человѣка въ ярмо такъ называемаго «откровенія» *). Сказано бойко, но дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе въ дѣйствительности-то, и Геккель здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, оказывается просто пустомелей. Джорджъ Карпентеръ: «нельзя отрицать того, что теперь между представителями науки съ одной стороны и религіи—съ другой замѣчается меньшій антагонизмъ, чѣмъ 20 или 30 лѣтъ тому назадъ».—Зоологъ и біологъ Фредъ Чарльзъ: «Я не могу представить себѣ возможности антагонизма между наукой и религіей. Религія, какъ я ее понимаю, есть признаніе человѣкомъ Бога; наука есть констатированіе матеріальныхъ фактовъ. Какъ можетъ быть антагонизмъ между Богомъ и твореніями рукъ Его, я не могу постигнуть. Совсѣмъ иное дѣло—теологія: несогласіе между теологіей и наукой, какъ и между различными системами теологіи, возможно... Моя концепція Бога, мое отношеніе къ Божеству только укрѣпляются и обогащаются

*) *Э. Геккель.* «Міровыя загадки. Общедоступные очерки монистической философіи». Спб., 1906, стр. 161—162 (гл. XVII: «Наука и христіанство»).

научными изысканіями. Что касается основныхъ ученій христіанства, то вѣка прогресса устанавливаютъ ихъ лишь прочнѣе повсюду, въ цѣломъ мірѣ. Несомнѣнно, нѣтъ никакого столкновенія между основными началами христіанства и доктринами науки» *).

Ботаникъ Альбертъ Вигандъ, извѣстный трехтомнымъ трудомъ противъ дарвинизма, оставилъ завѣщаніе, вслухъ прочитанное надъ его могилой при погребеніи. Оно начинается такъ: «Желаю, чтобы на моей могилѣ прочитали Апостольскій символъ и чтобы отъ моего имени было засвидѣтельствовано, что съ Божіей помощью я вѣровалъ во всѣ члены этого символа вѣры; что, несмотря на природный свой критическій и осторожный умъ, я ни въ жизни своей, ни въ области научной не подвергался сомнѣніямъ даже въ самомалѣйшей части христіанской вѣры, и что только въ этой вѣрѣ я находилъ разрѣшеніе всѣхъ загадокъ бытія и полное удовлетвореніе» *).

Ботаникъ Гееръ: «Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ познаніе природы, тѣмъ глубже становится и наше убѣжденіе, что только вѣра во Всемогущаго и Премудраго Творца, Создавшаго міръ по предвѣчному плану, можетъ разрѣшить загадки природы и человѣческой жизни. Поэтому не только сердце человѣческое возвѣщаетъ намъ о Богѣ, но и природа, и только когда мы съ этой точки зрѣнія будемъ разсматривать чудесную исторію нашей земли и ея растительнаго и животнаго міра, она явится намъ въ истинномъ свѣтѣ и доставитъ высочайшее удовольствіе» **).

М. В. Ломоносовъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой—Свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга—Священное Писаніе. Въ ней показано Создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ боговдохновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители». — «Наука и религія—суть

*) *Engel*, 36.
**) *Engel*, 46.

родныя сестры, дщери Всевышняго Родителя; онѣ никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. Напротивъ наука и вѣра взаимно дополняютъ и подкрѣпляютъ другъ друга». «Толкователи и проповѣдники Священнаго Писанія показываютъ путь къ добродѣтели, представляютъ награжденіе праведнымъ, наказаніе законопреступнымъ и благополучіе житія, съ волею Божіею согласнаго; астрономы открываютъ храмъ Божеской силы и великолѣпія, изыскиваютъ способы и ко временному нашему блаженству, соединенному съ благоговѣніемъ и благодареніемъ ко Всевышнему. Обои обще удостовѣряютъ насъ не токмо о бытіи Божіемъ, но и о несказанныхъ къ намъ Его благодѣяніяхъ» (Церк. Вѣд. 1911, № 46).

Физикъ Эрштедъ: «Всякое основательное знаніе природы ведетъ къ признанію Бога».

Ботаникъ Де-Кандоль: «Христіанская религія есть единственная изъ всѣхъ религій, которая путемъ своего благотворнаго вліянія на культуру вообще содѣйствовала также и процвѣтанію наукъ. Это—единственная религія, которая послужила особенно въ наше время родникомъ научнаго развитія и движенія, имѣющаго наиболѣе серьезное значеніе для науки».

Ходячимъ мнѣніемъ невѣрующихъ о враждѣ религіи и науки послѣдняя признается силою, разрушительною для религіи, держащейся пока невѣжествомъ и страхомъ. Но «въ наши дни исчезаетъ страхъ передъ громомъ, между тѣмъ какъ этотъ именно страхъ является очень существеннымъ факторомъ въ процессѣ формированія религій. Изобрѣвъ громоотводъ, Франклинъ сдѣлалъ неизмѣримо больше въ дѣлѣ разрушенія предразсудковъ, чѣмъ самая дѣятельная пропаганда» *). Такъ разсуждать изволитъ дѣятельный пропагандистъ атеизма М. Гюйо въ своей книгѣ «Безвѣріе будущаго», отдающій предпочтеніе простому громоотводу передъ этой своей книгой. Все-таки и въ такой пропагандѣ не слѣдовало бы брезговать логикой и фактами, какъ дѣлаетъ это Гюйо. Разрушительное дѣйствіе громоотвода для религіи какъ разъ опровергается однимъ только именемъ упоминаемаго здѣсь Франклина, извѣстнаго своею глубокою религіозностью; какъ же это столь разрушительная для вѣры вещь оказалась безвредною для самого ея изобрѣтателя?

*) *М. Гюйо.* «Безвѣріе будущаго. Соціологическое изслѣдованіе». Спб., 1908, стр. 135.

Ложныя мнѣнія обычно поддерживаются ложью и безцеремоннымъ обращеніемъ съ фактами. Но мы видимъ здѣсь еще нѣчто и другое. Громоотводъ не убилъ и не убиваетъ вѣры, но что вотъ разумъ самъ убиваетъ себя отступленіемъ отъ Истины и поражается за него скудоуміемъ, это мы видимъ здѣсь и на французскомъ проповѣдникѣ невѣрія М. Гюйо, книгѣ котораго «въ современной литературѣ по философіи религіи» русскіе почитатели его поспѣшили отвести «одно изъ первыхъ мѣстъ» (см. предисл. нѣкоего передового Д. Овсяніко-Куликовскаго *).

Заключимъ свидѣтельство вѣрующихъ ученыхъ о полномъ согласіи и взаимодѣйствіи религіи и науки вѣскимъ словомъ современнаго нѣмецкаго ботаника І. Рейнке: «на вопросъ, существуетъ ли между естествознаніемъ и религіей противорѣчіе, я могу кратко отвѣтить рѣшительнымъ: «нѣтъ!» Если будутъ заботиться о томъ, чтобы естествознаніе и религія всегда оставались въ своихъ границахъ, то между ними не можетъ быть столкновеній. Да и нѣтъ никакихъ основаній здѣсь къ нарушенію границъ съ обѣихъ сторонъ, какъ скоро мы ясно сознаемъ, что естествознаніе имѣетъ дѣло исключительно съ закономѣрностью явленій въ матеріальномъ мірѣ, а религія—съ нашимъ духовно-нравственнымъ существомъ». — Средніе вѣка, говоритъ Рейнке, ознаменовались гоненіемъ противъ науки отъ имени религіи. «Въ новѣйшее время мы переживаемъ обратное зрѣлище» гоненія на религію отъ имени науки со стороны нѣкоторыхъ людей, думающихъ при помощи науки «раскритиковать, осмѣять и унизить религію въ мнѣніи толпы, поколебать вѣру въ народѣ, ничего не давая ему взамѣнъ ея лучшаго съ своей стороны». Это, по мнѣнію почтеннаго ученаго, въ настоящемъ случаѣ заслуживаетъ самаго рѣзкаго порицанія,—не меньшаго, чѣмъ преслѣдованія инквизиціею ученыхъ, ей неудобныхъ. «Какъ мало основаній къ такимъ нападкамъ на религію, видно изъ того обстоятельства, что большинство великихъ и безпристрастныхъ ученыхъ отъ Коперника, Кеплера и Ньютона до Роберта Майера, Либиха и лорда Кельвина были глубоко и искренно вѣрующіе люди» **).

---

*) Болѣе близкій къ истинѣ отзывъ о книгѣ *Гюйо* «Безвѣріе будущаго» данъ въ моемъ соч. «Христіанское вѣрованіе въ апологетическомъ изложеніи». Кіевъ, 1912. Изд. 2. Т. II, стр. 444—450, 450—461.

**) Prof. *I. Reinke*. «Naturwissenschaftliche Vorträge». IV, 59—61.

Гл. VI. Библія и наука.

«Библія учитъ насъ не о томъ, какъ движется небо, а о томъ, какъ намъ взойти на небо».

Галилей.

«Библія и наука дополняютъ другъ друга».

Джемсъ-Бриттонъ Коунъ.

Самыя рѣшительныя доказательства противорѣчія христіанства и науки, обыкновенно, почерпаютъ въ первыхъ двухъ главахъ книги Бытія, содержащихъ въ себѣ исторію происхожденія міра и человѣка. Указаніемъ разногласій здѣсь Библіи съ геологіею, астрономіей и біологіей, какъ думаютъ, отрицается Библія, а съ нею христіанство вообще. Если бы и дѣйствительно правильно указывались разногласія Библіи съ наукой въ космогоніи, то и тогда нельзя было бы придавать имъ такого рѣшающаго значенія въ судьбахъ христіанской вѣры: этими разногласіями отрицается не Библія въ качествѣ богодухновеннаго или священнаго источника Божественнаго Откровенія, а то ложное, вульгарное воззрѣніе на Библію, которое считаетъ Библію боговдохновенною во всемъ ея составѣ отъ содержанія до словъ и буквъ включительно. По этому воззрѣнію Библія должна быть сводомъ всѣхъ знаній и служить непогрѣшимымъ руководствомъ не только въ области религіозно-нравственной, но и въ вопросахъ астрономіи, археологіи, исторіи, физики, геологіи и т. д. Распространеніемъ этого взгляда и на Моисееву космогонію неизбѣжно создается конфликтъ между наукою и Библіею и дается напрасный поводъ къ отрицанію и Библіи, и христіанства отъ имени науки. Напрасный,—ибо наукою богословскою достаточно разъяснена несостоятельность вербальной теоріи богодухновенности *). Какъ вездѣ, такъ и въ исторіи міротворенія Библія

*) См. моей книги «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи», т. I, стр. 60—61, 73, 77, 79—80, 80—81, 104 (Кіевъ, 1910. Изд. 3-е).

богодухновенна и безусловно непогрѣшима лишь тою своею, существенною въ ней, стороною, по которой она имѣетъ отношеніе къ вопросамъ религіи и нравственности, — своею религіозно-нравственною стороною. Здѣсь надо искать безусловно-цѣнныхъ для человѣчества, непреложныхъ истинъ и въ исторіи міротворенія, а не въ вопросахъ, рѣшаемыхъ естествознаніемъ. Безвозвратно прошло время и для вѣрующихъ христіанъ, когда Библія считалась руководствомъ и въ естественно-научныхъ вопросахъ. Приходится различать теперь въ Библіи существенное отъ несущественнаго, божественное зерно ея отъ человѣческой его скорлупы или оболочки. Водимые Духомъ Божіимъ, священные писатели передавали своему времени на языкѣ и въ воззрѣніяхъ своего времени то, что во всѣ времена необходимо знать человѣчеству о Богѣ, о себѣ самомъ, о мірѣ—для того, чтобы выполнять свое Божественное предназначеніе на землѣ и идти къ осуществленію его правильнымъ путемъ. Такого взгляда на библейскую космогонію и на Библію вообще держались и держатся и самые благочестивые изъ ученыхъ. «Это достойное порицанія злоупотребленіе Библіей», говорилъ еще Кеплеръ, «когда въ ней ищутъ отвѣтовъ на вопросы естествознанія о мірѣ». Въ этомъ своемъ взглядѣ на Библію ученый совпадаетъ съ представленнымъ здѣсь взглядомъ богословской науки, и надо замѣтить, что онъ очень распространенъ среди ученыхъ, особенно нашего времени.

Въ виду обычныхъ нападокъ на Библію отъ имени науки особенно важное значеніе пріобрѣтаетъ здѣсь голосъ о Библіи, раздающійся не въ средѣ, чуждой наукѣ, знающей о ней по слухамъ или по книжкамъ, часто плохимъ, но идущій отъ людей, создавшихъ науку. Въ своихъ мнѣніяхъ одни ученые высказываются о всей Библіи, другіе преимущественно о Новомъ Завѣтѣ, третьи о Моисеевой космогоніи. Мы приведемъ здѣсь всѣ эти мнѣнія безъ распредѣленія ихъ по рубрикамъ.

Выразивъ свое удивленіе предъ личностью Моисея не только какъ вождемъ народа и законодателемъ, но и какъ «ученымъ мыслителемъ», своею исторіею творенія предупредившимъ многія открытія современной науки и способствовавшимъ «прогрессу человѣческаго знанія», ботаникъ Рейнке въ своемъ сочиненіи «Міръ, какъ дѣло» посвящаетъ цѣлую главу сопоставленію библейской космогоніи съ научною съ благопріятными выводами для Библіи и, въ качествѣ классическаго примѣра такого же ува-

женія въ наукѣ къ библейской исторіи міротворенія, дѣлаетъ ссылку на одного изъ самыхъ выдающихся представителей естествознанія, какъ К. Э. фонъ-Бэръ. Въ «Studien» послѣдній пишетъ: «Нападки на Моисееву исторію творенія являются комическими анахронизмами, такъ какъ наука давно уже съ ними справилась. Если брать ихъ не по буквѣ, а по существу, то должно признаться, что болѣе возвышенной космогоніи мы не имѣемъ отъ древняго времени, да едва ли можетъ быть и дана намъ такая» *).

Въ открытомъ письмѣ проф. Ладенбургу, въ отвѣтъ на его рѣчь о противорѣчіи науки и религіи, ботаникъ Э. Деннертъ опровергаетъ Ладенбурга указаніемъ на противоположный взглядъ среди ученыхъ, представляющихъ въ совокупности громкихъ своихъ именъ саму науку въ лицахъ.

О первой книгѣ Библіи химикъ Бишоффъ говоритъ: «Не изъ строгаго изслѣдованія, не на пути наблюденія и опыта черпалъ знанія свои безсмертный авторъ Бытія. Онъ былъ приведенъ къ истинѣ другимъ источникомъ знанія,—Божественнымъ вдохновеніемъ».

Физикъ Біо говоритъ: «Или Моисей въ наукѣ былъ такъ же свѣдущъ, какъ наше столѣтіе, или онъ былъ просвѣщенъ Богомъ, писалъ по вдохновенію отъ Него».

А вотъ мнѣніе и собирателя благопріятныхъ отзывовъ въ наукѣ о библейской космогоніи, тоже ученаго ботаника Э. Деннерта. «Не считая нужнымъ подробно останавливаться на совпаденіи библейскаго повѣствованія о началѣ міра въ его деталяхъ съ современною наукою, я кратко указалъ бы только хоть на слѣдующіе пункты, которыми это повѣствованіе въ противоположность космогоническимъ сказаніямъ другихъ религій представляется именно въ свѣтѣ современныхъ научныхъ знаній въ высшей степени удивительнымъ, какъ сотвореніе свѣта прежде небесныхъ свѣтилъ, растеній — прежде солнца» и т. п. **).

Знаменитый среди геологовъ Квенштедтъ пишетъ: «Эта книга (книга Бытія) имѣетъ столь много истиннаго, что мы съ уваженіемъ къ наидревнѣйшей точкѣ зрѣнія осмѣливаемся

*) Prof. *I. Reinke*. «Die Welt, als That». Berlin, 1899, p.p. 470—483.

**) См. подр. Prof. *E. Dennert*. «Ist Gott tot? Gott—Welt—Mensch? Drei Kernfragen der Weltanschauung naturwissenschaftlich beleuchtet». Stuttgart, 1908, p.p. 116—118.

еще въ настоящее время утверждать: Моисей былъ великимъ геологомъ, откуда бы ни почерпнулъ онъ свои свѣдѣнія въ геологіи».

Другой геологъ Дж. Даусонъ: «Когда бы кѣмъ бы ни была сдѣлана попытка изобразить исторію міроздданія, попытка эта не можетъ представить чего-нибудь [illegible] высокаго и достойнаго, чѣмъ библейское повѣствованіе о твореніи».

Физикъ Амперъ говоритъ: «послѣдовательность, въ которой появляются органически образованныя существа, составляетъ точную послѣдовательность шести дней творенія, какъ представляетъ ее намъ книга Бытія. Или Моисей имѣлъ такое же глубокое образованіе въ наукахъ, какое существуетъ въ наше столѣтіе, или же онъ былъ просвѣщенъ Богомъ».

Математикъ и физикъ Эйлеръ находитъ, что Библія ничего не теряетъ отъ возраженій невѣрующихъ,—менѣе, чѣмъ геометрія, по отношенію къ которой тоже встрѣчаются возраженія. Если есть охотники возражать даже противъ геометріи, говоритъ Эйлеръ, «то по какому же праву невѣрующіе могутъ требовать, чтобы мы отвергнули тотчасъ и совсѣмъ Св. Писаніе вслѣдствіе возраженій противъ него, которыя при томъ чаще далеко не такъ важны, какъ тѣ, которыя дѣлаются противъ геометріи?»

Галилей признаетъ полную гармонію между сверхъестественнымъ Божественнымъ Откровеніемъ въ Библіи и естественнымъ откровеніемъ въ природѣ и абсолютную непогрѣшимость Библіи въ области религіозно-нравственной, возставая противъ буквальнаго пониманія ея тамъ, гдѣ оно ведетъ къ разногласію съ наукою. «Св. Писаніе никогда не можетъ погрѣшать или заблуждаться. Само Писаніе никогда не можетъ ошибаться, но его толкователи могутъ разнымъ способомъ ошибаться, потому что во многихъ мѣстахъ оно не только допускаетъ, но требуетъ толкованія, отступающаго отъ прямого буквальнаго смысла». Галилей протестуетъ противъ средневѣковаго взгляда на Библію, какъ на непогрѣшимое откровеніе въ вопросахъ естествознанія, видя цѣль Библіи въ указаніи пути къ блаженству и спасенію души: «Да позволено будетъ мнѣ сказать то, что я слышалъ отъ высокопоставленнаго представителя церкви (кардинала Баронія): по намѣренію Св. Духа Библія учитъ насъ не о томъ, какъ движется небо, а о томъ, какъ взойти на небо!»

Химикъ Роб. Бойль: «Въ сравненіи съ Библіею всякія

человѣческія книги, даже лучшія, все-таки лишь то же, что въ сравненіи съ солнцемъ планеты, которыя свой свѣтъ и блескъ заимствуютъ отъ солнца».

Врачъ, минералогъ, профессоръ естественной исторіи, извѣстный натурфилософъ шеллингіанскаго направленія Г. Шубертъ: «Слово Божіе и видимый міръ, сотворенный Словомъ, связаны, какъ душа и тѣло»... *).

Геологъ и минералогъ Джемсъ Дана свой учебникъ геологіи заканчиваетъ замѣчаніями о библейской исторіи творенія міра и находитъ, что она заключаетъ въ себѣ такъ много вѣрныхъ подробностей, которыхъ авторъ не могъ почерпнуть изъ науки своего времени, что ея происхожденіе можно объяснить только Божественнымъ вдохновеніемъ. Между Библіей и естествознаніемъ не можетъ быть противорѣчія, какъ между двумя книгами одного и того же автора. «Никакого дѣйствительнаго противорѣчія не можетъ быть между обѣими книгами Великаго Автора: въ той и другой содержится откровеніе, данное Имъ человѣку» **).

Ломоносовъ, такъ называющій Библію и природу двумя книгами одного и того же Автора, считаетъ невозможными дѣйствительныя противорѣчія между Библіей и наукой о природѣ; кажущіяся же противорѣчія могутъ быть, по его мнѣнію, примирены, если въ примиреніи вѣры и науки мы будемъ слѣдовать примѣру отцовъ и учителей Церкви, особенно Василія Великаго, «сего богомудраго святителя и глубокаго философа». Замѣчательно, что и Ломоносовъ, подобно Галилею, не раздѣлялъ традиціоннаго средневѣковаго воззрѣнія на Библію, какъ на сокровищницу всего человѣческаго знанія, въ томъ числѣ— естественнонаучнаго. «Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрять циркулемъ. Таковъ же богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можно астрономіи или химіи» (Изъ цтв. юбил. ст. Церк. Вѣдом. 1911, № 46).

Геологъ В. Даусонъ, много писавшій по вопросу объ отношеніи Библіи и науки, прекрасно выражаетъ мысль о полномъ согласіи Библіи съ наукою словами: «Есть скрытое Еван-

*) *O. Zöckler,* I, 309, 185, 187, 245; II, 203 (Эйлеръ, Галилей, Бойль, Шубертъ).

**) *K. Kneller,* 275, 276.

геліе въ природѣ; долго возвѣщалось оно въ ней, но большею частью предъ глухими ушами, такъ что потребовались безконечная мудрость и любовь Христа, чтобы объяснить намъ его. Безъ сомнѣнія, и это Евангеліе (природы), какъ Евангеліе самого христіанства, искажено поборниками лженаучнаго знанія, но для неповрежденныхъ умовъ объясненіе Христа остается наилучшимъ и изъ всѣхъ болѣе удовлетворительнымъ для ума и сердца» *).

Геологъ и минералогъ Джемсъ Гейки признаетъ богодухновенность Библіи, но какъ Кеплеръ, Галилей, Рейнке, Ломоносовъ, какъ большинство ученыхъ, держится вышеизложенной органической теоріи ограниченной богодухновенности, принятой богословскою наукою: «Многія положенія священнаго повѣствованія относительно міра естественныхъ явленій не согласны съ дѣйствительными фактами, и это уже давно признано. Нѣкоторые апологеты старались привести упомянутыя положенія въ согласіе съ научными изысканіями при помощи такихъ истолкованій словъ Писанія, которыя, по меньшей мѣрѣ, натянуты и неубѣдительны. Эти благонамѣренные люди, по моему скромному мнѣнію, приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы. Несомнѣнно, должно быть очевиднымъ, что цѣль и объектъ Св. Писанія, въ его цѣломъ,—наученіе насъ не естествознанію, а религіи. Къ Библіи мы обращаемся не съ желаніемъ научиться астрономіи, геологіи или химіи. Самъ міръ есть библія природы, откровеніе намъ Бога, какъ Творца. Смиренно и благоговѣйно изучая дѣла природы, мы получимъ возможность постигнуть кое-что и изъ всемогущей силы Великаго Промыслителя. И какъ Богъ, Творецъ видимой вселенной, открываетъ Себя черезъ природу, такъ и Богъ, Божественный Творецъ и Правитель невидимаго, раскрываетъ намъ Себя въ Библіи и въ житіяхъ и писаніяхъ великихъ мыслителей».

Физикъ и астропомъ В. Эбней: «Я занимаюсь науками и долженъ, по совѣсти, сказать, что не только нѣтъ вражды между Библіей и естествознаніемъ, но что мы имѣемъ дѣло какъ разъ съ обратнымъ явленіемъ. Наука говоритъ намъ, что существуютъ извѣстные законы въ природѣ; тамъ же, гдѣ есть законы, тамъ долженъ быть и законодатель—Богъ. Изучающій естественныя науки, во всякомъ случаѣ, долженъ быть человѣкомъ, проник-

*) *K. Kneller*, 276—277.

нутымъ благоговѣніемъ, такъ какъ эти науки вѣщаютъ намъ, сколь далеки мы отъ познанія такого Законодателя».

Геологъ Эдуардъ Холль: «такъ какъ Библія была писана не съ цѣлью научить людей естественной исторіи и физическимъ наукамъ, а предназначалась первоначально для жителей восточныхъ странъ, незнакомыхъ съ результатами современныхъ изслѣдованій, то и языкъ ея, при изложеніи предметовъ естественнаго знанія, таковъ, какимъ онъ и долженъ быть, чтобы согласоваться съ понятіями, свойственными тѣмъ, къ кому обращена рѣчь. Достигнуть такихъ результатовъ современныхъ изслѣдованій было предоставлено человѣческому разуму и опыту послѣдующихъ вѣковъ. Библія и наука, слѣдовательно, движутся по параллельнымъ линіямъ. Предметы, доступные разслѣдованію человѣческаго разума, предоставлены его вѣдѣнію, тогда какъ Библія трактуетъ нравственныя и духовныя стороны человѣческой природы, которыхъ разумъ не въ состояніи раскрыть безъ посторонней помощи. Что же касается истинности и достовѣрности историческихъ книгъ Священнаго Писанія, то ежедневныя открытія клонятся къ подтвержденію ихъ. Недавнія изслѣдованія въ Египтѣ, Палестинѣ и др. восточныхъ странахъ показали, до какой степени, даже въ мелкихъ подробностяхъ, документы Ветхаго Завѣта могутъ быть принимаемы съ глубокимъ довѣріемъ. Осуществленіе ветхо-завѣтныхъ пророчествъ въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, пророчествъ, изреченныхъ за цѣлые вѣка до Его явленія, такъ же, какъ и тѣхъ пророчествъ, что относятся къ судьбамъ націй, въ особенности еврейской,— убѣдительное доказательство того, что эти пророчества были произносимы подъ вліяніемъ Божественнаго вдохновенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ высоконравственное ученіе Библіи несовмѣстимо съ мыслью, что пророчества могли исходить отъ прибѣгавшихъ къ обману. Ученіе Господа нашего и Его апостоловъ въ самомъ себѣ носитъ отпечатокъ божественной истины».

Анатомъ и зоологъ А. Мэкелистеръ: «По моему мнѣнію, конфликта между наукой и нравственными и духовными ученіями Библіи нѣтъ. Я думаю, что мой взглядъ раздѣляется многими людьми, посвятившими всю жизнь свою научнымъ изслѣдованіямъ».

Ботаникъ Вилльямъ Каррутерсъ: «Я не знаю ни одного научнаго факта, противорѣчащаго Библіи, правильно понятой. Наши календари говорятъ намъ о томъ, что солнце вос-

ходитъ въ опредѣленное время; каждый знаетъ, что это, съ научной точки зрѣнія,—ошибка; но это все же—единственный способъ дать людямъ понять, что это значитъ. И вотъ, примѣняя подобный же пріемъ (и при томъ по необходимости, ибо, при иномъ, строгонаучномъ способѣ выраженія, Библія оказалась бы непонятною для большинства), Библія, насколько я смыслю, не содержитъ въ себѣ научныхъ ошибокъ».

Психіатръ и невролог Джемсъ-Кричтонъ-Броунъ: «Библія—не ученый трактатъ, точно такъ же, какъ и наука—не религіозное откровеніе, и поэтому вполнѣ понятно, что тамъ, гдѣ обѣ выходятъ за свои, свойственныя имъ и строго очерченныя области, онѣ какъ будто противорѣчатъ другъ другу. Если въ Библіи, при изложеніи ею космогоніи по Моисею, есть техническія неправильности, то, въ свою очередь, и наука не менѣе виновна въ своихъ узкихъ истолкованіяхъ глубочайшихъ запросовъ и высшихъ упованій и стремленій человѣческаго сердца. Библія и наука, я полагаю, дополняютъ другъ друга, и каковы бы ни были ихъ поверхностныя расхожденія, все же сами онѣ остаются въ глубокомъ согласіи и обѣ являются обнаруженіемъ Божественнаго Начала, раскрывающаго себя не сразу, не во всей полнотѣ, но понемногу и постепенно, подобно тому, какъ ночная тьма смѣняется сначала зарею, а потомъ уже полнымъ дневнымъ свѣтомъ. Къ несчастью,—правда, что нѣкоторые ученые, способные и честные, но погруженные въ изученіе матеріальныхъ предметовъ, отрицали боговдохновенность Писаній и даже ихъ право на разумное разсмотрѣніе или же сознавались въ своей неспособности составить какое бы то ни было мнѣніе по религіознымъ вопросамъ; но великіе учители науки большею частью были истинно-благочестивы и полны вѣры».

Зоологъ Генри Макинтошъ: «Чѣмъ больше я изучаю Библію, основу истинной религіи, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ ея Божественномъ происхожденіи и авторитетности; и чѣмъ пристальнѣе изучаю я ту часть творенія, съ которой моя профессія приводитъ меня въ наибольшее соприкосновеніе, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь въ томъ, что твореніе можетъ быть объяснено только путемъ признанія разумнаго Творца, превосходящаго въ безконечной степени рѣшительно все, намъ извѣстное. Познаніе разума и природы Автора Библіи и Творца системы міра, познаніе, которое можетъ быть достигнуто только правильнымъ

изученіемъ того и другого, не оставляетъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что оба произведенія Бога должны быть въ полной гармоніи, и что несогласія, намъ нынѣ въ нихъ представляющіяся,—результатъ нашего невѣжества; они исчезнутъ по мѣрѣ того, какъ мы научимся мыслить болѣе точно. По моему убѣжденію, конфликта между религіей и наукой быть не можетъ, такъ какъ онѣ обѣ—отъ Бога, а Онъ ошибаться не можетъ. Такъ называемыя столкновенія только противорѣчія между теоріями теологовъ, незнакомыхъ съ наукой, и теоріями ученыхъ, не знающихъ религіи».

Анатомъ и патологъ Г. Симсъ Будхэдъ: «Что касается утвержденія, будто недавнія научныя изслѣдованія показали, что Библія и религія—ложны, то нѣтъ ничего болѣе далекаго отъ фактической дѣйствительности, какъ это положеніе: чѣмъ больше изучаютъ Библію, тѣмъ больше находятъ, что она состоитъ изъ документовъ историческихъ. Мало того, признано, что Библія, какъ повѣсть о бывшемъ, никогда не оказывалась неправой передъ судомъ науки въ поискахъ истины со стороны послѣдней; умы, дѣйствительно научные, слишкомъ вѣрны себѣ для того, чтобы останавливаться передъ принятіемъ истины, какова бы она ни была».

Гинекологъ Джемсъ Тэйлоръ находитъ ложнымъ мнѣніе, будто бы наука доказала заблужденія Библіи: «научныя изысканія неоднократно подтверждали истину главныхъ фактовъ библейскаго повѣствованія; но настаивать на буквальной точности каждаго его положенія мы, я думаю, уже не можемъ. Чего же, однако, должны мы придерживаться, какъ христіане? — Первоначальной апостольской вѣры, изложенной въ Апостольскомъ и Никейскомъ символахъ и ясно предзнаменованной въ 15-й главѣ 1-го Посланія къ Коринеянамъ. Она была написана лѣтъ тридцать послѣ распятія Господа нашего и была воспринята ап. Павломъ немедленно послѣ его обращенія».

Профессоръ философіи, физикъ и химикъ Г. Лангхорнъ Орчардъ: «Чѣмъ дольше я живу, тѣмъ больше встрѣчаю доказательствъ полнаго согласія между Библіей и наукой. Въ особенности умножились и умножаются въ наши дни археологическія доказательства, какъ непрерывное поясненіе истины Св. Писанія. Библія не только находится въ согласіи съ установленными выводами науки; она содержитъ даже замѣчательныя предваренія такихъ научныхъ истинъ, которыя сдѣлались извѣстны

ченымъ лишь значительно позднѣе: таковы, напримѣръ, научныя открытія въ книгѣ Іова, XXVI, 7».

Профессоръ экспериментальной психологіи В. Трифтъ: «Я не думаю, чтобы Библія предназначалась для наученія насъ астрономіи, геологіи или физикѣ, и не считаю, съ другой стороны, страннымъ, если она отражала въ себѣ кое-что изъ тѣхъ взглядовъ на относящіеся къ этимъ наукамъ вопросы,—взглядовъ, которые были распространены въ дни, когда составлялись эти писанія; наоборотъ, было бы странно, если бы оказалось, въ данномъ случаѣ, иначе».

Астрономъ Давидъ Джилль: увѣреніе невѣрующихъ, будто Библія и наука ложны, есть «ни на чемъ необоснованный вздоръ. Обратите лучше вниманіе на противоположныя свидѣтельства, многократно высказывавшіяся нашими величайшими знаменитостями, напримѣръ, лордомъ Кельвиномъ и Джорджемъ Стоксомъ. Есть, впрочемъ, люди, которые черезчуръ развязно пытаются использовать поэтическія сравненія Библіи, словно она—какой-то научный трактатъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ».

Астрономъ Саундерсъ: «есть нѣкоторые научные факты, почитаемые нами въ настоящее время за солидно установленные и которые расходятся съ нѣкоторыми положеніями Библіи; но эти положенія никоимъ образомъ не затрогиваютъ вѣры: если бы они были изложены въ формѣ, соотвѣтствующей нашему современному знанію, они были бы непонятными для того времени, когда они были записаны, и вполнѣ возможно, что для будущихъ поколѣній они казались бы настолько же неточными, насколько кажутся намъ теперь неточными эти положенія въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ. Нѣтъ конца научному знанію, и Библія не предназначена учить насъ тому, что можетъ быть открыто нашимъ собственнымъ разумомъ».

Химикъ Эдуардъ Дайверсъ: «За исключеніемъ сферы такъ называемаго «общедоступнаго» знанія, научное изслѣдованіе, насколько мнѣ извѣстно, никогда не дерзало показать, и еще менѣе удавалось ему доказать ложность Библіи. Врядъ ли найдется хотя бы одинъ выдающійся ученый, который позволилъ бы себѣ такъ выражаться о Библіи».

Химикъ А. Броунъ: «Я не думаю, чтобы какія-либо научныя или историческія изслѣдованія могли смутить человѣка, нашедшаго въ Библіи все, намъ необходимое».

Электротехникъ Джонъ Флемингъ: «Безусловно невѣрно, будто научныя изслѣдованія показали, что Библія и религія несогласны съ истиной; наоборотъ, историческія и археологическія изысканія подтвердили изумительнѣйшимъ образомъ общую истину библейскаго повѣствованія. При свѣтѣ современной критики оказалось нужнымъ измѣнить прежніе взгляды на буквальную боговдохновенность Библіи, распространяющуюся будто бы на всѣ ея части; но это ничуть не подорвало прочныхъ основаній убѣжденія въ томъ, что въ Библіи, взятой въ ея совокупности, мы имѣемъ трудъ, вѣрнѣе сказать,—цѣлую литературу, которую невозможно признать за произведеніе одного только человѣческаго разума» *).

Такъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ о Библіи и наукѣ на верхахъ науки, но въ средѣ, далекой отъ науки, особенно невѣрующей, вошло въ правило иное, пренебрежительное отношеніе къ библейской исторіи творенія міра и къ Библіи вообще. Здѣсь мы то и дѣло наталкиваемся на такія сообщенія о библейской исторіи творенія міра, въ которыхъ она оказывается «старою и наивною сказкою», «слишкомъ наивною, чтобы входить въ ея критику» (Проф. А. Н. Гиляровъ. «Введеніе въ философію». Кіевъ 1907, стр. 82 и 159—160). Но мы теперь уже знаемъ, что не библейская исторія творенія, а подобныя сообщенія о ней должны быть названы вымысломъ и сказкою, которымъ могутъ поддаваться лишь легковѣрные недоучки и младенцы въ наукѣ.

Гл. VII. Чудо и наука.

«Невозможно возражать разумно противъ чудесъ».

Паскаль.

Христіанство есть сверхъестественное откровеніе Бога міру, «многократно и многообразно говорившаго издревле отцамъ въ пророкахъ, въ послѣдніе же дни говорившаго намъ въ Сынѣ» (Евр. I. 1—2); поэтому кто отрицаетъ чудо, тотъ отрицаетъ христіанство. Но отрицать чудо значитъ отрицать и ре-

*) *Табрумъ*, 22, 21, 28—29, 30, 34, 39—40, 81—82, 88—89, 103, 107—108, 114, 115, 121, 125, 126, 130 (Гейки, Эбней, Холль, Мэкалистеръ, Каррутерсъ, Кричтонъ-Броунъ, Макинтошъ, Симсъ Вудхэдъ, Тэйлоръ, Орчардъ, Трифтъ, Джиль, Саундерсъ, Дайверсъ, А. Броунъ, Флемингъ).

лигію вообще и при томъ — въ самомъ корнѣ, въ одной изъ основныхъ ея истинъ. Такою истиною во всякой религіи наряду съ истинами бытія Бога и безсмертія души является возможность непосредственнаго откровенія при проявленіи Божества въ мірѣ, т. е., возможность чуда. Религія невозможна безъ молитвы, но молитва сама по себѣ есть требованіе чуда.

И вотъ отъ имени науки насъ увѣряютъ, что наукою опровергнута возможность чуда, такъ что вѣра въ чудеса становится суевѣріемъ, которое надо бросить. Для непосредственнаго дѣйствія Бога или для чуда нѣтъ, говорятъ, мѣста во вселенной: здѣсь все управляется и безъ остатка объясняется дѣйствіемъ законовъ природы. Чудеса, такимъ образомъ, отрицаются закономѣрностью явленій природы: чудеса прежде всего ненужны. Но они также и невозможны: чудесами или «вмѣшательствомъ» Бога въ естественное теченіе явленій въ природѣ нарушались бы, говорятъ, законы природы, ея закономѣрный строй. Вотъ главное, къ чему сводятся всѣ возраженія противъ чуда съ «научной» точки зрѣнія.

Однако, возраженія эти основаны на недоразумѣніи и вызываются неясностью и неточностью понятій невѣрующихъ о чудѣ и о законахъ природы, короче—незнакомствомъ ихъ съ ученіемъ христіанства, ими отвергаемымъ. По христіанскому ученію то, что мы называемъ законами природы, въ сущности и есть не что иное, какъ выраженіе разумной воли Творца, способъ божественнаго міроправленія. Неодушевленная и неразумная матерія не можетъ ни сама себѣ дать законовъ, ни опредѣлить взаимное отношеніе силъ и явленій природы. Законъ есть выраженіе воли Верховнаго Законодателя, или, въ другой формулѣ, законы природы—это не что иное, какъ тѣ предопредѣленныя Богомъ положенія или нормы, въ которыя поставлены и поставляются силы природы, и слѣдуя которымъ неизмѣнно, онѣ всегда производятъ одни и тѣ же слѣдствія. Такимъ понятіемъ о законахъ природы предполагается неизмѣнность и неразрушимость естественнаго порядка въ природѣ или ея законовъ, установленныхъ Творцомъ, ихъ неприкосновенность. Если Законодатель вселенной есть высочайшее разумное Существо, то этимъ необходимо предполагается, что данные Имъ законы будутъ постоянными и неизмѣнными, и что Онъ будетъ править міромъ при помощи тѣхъ самыхъ законовъ, которые Имъ даны, не отмѣняя ихъ. Такимъ образомъ Промыслъ Божій мы предста-

вляемъ не въ видѣ какихъ-либо временныхъ и случайныхъ вторженій высшей Силы въ естественное теченіе вещей, но какъ постепенное и планомѣрное осуществленіе разумной цѣли міра при помощи его силъ и законовъ какъ извѣстныхъ, такъ и невѣдомыхъ наукѣ.

Истинной наукѣ совершенно нечего возражать противъ христіанскаго ученія объ отношеніи Бога къ міру или о чудѣ, какъ закономѣрномъ откровеніи Бога въ мірѣ. И дѣйствительно, всѣ высказанныя здѣсь мысли, находятъ себѣ полное признаніе и въ средѣ представителей точной науки съ самыми извѣстными и почетными въ ней именами. Отъ нихъ также мы узнаемъ, что научныхъ основаній для отрицанія чуда не существуетъ. Чудеса отрицаются большею частью невѣрующими учеными изъ матеріалистовъ, желающими оправдать свое невѣріе именемъ науки. Еще чудеса отрицаются непослѣдовательными въ ученіи о мірѣ деистами, которые считаютъ Бога только Творцомъ міра, но не Промыслителемъ его, а міръ представляютъ автономною и непроницаемою для Верховной Силы системою явленій, сохраняющею себя и управляемою данными ей отъ Бога законами,— самодѣйствующею машиною на подобіе вѣчныхъ часовъ, разъ заведенныхъ вначалѣ и потомъ не требующихъ завода и починокъ.

Но не только правильнымъ понятіемъ о Богѣ и мірѣ, но и таковымъ же понятіемъ о причинности или законахъ природы, по разъясненію ученыхъ, открывается мѣсто непосредственному дѣйствію Бога въ природѣ и человѣческой жизни, или чуду. Наука не только не отрицаетъ возможности чуда, но «при болѣе глубокомъ изслѣдованіи дѣла не можетъ обойтись безъ понятія о Верховной Разумной Силѣ, всегда дѣйствующей въ самомъ механизмѣ вселенной», какъ говоритъ извѣстный англійскій физіологъ К а р п е н т е р ъ. По прекрасному сравненію этого ученаго «всѣ силы природы это—безсознательные слуги Премудраго и Всемогущаго Владыки», которые «исполняютъ повелѣнія Его подобно дисциплинированнымъ членамъ большого дома, въ которомъ всякій знаетъ свое дѣло и дѣлаетъ его». Для посторонняго и случайнаго наблюдателя совершеннѣйшая гармонія въ дѣйствіи ихъ, конечно, могла бы представляться удивительнымъ дѣломъ случая или простой дрессировки, но въ дѣйствительности она есть невидимое дѣйствіе единой направляющей воли. Мнѣніе о взаимно исключающемъ другъ друга антагонизмѣ

законовъ природы, открываемыхъ наукою и волею Виновника природы, проявляющеюся въ самыхъ законахъ природы, можетъ происходить лишь или отъ недостойнаго Бога понятія о Немъ, какъ о деспотическомъ и капризномъ Владыкѣ, или отъ неправильнаго понятія объ истинныхъ задачахъ науки *). «Я не знаю, говоритъ Карпентеръ, ни одного сколько-нибудь основательнаго возраженія противъ чудесъ, которое могло бы препятствовать мнѣ признать ихъ фактами, когда представляется мнѣ достовѣрное доказательство ихъ дѣйствительности».

Утвержденіе о невозможности чудесъ отъ имени науки считаетъ совершенно ненаучнымъ Гексли, говоря, что «возраженія противъ чудесъ могутъ быть сдѣланы не на основаніи какихъ-нибудь вѣскихъ соображеній» (напр., о противорѣчіи ихъ законамъ природы), а лишь на основаніи, какъ думается ему, недостаточности фактическаго удостовѣренія или доказательствъ тѣхъ или иныхъ чудесъ».

Сама логика говоритъ о чудесахъ устами творца индуктивной логики и такого строгаго мыслителя, какъ Дж. Ст. Миллъ въ его «Essays on Religion»: «мы не можемъ безусловно утверждать, что возможность чудесъ слѣдуетъ рѣшительно отвергнуть. Если вы допускаете бытіе Бога, то вы должны считаться, какъ съ серьезной возможностью, съ совершеніемъ того или иного дѣйствія силою Его непосредственной воли».

Селли Прюдомъ прекрасно и наглядно показываетъ, что механическою причинностью явленій не исключается мѣсто для высшей причинности въ природѣ или непосредственному дѣйствію въ ней Бога. «Предположимъ, говоритъ Селли Прюдомъ, что на бильярдѣ шары были приведены въ движеніе игрокомъ и что среди микробовъ, скрывающихся на ворсѣ сукна, есть такіе, которые одарены умомъ и стараются изслѣдовать и объяснить себѣ окружающую ихъ среду; предположимъ, что, кромѣ того, ударъ кія предшествовалъ ихъ появленію и что со своими способами изслѣдованія они не могутъ выйти далѣе окружности бильярда и уровня бортовъ его. Быстрота и направленія, придаваемыя шарамъ, встрѣчи такихъ огромныхъ тѣлъ покажутся имъ подчиненными опредѣленнымъ законамъ и они будутъ, пожалуй, изучать и формулировать законы удара и отраженій угла, допуская при этомъ возможность въ будущемъ

*) *W. Carpenter.* «Principles o Mental Physiology». London. 1876, p.p. 699, 700, 704.

объясненія необъяснимыхъ явленій въ настоящемъ состояніи науки, съ ея прогрессомъ. Словомъ, для этихъ умныхъ микробовъ все будетъ происходить, какъ если бы инициатива игрока, приготовленіе удара по его мысли, его рѣшеніе, накопецъ, приведенное въ исполненіе его рукой съ билліардпымъ кіемъ не существовали, но въ дѣйствительности-то все не такъ происходитъ; они дадутъ только теорію чисто механическую, т. е. положительную науку карамболя. Останется, чтобы объяснить явленія сполна, сдѣлать изъ нея метафизику,—показать, кто устроилъ билліардъ, соткалъ сукно, привелъ въ движеніе шары и по предварительному особому обсужденію намѣтилъ для каждаго изъ нихъ цѣль, мѣсто на билліардѣ. Научная работа этихъ детерминистовъ-крошекъ была бы одновременно и безупречна, и недостаточна» *).

Знаменитый изобрѣтатель счетной машины, англійскій математикъ Чарльзъ Баббиджъ при помощи ея далъ замѣчательное вычисленіе вѣроятности чудесъ или отступленій отъ законовъ природы, полагаю, — извѣстное всѣмъ, занимающимся высшей математикой. (Но общедоступное описаніе счетной машины и способа ея апологетическаго примѣненія къ научному доказательству возможности чудесъ см. въ моемъ Указателѣ апологетической литературы № 154, р. р. 9—13).

Научному обоснованію возможности чуда съ точки зрѣнія правильнаго понятія о причинности посвящаетъ нѣсколько въ высшей степени цѣнныхъ страницъ нѣмецкій ботаникъ проф. I. Reinke. Онъ наглядно показываетъ безсмысленность отрицанія мѣста для Бога и чуда въ мірѣ на томъ основаніи, что механизмъ міра или міръ въ своей механической причинности достаточно объясняется наукою вторичными причинами безъ причинъ конечныхъ. Отрицать чудо на этомъ основаніи значило бы, напр., утверждать, что карманные часы сдѣлались сами собою безъ мастера, потому что механизмъ часовъ намъ ясенъ и причины движенія стрѣлокъ понятны. Съ такою же наглядностью на томъ же примѣрѣ часовъ проф. Рейнке показываетъ нелѣпость вульгарнаго мнѣнія, что чудесами отрицаются законы природы, потому что въ чудесахъ намъ не видно участіе естественныхъ силъ и законовъ природы. Конечно, въ чудесахъ или дѣйствіяхъ Бога въ природѣ открываются явленія но-

*) *Sully Prudhomme.* «Problème de causes finales».

наго порядка, непаблюдаемыя въ природѣ, непроизводимыя дѣйствіемъ естественныхъ силъ и законовъ природы. Но вѣдь и наши человѣческія машины, напр., пароходы, часы, телефоны, телеграфы и т. п. находятся въ такомъ же отношеніи къ природѣ; но «слѣдуетъ ли отсюда, что въ машинахъ дѣйствуютъ иныя силы, чѣмъ внѣ ихъ? Конечно—нѣтъ! Точно также слѣдуетъ ли отсюда, что въ машинахъ совершается отступленіе отъ законовъ природы, нарушеніе ихъ? Нисколько. Въ машинахъ дѣйствуютъ точно тѣ же законы природы, какъ и внѣ ихъ, о какомъ-либо нарушеніи ихъ не можетъ быть рѣчи. Здѣсь эти силы природы покорены только разумной волѣ изобрѣтателя и мастера, и разумомъ его указаны для нихъ опредѣленное направленіе и путь дѣйствія къ напередъ предназначенной имъ у м о м ъ и осуществляемой машиною цѣли». Такъ и Богъ или міровой Разумъ можетъ дѣйствовать во вселенной, въ границахъ законовъ природы и при посредствѣ естественныхъ силъ; законы природы суть Его собственные законы, это—воины, которыми Онъ распоряжается, какъ полководецъ, или какъ строитель машины распоряжается механическими силами и свойствами металловъ. «Если бы нужно было самое наглядное чувственное сравненіе (для уясненія отношеній Мирового Разума къ природѣ), говоритъ Рейнке, то Міровой Разумъ слѣдовало бы представлять Невидимымъ часовщикомъ... Какъ Уаттъ и Эдиссонъ не нарушили ни одного закона природы своими удивительными изобрѣтеніями, такъ подобно этому нарушенія законовъ не было, когда Верховный Разумъ вызвалъ къ бытію растенія и животныхъ. Міровой Разумъ дѣйствуетъ въ строгихъ границахъ причинности, Онъ есть сама Высшая Причинность, Верховная Причина или начало жизни во вселенной, какъ бы ни былъ удивителенъ и непонятенъ намъ здѣсь способъ Его дѣйствія» *).

Указывая въ природѣ откровеніе Бога, наука, по мнѣнію проф. I. Reinke, къ этому присоединяетъ еще непоколебимое положеніе о дѣйствіи Промысла къ природѣ: «Богъ управляетъ природою черезъ саму же природу, и ея законы суть Его законы. Когда мы видимъ, какъ видоизмѣняется механическая связь явленій въ природѣ вмѣшательствомъ разумной человѣче-

*) Prof. *I. Reinke*. «Die Welt, als That. Umrisse einer Weltansicht auf naturwissenschaftlicher Grundlange». Berlin, 1899, p.p. 260, 262, 289—290, 459.

ской воли безъ всякаго нарушенія при этомъ законовъ природы, то никакого затрудненія уже не представляется для насъ допустить это же самое лишь въ неизмѣримо большей мѣрѣ по отношеніи къ безконечно разумной и всемогущей волѣ Бога». «Природа тысячью способовъ и съ достаточною ясностью свидѣтельствуетъ о дѣйствіи въ ней Провидѣнія; это—истина ясная для безпристрастнаго ума и научно обоснованная... Я утверждаю: идея Бога нигдѣ не противорѣчитъ всеобщимъ законамъ природы, но скорѣе требуется ими. Идея о Богѣ необходимо требуется уже самымъ бытіемъ органической природы, включая сюда человѣка. Законы природы—это мысли Бога, а силы—это проявленіе Божественной дѣятельности въ ней... Поэтому закономѣрное дѣйствіе силъ въ природѣ есть откровеніе Бога въ природѣ» *).

Научному обоснованію возможности чуда путемъ анализа понятія причинности особенно много удѣлилъ вниманія еще извѣстный англійскій зоологъ Р о м е н с ъ, другъ Дарвина, въ знаменитыхъ своихъ «Мысляхъ о религіи» **). Конфликтъ между религіей и наукою въ вопросѣ о чудѣ, по убѣжденію Ромэнса, порождается существованіемъ одного «въ высокой степени сомнительнаго» предположенія, принятаго обѣими сторонами за истину. Обыкновенно, богословы и ученые согласны въ признаніи того, что Богъ, если даже Онъ существуетъ, не дѣйствуетъ непосредственно въ природѣ въ ея механической причинности, что все въ естественномъ теченіи явленій природы, другими словами, совершается дѣйствіемъ естественныхъ силъ и законовъ природы безъ непосредственнаго участія Божества. «То или иное явленіе обыкновенно уже не приписывается Богу, какъ скоро оно объяснено естественными причинами. Обѣими сторонами различіе между е с т е с т в е н н ы м ъ и с в е р х ъ е с т е с т в е н н ы м ъ навсегда признано неоспоримо правильнымъ и только на почвѣ этого согласія въ столь капитальномъ положеніи стала возможна постоянная борьба религіи и науки съ излишними для религіи пораженіями въ прошломъ и возможными пораженіями въ будущемъ», пока не будетъ оставлено вѣрующими это различіе въ природѣ естественнаго и сверхъ-

*) Prof. *I. Reinke*. «Wissenschaftliche Vorträge für Gebildeten». Heibronn. 1908. Hf. II, p.p. 32, 75, 75—76, 73, 38—39, 47—48.

**) *G. I. Romanes*. «Gedanken über Religion». Uebers. nach der 7 Aufl. des englischen Original von Dr. *E. Dennert*. Göttingen. 1899 p.p. 102—107.

естественнаго. Естественнымъ послѣдствіемъ указаннаго предположенія явилось ходячее мнѣніе, что «мы знаемъ все о какомъ-либо явленіи природы, если намъ извѣстны его естественныя (механическія) ближайшія причины», что «всякое явленіе считается вполнѣ исчерпаннымъ, если оно объяснено въ выраженіяхъ естественной причинности». При этомъ забываютъ, однако, что указаніемъ ближайшихъ причинъ явленія вопросъ о послѣдней причинѣ явленія нисколько не затрагивается, оставляется въ сторонѣ другая, высшая причинность, и мы въ концѣ концовъ нисколько не выходимъ изъ мрака тайны, но еще болѣе погружаемся въ него, когда сознаемъ неполноту объясненія. Роменсъ ставитъ своей цѣлью показать (и достигаетъ этого), что если мы отрѣшимся отъ обычныхъ мнѣній и предразсудковъ и послѣдуемъ голосу чистаго разума, то придемъ къ слѣдующимъ положеніямъ: A. «Если есть личный Богъ, то нѣтъ основанія, почему Онъ не могъ бы быть непосредственно близокъ природѣ, или почему всякая причинность не могла бы быть непосредственнымъ выраженіемъ Его воли. B. Есть основанія съ вѣроятностью заключать, что Богъ близокъ (имманентенъ) природѣ. C. Если это такъ и если при этомъ воля Бога послѣдовательна, то всякая естественная причинность необходимо должна являться (казаться) механическою. D. Поэтому нельзя видѣть никакого доказательства противъ Божественнаго происхожденія какой-либо вещи или какого-либо явленія, событія, если покажутъ, что ихъ надо приписать естественнымъ причинамъ». Такимъ образомъ, и «естественное» отходитъ въ область «сверхъестественнаго» и падаетъ различіе между тѣмъ и другимъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грубою ошибкою становится мнѣніе, будто «всякое явленіе должно имѣть въ себѣ что-либо необъяснимое или чудесное, чтобы быть сверхъестественнымъ». «Все совершающееся въ природѣ, всякая причинность есть дѣйствіе лишь Божественной воли, и если при этомъ мы хотимъ различать посредственное отъ непосредственнаго дѣйствія, то можемъ дѣлать это различіе лишь въ отношеніи къ человѣку, если подъ «естественнымъ» будемъ понимать относительно понятныя намъ дѣйствія Божества въ мірѣ, а подъ «сверхъестественнымъ»—то въ дѣйствіи Божественной воли въ природѣ, чего мы объяснить не можемъ. Задача науки ограничивается сферою естественной причинности, а лежащее за этой чувственною сферою совсѣмъ не подлежитъ ея объясненію».

Роменса напоминаетъ (съ его пунктомъ А) извѣстный физикъ Дж. Тиндалль, непринадлежащій къ числу вѣрующихъ ученыхъ, когда онъ говоритъ: «Если есть Богъ, то Онъ всемогущъ; а если Богъ всемогущъ, то Онъ можетъ совершать и чудеса».

Весьма цѣнный вкладъ въ научную литературу вопроса о чудѣ сдѣлалъ за послѣднее время ученый ботаникъ и выдающійся нѣмецкій богословъ-апологетъ Э. Деннертъ своею работою: «Законъ природы, случай, Промыслъ». Здѣсь онъ подробно и обстоятельно доказываетъ, напр., слѣдующія положенія:

«Силы и законы природы не могутъ быть самимъ Богомъ или Его замѣнять, но они суть выраженіе воли Бога».

«Закономѣрность есть только одна сторона мірового процесса, но также важна и другая сторона его—цѣлестремительность (Zielstrebigkeit) и планомѣрно-гармоническое сочетаніе фактовъ природы въ космосъ, что можно удовлетворительно объяснить только дѣйствіемъ Промысла, т. е., сознательной и разумной Воли Бога».

«Божественное управленіе міромъ всегда совершается законосообразно, но въ міровомъ процессѣ были событія, которыя могутъ быть объяснены только непосредственнымъ участіемъ въ немъ Божества, каковы: появленіе міровой матеріи, первое движеніе, происхожденіе жизни и разумной человѣческой души. Если непосредственное дѣйствіе Бога возможно было въ началѣ мірового процесса, то, слѣдовательно, въ принципѣ возможно и теперь».

«Чудобоязнь нашихъ дней совершенно неосновательна. Ни откуда не слѣдуетъ, что чудомъ нарушаются законы природы. Чудо не есть нарушеніе законовъ природы, но сообщеніе теченію вещей въ природѣ опредѣленнаго направленія съ помощью существующихъ силъ и законовъ. Въ этомъ смыслѣ человѣкъ постоянно совершаетъ чудеса въ своей культурной дѣятельности; поэтому тѣмъ болѣе они возможны для Господа Бога... Если ужъ такое маленькое существо, какъ человѣкъ, заставляетъ служить своимъ маленькимъ цѣлямъ природу и измѣняетъ теченіе явленій въ природѣ по своему усмотрѣнію и по своей волѣ, то не гораздо ли болѣе возможно это для самого Владыки природы? И какъ дикарю, не знающему законовъ природы, кажутся дѣломъ сверхъестественнымъ наши трамваи, телефоны и т. п. машины, такъ и для насъ, культурныхъ людей, кажется чудомъ,

что Владыка природы, можетъ быть, при помощи неизвѣстныхъ еще намъ силъ, совершаетъ въ природѣ, чтобы дать въ ней такое направленіе теченію вещей, которое Его святая воля считаетъ необходимымъ для успѣшнаго развитія міра и человѣка». Всѣ свои разъясненія ученый ботаникъ-богословъ заключаетъ выводомъ, что «совершенно нелѣпо изъ такъ назыв. «вѣчныхъ и неизмѣнныхъ» законовъ природы выводить невозможность чуда вообще» *)...

Съ такою же обстоятельностью Э. Деннертъ развиваетъ свои мысли о чудѣ въ другомъ своемъ трудѣ по естественно-научной апологетикѣ подъ заглавіемъ «Библія и естествознаніе» въ восьми положеніяхъ, изъ которыхъ для насъ важны первыя пять.

1. «Чудо въ широкомъ (общемъ) смыслѣ есть явленіе или событіе, котораго мы не можемъ объяснить извѣстными намъ законами природы; чудо въ болѣе узкомъ или собственномъ смыслѣ слова связано съ нарушеніемъ или даже уничтоженіемъ какого-либо даннаго закона природы, по крайней мѣрѣ кажущимся».

2. «И въ окружающей насъ природѣ есть довольно явленій чудесныхъ, которыя намъ кажутся исключеніями изъ законовъ природы или во всякомъ случаѣ необъяснимыми, чудесами же не считаются только отъ нашей привычки къ нимъ». Въ перечнѣ примѣровъ такого рода обыкновенныхъ явленій, необъяснимыхъ для науки, Э. Деннертъ вмѣстѣ съ другими учеными, начиная съ самого Ньютона, отмѣчаетъ паденіе камня на землю, далѣе—образованіе воды изъ водорода и кислорода, замерзаніе воды при 0° и наибольшее расширеніе ея при 4° С. (или 3° R.) и др. Объясненіе физиковъ, что камень падаетъ на землю вслѣдствіе притяженія земли, совершенно не разъясняетъ, какъ при этомъ дѣйствуетъ земля, и объясненіе тутъ замѣняется пустымъ словомъ «притяженіе». Совершенно вѣрно наблюденіе химика, что два атома водорода съ однимъ атомомъ кислорода образуютъ соединеніе, называемое водою. Но водородъ — горючій газъ, а кислородъ поддерживаетъ горѣніе; какъ же изъ соединенія этихъ двухъ тѣлъ образуется болѣе тяжелое жидкое тѣло съ совершенно новыми и противоположными свойствами (прежде всего со способностью препятствовать горѣнію)? Это и современною наукою нисколько не объяснено,—это для нея чудо. Точно

*) Dr. *E. Dennert.* Naturgesetz, Zufall, Vorsehung, p.p. 74, 61—62, 69.

такъ же нисколько не объясняется словомъ «геотропизмъ» то явленіе, что въ растеніяхъ корни идутъ въ землю, а стебли и стволы вверхъ. Ботаникъ говоритъ, что здѣсь сила тяжести дѣйствуетъ какъ раздраженіе,—корень имѣетъ положительный, а стебель—отрицательный геотропизмъ. Но какъ возможно, чтобы одна и та же сила тяжести дѣйствовала такъ неодинаково на два близкихъ другъ другу и маленькихъ органа, на корень и стебель; чтобы она вопреки своей такъ сказать привычкѣ, природѣ, стала отталкивать отъ себя какой-нибудь увѣсистый древесный стволъ? Это совсѣмъ непонятно, и для самоновѣйшей ботаники такъ же непостижимо, какъ и для ботаники сто лѣтъ тому назадъ. По ученію физики, отъ тепла всякое тѣло расширяется, а отъ холода сжимается. Но изъ этого правила есть замѣчательное и непостижимое для науки, но въ высшей степени необходимое для органической жизни на землѣ, исключеніе: вода при охлажденіи сжимается, но когда она достигаетъ температуры 4° С., то, къ удивленію, начинаетъ расширяться, такъ что при 0° вода занимаетъ одно и то же пространство, какъ при 8° С.».

3. «Коль скоро есть личный Богъ, то Онъ имѣетъ и свободную волю и потому можетъ «вмѣшиваться» въ естественный ходъ вещей. Животному, непонимающему дѣйствій человѣка, многое въ нихъ будетъ казаться чудомъ, не будучи таковымъ. Если есть высшія существа, чѣмъ человѣкъ, то ихъ дѣйствія должны представляться и нашему человѣческому разуму чудесными».

4. «Возможность чуда есть прямое слѣдствіе вѣры въ личнаго, свободнаго и всемогущаго Бога. Кто не вѣритъ въ возможность чуда, тотъ забываетъ о всемогуществѣ Бога и въ своемъ представленіи о Немъ впадаетъ въ антропоморфизмъ, когда человѣческою мѣркою мѣритъ власть и могущество Бога».

5. «Въ чудесахъ Богъ можетъ пользоваться какими-нибудь еще неизвѣстными человѣку силами природы. Тогда, съ прогрессомъ научныхъ знаній, такія чудеса будутъ терять свой чудесный характеръ, поступая въ разрядъ естественныхъ явленій». Другими словами, «чудеса имѣютъ свою причинность, потому что Богъ въ управленіи міромъ руководится не произво-

ломъ безграничнымъ, а предвѣчнымъ планомъ, по требованію котораго и совершаются въ нужный моментъ чудеса» *).

Стоксъ, одинъ изъ величайшихъ физиковъ нашего времени, точно такъ же приходитъ къ признанію возможности чуда путемъ разъясненія понятія о законахъ природы. «Если», говоритъ Джорджъ Стоксъ, «мы будемъ представлять законы природы самосущими и ни отъ чего независящими, то конечно мы не можемъ тогда допустить какого-либо отступленія отъ нихъ. Но если мы будемъ видѣть въ законахъ природы выраженіе воли и намѣреній Высшаго Существа, то мы должны будемъ признать возможность, что въ отдѣльныхъ случаяхъ они будутъ отмѣняться. Но можетъ и не оказаться надобности въ отмѣнѣ законовъ для произведенія какого-либо явленія сверхъ обычнаго порядка вещей въ природѣ, потому что можетъ быть пущенъ въ ходъ какой-нибудь законъ природы для произведенія даннаго явленія безъ всякой отмѣны законовъ, управляющихъ обыкновеннымъ теченіемъ вещей природы. Поясню свою мысль простымъ примѣромъ. Допустимъ, передъ нами стѣнные часы, хорошо провѣренные, съ желѣзнымъ маятникомъ. Ходъ часовъ, какъ мы знаемъ, опредѣляется законами движенія и законами тяжести. Предположимъ теперь, что вдругъ въ теченіе одного или двухъ часовъ ходъ часовъ замедлился, а потомъ возстановился, вошелъ въ норму, напр., вслѣдствіе того, что кто-нибудь нарочно подложилъ подъ часы сильный магнитъ, а потомъ убралъ его. Ускореніе и замедленіе здѣсь были вызваны не отмѣною законовъ движенія или тяжести, но временнымъ вмѣшательствомъ въ ходъ часовъ особой силы, которая оставила въ полной неприкосновенности законы движенія и тяжести... Говоря это, я имѣю въ виду вопросъ о возможности такъ назыв. чудесъ. Если вы допустите существованіе личнаго Бога, то съ этимъ вмѣстѣ допустите тотчасъ и возможность чуда. Если законы природы имѣютъ начало своего бытія въ волѣ Бога, то Тотъ, Кто восхотѣлъ дать эти законы, можетъ захотѣть ихъ отмѣнить, пріостановить ихъ дѣйствіе. И если кто-либо въ такой отмѣнѣ законовъ природы найдетъ что-либо невозможное, то, какъ видно изъ представленнаго примѣра, намъ даже нѣтъ надобности

*) Dr. *E. Dennert*. «Bibel und Naturwissenschaft. Gedanken und Bekentnisse eines Naturforschers». Stuttgart, 1906, p.p. 208. 266—279.

думать, чтобы законы природы дѣйствительно отмѣнялись въ чудесахъ» *)...

По ходячему мнѣнію чудо считается отрицаніемъ законовъ природы и отвергается наукою. Такъ должно выходить по катехизису невѣрующихъ, но дѣло, какъ оказывается, обстоитъ совсѣмъ иначе. Наука совсѣмъ не страдаетъ чудобоязнью, которая заносится въ нее совнѣ, а не въ ней развивается. Напротивъ, въ полномъ объясненіи міра наука считаетъ невозможнымъ обойтись безъ «сверхъестественнаго элемента», т. е., безъ признанія Бога и Творца и Промыслителя, безъ чуда. Есть, по крайней мѣрѣ, четыре пункта, гдѣ наука вынуждена въ полномъ объясненіи обратиться къ предположенію сверхъестественнаго дѣйствія Божества или къ чуду Божественнаго творенія; это, конечно, происхожденіе міровой матеріи, появленіе въ ней перваго движенія, происхожденіе жизни и происхожденіе самостоятельнаго человѣческаго духа. Своего объясненія, безъ «сверхъестественнаго элемента», у науки здѣсь нѣтъ и не можетъ быть для знающихъ, которые науку не могутъ смѣшивать съ шарлатанствомъ Геккелей, удивляющихъ только простаковъ издѣліями вродѣ «Міровыхъ загадокъ» и т. п.

Чтобы знать, какъ наука на самомъ дѣлѣ относится къ чуду, для этого необходимо всегда слушать представителей науки, а не посторонніхъ ей диллетантовъ и шарлатановъ, ложно выступающихъ отъ ея имени или преднамѣренно, или по невѣжеству. А ученые, настоящіе ученые, говорятъ въ пользу чуда. Голосъ нѣсколькихъ ученыхъ, приведенныхъ къ признанію возможности чуда анализомъ понятія о законахъ природы и причинности вообще, выслушанъ здѣсь; выслушаемъ и еще другихъ, которые и инымъ путемъ высказываются за возможность чуда.

Химикъ Шенбейнъ говоритъ: «Нѣкоторымъ образомъ еще можно понять, что знающіе природу только издали отрицаютъ дѣйствіе въ ней Безконечнаго Ума... Но истинно великіе натуралисты всегда тѣмъ болѣе убѣждались въ бытіи души и Бога, чѣмъ глубже проникали въ тайны природы».

Астрономъ Мэдлеръ: «Истинный натуралистъ не можетъ быть атеистомъ. Кто такъ глубоко, какъ мы, проникаетъ изслѣдованіемъ въ природу, эту мастерскую Бога, тотъ въ смиреніи склонится передъ Его святымъ Промысломъ въ мірѣ». Опъ

*) *Kneller*, 162—163.

же: «Ученые естествоиспытатели менѣе всѣхъ имѣютъ причину сомнѣваться въ чудесахъ».

Ботаникъ Гееръ: «Чѣмъ глубже мы проникаемъ въ познаніе природы, тѣмъ глубже становится и убѣжденіе наше, что только вѣра въ Бога всемогущаго и вездѣсущаго, Творца неба и земли, можетъ разрѣшить загадки природы, равно какъ и загадки человѣческой жизни».

Физикъ Грове: «Чѣмъ глубже мы идемъ изслѣдованіемъ въ природу, тѣмъ все настойчивѣе становится убѣжденіе въ насъ, что... сущность причины для насъ непостижима. Послѣдняя причина всего есть Воля, твореніе, дѣло Бога...

Геологъ Ляйелль: «Въ какомъ бы направленіи мы ни производили свои изслѣдованія, мы повсюду открываемъ яснѣйшія доказательства дѣятельности творческаго Ума въ природѣ, всемогущаго и премудраго Его Промысла».

Геологъ Марціусъ: «въ природѣ дѣйствуетъ въ качествѣ силы управляющей еще что-то, кромѣ законовъ, управляющихъ міромъ явленій. Естествоиспытатель старается открыть законы и въ разной мѣрѣ находитъ ихъ, и его разсудокъ обнимаетъ ихъ гармоническое взаимодѣйствіе какъ выраженіе высшей, божественной цѣлесообразности, хотя не проникаетъ до первопричины всего... Естествоиспытателя отовсюду окружаютъ чудеса. Разложеніе простого бѣлаго цвѣта на пеструю игру цвѣтовъ спектра, безконечность комбинацій въ соединеніяхъ и раздѣленіяхъ атомовъ вещества, происхожденіе и прогрессивное развитіе организмовъ отъ простѣйшихъ до человѣка—для всего этого мы подыскиваемъ объясненія, указывая условія явленій здѣсь, но мы не въ состояніи понять послѣднія въ ихъ сущности, такъ что «тавмазейн» (удивленіе) Платона сопровождаетъ насъ всюду въ нашемъ изслѣдованіи природы, и есть не только начало, но и конецъ его. Но кто понимаетъ, что начало и конецъ явленія лежатъ за полемъ нашего зрѣнія, тотъ вынуждается признать этимъ надъ матеріальнымъ міромъ явленій особую дѣятельность въ области высшаго міропорядка, гдѣ все исходитъ и возвращается къ Безпредѣльной Силѣ» *).

Геологъ Бишофъ: «Богъ создалъ міръ чудеснымъ образомъ; чудомъ явилось первое растеніе на землѣ, и какъ бы далеко мы ни прослѣдили причины явленій, отъ ближайшихъ къ

*) *Kneller*, 353—354.

отдаленнѣйшимъ, мы все-таки возвращаемся опять къ той же, лежащей внѣ матеріальнаго міра, причинѣ, т. е., къ чуду» *).

Итакъ, не ссылаться на чудо въ наукѣ значитъ иногда совсѣмъ оставлять явленіе безъ объясненія. Такъ говорятъ ученые. Поэтому популярная литература, щеголяющая дешевымъ либерализмомъ и особою близостью къ наукѣ, обличаетъ себя полнымъ незнакомствомъ съ наукой, когда въ ней встрѣчаемъ заявленія, что «ссылаться на чудо значитъ отказываться отъ объясненія», «ссылаться на Бога при рѣшеніи тѣхъ или иныхъ вопросовъ значитъ не давать никакого отвѣта» и т. п. **).

Обсуждая достовѣрность чудесъ Воскресенія и Вознесенія Христова, физикъ Бальфуръ Стюартъ пишетъ: «Сохранялось ли въ неизмѣнности дѣйствіе извѣстныхъ (намъ) силъ природы въ этихъ случаяхъ, или же оно было иногда превозмогаемо высшею силой? Несомнѣнно, превозмогалось! Безошибочно можно сказать, что такъ было при Воскресеніи и Вознесеніи Христовомъ. Конечно, мы обязаны изслѣдовать очевидность этихъ великихъ событій, и это уже исполнено самымъ совершеннымъ образомъ: исторія, повѣствующая объ этихъ событіяхъ, выдержала испытаніе настолько хорошо, что всякое предположеніе о нереальности ихъ, несомнѣнно, приведетъ насъ къ величайшей нравственной и духовной путаницѣ. Даже наши противники принуждены согласиться съ этимъ; но они все-таки возражаютъ намъ, что они скорѣе готовы пережить эти нравственныя и духовныя затрудненія, нежели ту умственную путаницу, которая, по ихъ мнѣнію, необходимо слѣдовала бы изъ вѣры въ то, что эти великія событія дѣйствительно случились. Но я отрицаю, будто такая умственная путаница въ данномъ случаѣ есть. Я не вижу основанія не допускать возможности случайнаго измѣненія обычныхъ силъ силами высшими при тѣхъ условіяхъ, которыми сопровождалось пришествіе Христа».

Профессоръ технической механики А. Дж. Юингъ: «По-

---

*) *Kneller*, 279.

**) Проф *А. Н. Гиляровъ*. «Введеніе въ философію. Лекціи, читанныя на Кіевскихъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ. Изданіе слушательницъ К. В. Ж. К.». Кіевъ, 1907, стр. 164, ср. 82, 23, 33. Бѣдныя слушательницы, вынужденныя зазубривать къ экзамену этотъ и подобный вздоръ, какъ послѣднее слово науки! Считаю нужнымъ при этомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, отмѣтить, что «лекціи» отпечатаны съ надписью на обложкѣ: «на правахъ рукописи», но, несмотря на это, пущены въ продажу въ книжныхъ магазинахъ Кіева!

знаваніе упорядоченной правильности дѣйствій природы, правильности, которую мы, въ своей слѣпотѣ, зовемъ законами, составляетъ задачу науки; но мы не должны предполагать, что эти, такъ называемые, законы имѣютъ силу необходимыхъ (неизмѣняемыхъ) истинъ. Мы не вправѣ утверждать, что обобщенный результатъ нашего ограниченнаго опыта окажется свободнымъ отъ всякихъ исключеній, даже и при свѣтѣ болѣе расширеннаго знанія. Стараясь ввести кажущіяся исключенія въ кругъ научнаго порядка, мы злоупотребляемъ авторитетомъ науки, какъ скоро утверждаемъ, что никакихъ дѣйствительныхъ исключеній быть не можетъ. Какимъ бы обширнымъ не оказывалось царство закономѣрности, мы все же не смѣемъ выводить отсюда логическаго заключенія, что никакого вмѣшательства въ него никогда не происходило въ прошломъ, или что такого не можетъ случиться въ будущемъ» *).

Можно было бы и еще продолжить опросъ ученыхъ по нашему вопросу, но думаю, что въ этомъ уже нѣтъ надобности: истина достаточно выяснилась. Выяснилось, что наукою не только не отрицается, но утверждается вѣра въ чудо, и что мѣсто чуду все болѣе и болѣе отводится наукою не только въ религіи, но и въ натурфилософіи, составляющей цѣльный итогъ научныхъ выводовъ въ изученіи природы. Признаніе чуда въ научной средѣ, вопреки ходячему мнѣнію, все болѣе и болѣе крѣпнетъ по мѣрѣ того, какъ вытѣсняется здѣсь прежнее матеріалистическо-механическое міропониманіе виталистическо-теистическимъ, гдѣ закономѣрность и цѣлесообразность природы возводятся къ Верховному Разуму, какъ къ своей первопричинѣ. Такимъ образомъ, безпристрастнымъ голосомъ самой науки ходячее мнѣніе о противорѣчіи вѣры въ чудо наукѣ совершенно отвергается. Чѣмъ является по суду науки ходячее мнѣніе о чудѣ, ложно выдаваемое за какую-то научную аксіому? Это мнѣніе всего только одинъ изъ догматовъ невѣрія или, точнѣе, глупый предразсудокъ, противный не только вѣрѣ, но не менѣе того и самой наукѣ. Совершенно вѣрно слово Паскаля: «невозможно возражать разумно противъ чудесъ». Натуралистъ Роменсъ объясняетъ господство этого нелѣпаго предразсудка силою привычки; конечно, это надо признать, но существованіе глупыхъ мнѣній на положеніи истинъ, особенно когда дѣло ка-

*) *Табрумъ*, 18—19, 131—132 (Бальфуръ, Юингъ).

сается религіи, имѣетъ для себя, кромѣ привычки, много причинъ, перечислять которыя здѣсь, впрочемъ, нѣтъ надобности: наша задача окончена съ опроверженіемъ предразсудка, а объясненіе его предоставляемъ психопатологіи невѣрія.

Гл. VIII. Вѣра въ безсмертіе и наука.

«Вѣра въ безсмертіе человѣческой души есть догматъ, который стоитъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ самыми достовѣрными выводами современнаго естествознанія».

Э. Геккель (Изъ «Міровыхъ загадокъ»).

«Въ зданіи религіи есть части, подъ которыя естественныя науки, съ безопасностью, могутъ подводить фундаментъ: одна изъ таковыхъ—теорія смерти и продолжающагося личнаго существованія послѣ нея».

О. Лоджъ.

Среди ученыхъ есть невѣрующіе въ безсмертіе, индифферентные и вѣрующіе. Невѣрующіе догматически, безъ фактическихъ научныхъ доказательствъ объявляютъ истину безсмертія опровергнутою въ наукѣ. Однако, уже изъ протеста ученыхъ противъ матеріализма, маскирующагося наукой, какъ Гельмгольцъ, Гирнъ, Шеврель, Рейнке, Пастэръ Гиртль, Марціусъ и др., мы хорошо знаемъ, что отрицаетъ безсмертіе никакъ не наука, а матеріализмъ, которымъ увлекаются иные изъ плохо образованныхъ натуралистовъ въ родѣ Геккеля и «поверхностные умы» (по Роб. Майеру), и что ихъ мнѣнія тутъ «не служатъ къ чести и пользѣ науки и не могутъ быть поставлены въ счетъ наукѣ» (Роб. Майеръ), а сами они не имѣютъ права въ данномъ случаѣ объявлять себя представителями науки (Клодъ Бернаръ, Марціусъ, Гертль, Эренбергъ, Шлейденъ, Шэнбейнъ, Гельмгольцъ, Пастэръ и др.). Въ данномъ случаѣ ученые ставятъ на видъ матеріалистамъ, объявляющимъ вѣру въ безсмертіе опровергнутою въ наукѣ, что вопросъ о безсмертіи души лежитъ за предѣлами компетенціи точной науки и можетъ рѣшаться лишь религіею и философіею, наука же можетъ послѣднимъ только доставлять факты или матеріалы для рѣшенія этого вопроса. И фактами, добытыми и установленными здѣсь,

ниспровергается матеріализмъ съ его отрицаніемъ безсмертія. Тутъ противъ матеріализма ученые выступаютъ отъ имени науки, и они вправѣ это дѣлать. Главное, что говорится учеными противъ матеріализма, можетъ быть ради краткости сведено къ тому, что сказано астрономомъ К. Фламмаріономъ. «Только безсмыслiе», говоритъ Фламмаріонъ, «можетъ отвергать существованіе души, только недомыслiе можетъ отрицать ея безсмертіе. Не говорятъ ли тѣ самые матеріалисты, которые не признаютъ души, которые видятъ въ ней отложеніе мозга, не говорятъ ли они, и при томъ весьма основательно, что во всемъ нашемъ тѣлѣ, не исключая и мозга, происходитъ непрерывная смѣна веществъ, непрестанно обновляющая наше физическое существо? Если бы душа была только произведеніемъ мозга, то какимъ образомъ было бы возможно, при непрерывной смѣнѣ веществъ въ самомъ мозгѣ, сознаніе единства нашей личности, не покидающее насъ отъ младенчества до старости?» Если безсмысленно, по Фламмаріону, одно уже только отрицаніе души и ея безсмертія матеріализмомъ, то еще безсмысленнѣе объясненія, даваемыя матеріализмомъ фактамъ душевной жизни, начиная отъ простѣйшей формы ея, ощущенія и памяти, и кончая сложнѣйшей, какъ самосознаніе или сознаніе тождества своего я. Все, что говоритъ здѣсь матеріализмъ, нелѣпый вздоръ и сказки, недостойныя серьезнаго ума и позорныя для человѣческаго разума; тутъ наука не при чемъ.

Болѣе отвѣчаетъ наукѣ агностическая точка зрѣнія въ вопросѣ о безсмертіи. Она хорошо формулируется у М. Гюйо. По его мнѣнію, въ наукѣ «невозможность загробной жизни еще не доказана и для современной науки безсмертіе остается еще проблемой; если проблема эта не рѣшена въ положительномъ смыслѣ, то она, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, не рѣшена и въ отрицательномъ смыслѣ» *). У науки нѣтъ общеубѣдительныхъ доказательствъ безсмертія, и для всякаго вопросъ рѣшается личными симпатіями и настроеніями, думаетъ акад. Дюкло, директоръ Пастэровскаго Института въ Парижѣ. По убѣжденію берлинскаго проф. А. Эйленберга, наука не располагаетъ никакими твердыми и объективными данными ни за, ни противъ личнаго безсмертія, и тутъ вмѣстѣ съ Дю-Буа Реймономъ ученому остается только сказать: «ignoramus» и «ignorabi-

*) *М. Гюйо.* «Безвѣріе будущаго». Спб., 1908, стр. 478—479.

mus». При всемъ томъ, «я не могу», говоритъ онъ, «согласиться съ увѣреніемъ Геккеля, что окончательное отреченіе отъ вѣры въ безсмертіе не было бы тяжелымъ лишеніемъ, но, напротивъ, было бы неоцѣнимымъ выигрышемъ для человѣчества. Его мнѣнію мнѣ хочется противопоставить слово Гетэ, который, полагаю, лучше опредѣляетъ субъективную сторону вопроса: «Я не желалъ бы лишиться счастья вѣрить въ будущую жизнь; я не осмѣливаюсь даже сказать, что мертвы для этой жизни всѣ тѣ, которые совсѣмъ не имѣютъ надежды на другую жизнь». Словомъ, для науки вопросъ о безсмертіи есть вопросъ скорѣе вѣры, чѣмъ знанія, неспособный въ наукѣ получить («при настоящемъ состояніи нашего знанія», добавляютъ иные) ни положительнаго, ни отрицательнаго рѣшенія *). Хотя агностическая точка зрѣнія имѣетъ для себя нѣкоторе научное оправданіе, но, какъ мы уже видѣли, она вызываетъ противъ себя серьезныя возраженія въ наукѣ и въ общемъ не раздѣляется учеными, не характерна для науки. Уже и сами сторонники агностической точки зрѣнія не выдерживаютъ ея на дѣлѣ и вынуждаются сходить съ почвы чистаго агностицизма на почву полуагностицизма или относительнаго агностицизма, когда сверхъ посторонних наукѣ религіозныхъ основаній идеи личнаго безсмертія допускаютъ возможность еще и научныхъ основаній въ нѣкоторой мѣрѣ. Сюда принадлежатъ, напр., Гиртль и Менделѣевъ. Анатомъ и ихтіологъ Гиртль: «Можетъ ли быть, чтобы высочайшій Умъ, такъ ясно всюду запечатлѣвшій въ твореніи Свою волю, вложилъ въ наше сердце безнадежное стремленіе къ счастію, которое никогда не можетъ быть удовлетворено? Здѣсь наука стоитъ на концѣ изслѣдованія въ лицѣ самыхъ смѣлыхъ умовъ. Тутъ вступаетъ въ свои права вѣра, которой наука не можетъ ни опровергнуть, ни доказать, хотя наука можетъ доказать все-таки, что противное вѣрѣ не имѣетъ для себя основаній въ природѣ вещей. Угасите вѣру, этотъ небесный свѣтъ,—и самоубійство, совершенное вами надъ своей душой, превратитъ гордаго владыку міра въ кучу азотистаго навоза для удобренія земли».

Химикъ Менделѣевъ относитъ идею о безсмертіи къ

*) Prof. *Rob. Thomson.* «The proofs of life after Death. A. collation of opinions as to a future life by some of the world's most eminent scientific men and thinkers». Boston, 1905. Ed. 4—th., p.p. 48, 87—88, 228 f. 230 f.

разряду тѣхъ «гипотезъ, которыя не могутъ быть доказаны очевидными фактами. Но какъ человѣкъ, воспитанный въ религіозныхъ понятіяхъ, я предпочитаю», говоритъ Д. И. Менделѣевъ, «оставаться съ вѣрою въ безсмертіе души». Тутъ говоритъ чистый агностикъ, но далѣе онъ измѣняетъ себѣ, когда допускаетъ нѣкоторую возможность научнаго разъясненія вопроса о безсмертіи, если бы можно было наукѣ уяснить отношеніе между силой и матеріей въ природѣ. И еще болѣе измѣняетъ агностической точкѣ зрѣнія дальше, когда противъ матеріализма разсуждаетъ объ основаніяхъ къ признанію реальности духовнаго міра и необходимости познавать его иными методами, чѣмъ какими располагаетъ наука о мірѣ внѣшнемъ *).

Полуагностицизмъ въ сущности представляетъ собою переходную ступень къ обычной религіозной или примирительной точкѣ зрѣнія, единственно типичной для науки, раздѣляемой большинствомъ, почти всѣми вѣрующими учеными. Эта точка зрѣнія въ вопросѣ о безсмертіи достаточно характеризуется заявленіемъ ботаника и богослова Э. Деннерта, что хотя наукѣ нельзя много сказать въ отвѣтъ на вопросъ, есть ли личная жизнь за гробомъ, но она владѣетъ вѣрными ключами къ рѣшенію вопроса въ видѣ выводовъ изъ установленныхъ ею фактовъ и законовъ **).

Исповѣдниками истины безсмертія въ наукѣ являются, конечно, всѣ вѣрующіе ученые, или почти всѣ ученые, такъ какъ они составляютъ въ общемъ количествѣ подавляющее большинство (92%, какъ видѣли). Само собою понятно въ виду этого, что здѣсь рѣчь можетъ идти лишь объ ученыхъ, высказавшихся нарочито по вопросу о безсмертіи, и при томъ преимущественно въ качествѣ людей ученыхъ, а не вѣрующихъ только. Но и такихъ ученыхъ такъ много, что здѣсь могутъ быть названы имена только болѣе извѣстныхъ намъ съ этой стороны, таковы, напр., Робертъ Майеръ, Шлейденъ, Шваммердамъ, Фарадей, лордъ Рэйлей, Эренбергъ, Симпсонъ, Целлеръ, Гуфеландъ, Белль, К. Э. фонъ-Бэръ, Руд. Вагнеръ, Гауссъ, Эшрихтъ,

*) *H. Engel*, p.p. 86—87; *Thompson*. Proofs of life after Death, p.p. 88—89 (Гиртль, Менделѣевъ).

**) Dr. *E. Dennert*. «Bibel und Naturwissenschaft. Gedanken und Bekentnisse eines Naturforschers». Stuttgart, 1904, p.p. 221—223.

Гирнъ, Гумфри, Дэви, Пироговъ, Круксъ, Максвелль, Фехнеръ, Фолькманъ, Целльнеръ, Веберъ, Уоллесъ А. Р., Эйлеръ *).

Къ идеѣ о безсмертіи очень часто обращается въ своихъ трудахъ зоологъ и антропологъ К. Э. фонъ-Бэръ: «Между всѣми существами, живущими на землѣ, только въ человѣкѣ есть религіозная потребность или, какъ еще называютъ это предчувствіе безконечнаго, стремленіе къ вѣчному, движущее исторіей человѣчества и выражающееся въ разнообразныхъ религіозныхъ формахъ. Существованіе человѣка, поэтому не связано неразрывными узами съ землею. Мысль о безсмертіи есть первый актъ безсмертія. Такъ изученіе природы ведетъ насъ къ тому самому ученію, которое въ дѣтской простотѣ слова высказано въ св. Писаніи. Оно заставляетъ насъ вѣрить, что мы не уничтожаемся со смертью. Оно даетъ намъ также увѣренность въ томъ, что только по прекращеніи связи съ землей мы будемъ истинными гражданами всей вселенной»...

Въ своемъ сочиненіи «Естествознаніе и безсмертіе души» знаменитый физикъ Джемсъ Максвѣлль пишетъ: «Прогрессъ научный (въ вопросѣ о смерти съ ея физической стороны) вынуждаетъ къ глубокому различенію между видимой частью человѣческаго существа, которая погибаетъ на нашихъ глазахъ, и между тою, которая составляетъ наше я, и къ усвоенію того положенія, что человѣческая личность какъ по своей природѣ, такъ и по своему назначенію лежитъ далеко за предѣлами научной области».

Въ сочиненіи своемъ «Послѣдніе дни естествоиспытателя» физикъ Г. Дэви нѣсколько страницъ посвящаетъ доказательству безсмертія и говоритъ: «Ученіе матеріалистовъ всегда, даже въ юности, было мнѣ противно. До тошноты наслушавшись въ секціонныхъ залахъ рѣчей физіологовъ-эволюціонистовъ о постепенномъ развитіи матеріи до степени одушевленія собственною силою и даже о развитіи ея до степени разумнаго существа, я, бывало, уходилъ въ зеленыя поля и рощи по берегу рѣки—къ природѣ, безмолвно обращавшей мое сердце къ Богу; я видѣлъ во всѣхъ силахъ орудія Божества... Новыя идеи и безконечныя надежды тогда возникали въ душѣ моей и я чувствовалъ жажду

*) *Dennert*, 51—52; *Kneller*, p.p. 17, 18, 20, 20—21; *Engel*, p.p. 66—67, 83—86, 6; *Kneller*, p.p. 47, 49—50, 306, 138—139, 26, 10—11, 27, 29—30; *Zöckler*, II, 323, 303—304, 312 и *Engel*, p. 43; *Kneller*, p.p. 306, 312; *Zöckler*, p. 310; II, 187, 323, 254; *Dennert*, 26.

безсмертія... Эти настроенія обычно, конечно, относятъ къ области поэзіи, но я думаю, что они заключаютъ въ себѣ здоровое философское основаніе для вѣры въ безсмертіе».

Мысль о продолженіи личной жизни по смерти глубоко проникала собою все существо знаменитаго математика Гаусса, по свидѣтельству біографовъ, и прекрасное выраженіе однажды далъ ей онъ слѣдующими словами: «Размноженіе и обезпеченіе себѣ существованія наивозможно больше до 80—90 лѣтъ было бы жалкою участью такого существа, какъ человѣкъ, если бы только въ этомъ была цѣль его существованія. Проживетъ ли человѣкъ 80 лѣтъ, или же 80 милліоновъ лѣтъ,—жизнь его все равно будетъ короткою отсрочкою приговореннаго къ смерти, если въ концѣ концовъ онъ все-таки погибнетъ. Поэтому невольно приходишь къ воззрѣнію, за которое такъ многое говоритъ и помимо строго научныхъ основаній, что наряду съ этимъ матеріальнымъ существуетъ другой, чисто духовный міропорядокъ, полный такого же разнообразія, какъ тотъ, въ которомъ мы живемъ, и что мы войдемъ въ этотъ другой міръ».

Роб. Майеръ цѣлую рѣчь на съѣздѣ естествоиспытателей посвятилъ защитѣ духовности и безсмертія души, противъ матеріализма и, какъ онъ самъ говорилъ, «твердое убѣжденіе въ личномъ безсмертіи души, основанное на научномъ сознаніи», послужило ему надежнымъ «утѣшеніемъ тогда, когда (онъ) держалъ холодную руку своей умирающей матери въ своей рукѣ».

Физикъ О. Лоджъ отношеніе науки къ вѣрѣ въ безсмертіе представляетъ весьма благопріятнымъ, когда пишетъ: «Въ зданіи религіи есть части, подъ которыя естественныя науки, съ безопасностью, могутъ подводить фундаментъ; одна изъ таковыхъ—теорія смерти и продолжающагося личнаго существованія послѣ нея; есть еще много и другихъ, сходныхъ теорій, а со временемъ ихъ будетъ и еще больше. Но, съ другой стороны, есть также, и всегда будутъ, обширныя религіозныя области, для которыхъ научныя основанія подобнаго рода являлись бы неумѣстными, хотя научное содѣйствіе даже и здѣсь возможно. Эти области можно, пожалуй, обобщить въ понятіи: отношеніе души къ Богу» *).

Географъ Карлъ Риттеръ, никогда не разставшійся

*) *Таврумъ*, 58.

съ Библіей, оставилъ замѣтку на внутренней сторонѣ крышки: «Мы не напрасно посланы въ міръ; мы должны зрѣть здѣсь для другой жизни. Наше тѣло можно сравнить съ градирней, гдѣ негодная вода отдѣляется отъ хорошей. Есть Одинъ только, кто можетъ содѣйствовать этому, и Ему слава во вѣки!» *).

Анатомъ, физіологъ и хирургъ Чарльзъ Белль: ...«Къ чему намъ всѣ доказательства Божественнаго могущества и гармоніи въ природѣ, къ чему эти превращенія земли, совершавшіяся по предопредѣленному плану, къ чему сотвореніе человѣка, если всему этому конецъ? Если нѣтъ никакого пути къ непосредственному общенію человѣка съ Творцомъ? Но какой конецъ не есть нашъ удѣлъ; напротивъ, на каждомъ шагу намъ во множествѣ представляются доказательства за то, что живая душа предназначена къ чему-то высшему, что душа, ея состояніе служатъ цѣлью всей этой машины и цѣлаго ряда превращеній, которыя мы называемъ природою. Для того-то и тѣло наше такъ хрупко, дѣтство такъ безпомощно, старость такъ слаба; для того и страданія, горе и болѣзни въ человѣческой жизни, ибо этимъ путемъ долженъ воспитываться человѣкъ, развивать свои способности и добродѣтели, чтобы съ любовью, наконецъ, всѣмъ сердцемъ обратиться къ Богу, подателю жизни и ея защитнику» **).

Геологъ Марціусъ: «Дивно Господь, передъ премудростью и правдою Котораго я благоговѣю, создалъ насъ изъ матеріи и духа, сочетавши со свѣтомъ безсмертнаго духа тѣни смертной матеріи, безсмертныя радости и вѣчную жизнь духа съ преходящими печалями земными! Да, чего никакое око не видѣло, и никакое ухо не слышало и что ни въ какое сердце человѣческое не входило—это есть блаженство, на которое я надѣюсь, когда я покину тѣло свое!» ***).

А вотъ—предсмертныя слова физика Притлея: «Теперь я засыпаю, какъ заспете и вы, но всѣ мы вмѣстѣ проснемся въ свое время для новой жизни и, я уповаю, для нескончаемаго блаженства» ****).

Врачи Симпсонъ и Руд. Вагнеръ оставили со-

---

*) *Zöckler*, II, 187.
**) *Engel*, 63 и *Zöckler*, II, 323.
***) *Zöckler*, II, 254.
****) *Dennert*, 26.

чиненія, посвященныя проблемѣ смерти и безсмертія, первый — подъ загл. «Смерть», а второй «Борьба за душу»; а знаменитый психіатръ Альб. Целлеръ исповѣдалъ свою вѣру въ безсмертіе въ своихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, подъ заглавіемъ: «Keine Todesfurcht!» и «Nur keinem Abschied, meine Lieben!»

Физикъ Гирнъ оставилъ послѣ себя изслѣдованіе подъ заглавіемъ «Будущая жизнь и современная наука».

Хирургъ и анатомъ Н. И. Пироговъ изложенію своихъ интересныхъ мыслей о безсмертіи и загробной жизни не мало далъ мѣста въ знаменитыхъ своихъ «вопросахъ жизни» («Дневникъ стараго врача»).

Трудно было бы, однако, въ отдѣльности пересказать все, что ученые дали намъ въ опроверженіе ходячаго мнѣнія объ отрицательномъ отношеніи науки къ вѣрѣ въ безсмертіе; но въ заключеніе всего умѣстно упомянуть здѣсь о результатахъ анкеты, по вопросу о безсмертіи, съ которою Роб. Томпсонъ изъ Чикаго обратился къ ученымъ и философамъ всѣхъ странъ въ 1901 году. Отвѣты ученыхъ и мыслителей Америки, Англіи, Франціи, Германіи, Италіи и Россіи, интересно и разнообразно мотивированные, размѣрами отъ нѣсколькихъ строкъ до большихъ трактатовъ, составили большой сборникъ, изданный Томпсономъ и выдержавшій къ 1906 году четыре изданія, подъ заглавіемъ: «доказательства въ пользу загробной жизни. Собраніе мнѣній о будущей жизни и нѣкоторыхъ выдающихся ученыхъ и мыслителей». Бостонъ 1906 г. (На эту англ. книгу уже выше были ссылки). Изъ ученыхъ представителей разныхъ отраслей естествознанія откликнулись на анкету 29 человѣкъ, изъ психологовъ 18, и того—около пятидесяти человѣкъ (47), если не брать въ счетъ двухъ еще группъ философовъ и спиритовъ, среди которыхъ повторяются нѣкоторыя имена ученыхъ (напр., Круксъ, Фламмаріонъ, психол. Соважъ). И что же оказывается? Изъ 47 отвѣтовъ только два отрицательныхъ, представляющихъ отрицательно-догматическую точку зрѣнія въ вопросѣ о безсмертіи (Брюно и Герикуръ изъ Франціи), четыре отвѣта въ духѣ агностической точки зрѣнія (Дюкло, Эйленбергъ, Менделѣевъ, Ньюкомбъ, причемъ третій собственно тяготѣетъ болѣе къ положительному рѣшенію 3-й точки зрѣнія); двумя не дано никакого опредѣленнаго отвѣта (Охоровичъ, Ванъ

Гиссенъ) и подавляющимъ большинствомъ, слѣд., 39 противъ 6 даны положительные отвѣты, притомъ большею частью основательно мотивированные, чего совершенно нельзя сказать объ отрицательныхъ отвѣтахъ двухъ и уклончивыхъ отвѣтахъ четырехъ. Выражая итогъ анкеты въ процентахъ, получаемъ на 45 ученыхъ, давшихъ отвѣтъ, 2 невѣрующихъ, слѣд., невѣрующихъ около 5%, индифферентныхъ 3, слѣд., около 7% индифферентныхъ, и 40 вѣрующихъ, т. е. вѣрующихъ ученыхъ около 89%. Замѣчательное совпаденіе и тутъ съ общими выводами изслѣдованія Э. Деннерта о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ! (Сообщеніе о сочиненіи Деннерта дано было выше въ гл. I-й).

Среди 40 современныхъ ученыхъ, высказавшихся въ анкетѣ Томпсона за личное безсмертіе, встрѣчаются имена высокаго ранга, какъ химикъ В. Круксъ, психофизіологъ Шарль Рише, антропологъ Цез. Ломброзо, астрономъ К. Фламмаріонъ, біологъ А. Р. Уоллесъ, физикъ О. Лоджъ, психологъ В. Джемсъ; сюда же, какъ видѣли, склоняется химикъ Д. И. Менделѣевъ. Для большинства современныхъ ученыхъ въ этой анкетѣ безсмертіе представляется простымъ выводомъ изъ такъ назыв. оккультическихъ фактовъ гипнотизма съ его умственнымъ внушеніемъ и ясновидѣніемъ, телепатіи и спиритизма, для провѣрки которыхъ, какъ они заявляютъ, ими приняты были всѣ возможныя научныя средства (Уоллесъ, Ш. Рише, Круксъ, Лоджъ). Самыми фактами этого рода, по мнѣнію ученыхъ, предполагается само собою загробное бытіе души, вслѣдствіе чего нѣкоторые изъ ученыхъ тутъ къ другимъ доказательствамъ безсмертія и не обращаются. Во всякомъ случаѣ, главнымъ основаніемъ истины безсмертія тутъ считаются телепатическіе и спиритическіе факты; при этомъ многими энергически опровергаются возраженія невѣрующихъ матеріалистовъ противъ безсмертія (Фламмаріонъ, Лоджъ, Шелеръ и др.).

Указавши характерныя черты анкеты Томпсона по вопросу о безсмертіи, мы можемъ теперь иллюстрировать ее выдержками изъ отвѣтовъ ученыхъ, главнымъ образомъ болѣе крупныхъ изъ нихъ, хотя двѣ-три возьмемъ, въ виду типичности отвѣтовъ, у ученыхъ, менѣе извѣстныхъ, чѣмъ Круксъ, Менделѣевъ и т. п.

Предсѣдатель Общества Экспериментальной Психологіи Поль Жуаръ: «Экспериментально можетъ быть доказано, что въ человѣкѣ есть начало, отличное отъ началъ въ матеріальномъ

тѣлѣ его». Приведя кратко доказательства бытія независимой отъ тѣла души, Жуаръ дѣлаетъ изъ нихъ три вывода, что 1) «это духовное начало въ человѣкѣ переживаетъ его тѣлесную природу; что 2) это начало, попросту называемое душою, въ будущей жизни сохраняетъ въ значительной мѣрѣ свойства и расположенія, преобладавшія въ ней во время ея земной жизни; что 3) эта сверхземная жизнь души не находится уже подъ вліяніемъ жизни въ этомъ мірѣ, служащемъ для нея лишь приготовленіемъ. Душа должна стремиться къ извѣстному развитію и, возвышаясь въ этой земной жизни надо всѣмъ, что ее унижаетъ и ставитъ въ рабскую зависимость отъ матеріи, она много легче достигаетъ своего совершенства». Тутъ наука говоритъ намъ о безсмертіи уже языкомъ христіанскаго богословія!

Л. Бакле (изъ Парижа) приводитъ общій многимъ ученымъ аргументъ за безсмертіе, заимствуемый изъ ученія о сохраненіи и превращеніи энергіи, гдѣ душа разсматривается какъ особый родъ силы. «Ничто въ природѣ не пропадаетъ, и менѣе, чѣмъ всѣ другія силы, пропадаетъ душа съ ея дѣйствіями; кажется, что въ извѣстный моментъ развитія въ душѣ должна съ особою живостью дѣйствовать память о сдѣланномъ ею въ жизни, даже если бы слѣды ея дѣлъ исчезли; и вотъ въ этомъ-то и заключается главнымъ образомъ посмертное воздаяніе или наказаніе». Авторъ написалъ спеціальную монографію по вопросу подъ заглавіемъ: «Будущая жизнь передъ судомъ науки», гдѣ онъ подробно обосновываетъ свои положенія.

По мнѣнію геолога Шелера «фактическимъ доказательствомъ безсмертія и притомъ единственнымъ, удовлетворяющимъ требованіямъ науки, служитъ то, которое дается такъ назыв. оккультическими явленіями, именно доказанными фактами явленія духовъ, или общенія съ тѣми существами, которыя кажутся нѣкоторымъ изслѣдователямъ душами умершихъ людей». Хотя, по мнѣнію Ломброзо, вопросъ о безсмертіи не изъ тѣхъ, которые рѣшаются съ научною достовѣрностью, однако, подобно Шелеру и другимъ, онъ думаетъ, что «психическими и спиритическими изслѣдованіями въ настоящее время дается большая вѣроятность того, что душа продолжаетъ существовать послѣ смерти, сохраняя нѣкоторое слабое тождество бытія, которому окрѣпшая и твердо опредѣлившаяся душа можетъ сообщить новую форму и дальнѣйшій ростъ, пользуясь для этого окружаю-

щею средою» *). Какимъ же образомъ безсмертіе слѣдуетъ изъ фактовъ телепатическихъ и спиритическихъ, отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ А. Р. Уоллесъ: «Спиритизмъ доказываетъ существованіе такихъ формъ матеріи и способовъ бытія, которыя кажутся непріемлемыми съ точки зрѣнія простой науки. Спиритизмъ показываетъ намъ, что душа можетъ существовать безъ мозга, въ разъединеніи съ какимъ бы то ни было тѣломъ, которое мы могли бы обнаружить, и тѣмъ разрушаетъ предубѣжденіе противъ существованія нашей души по разрушеніи ея тѣлесной оболочки. Спиритизмъ далѣе прямо и съ фактическою наглядностью и очевидностью доказываетъ, что такъ назыв. умершіе еще живы; что наши друзья часто бываютъ съ нами, хотя мы и не видимъ ихъ, и тѣмъ могутъ давать прямое доказательство будущей жизни, котораго такъ многіе жаждутъ, и за недостаткомъ котораго живутъ и умираютъ въ мучительномъ сомнѣніи».

Ученые, признающіе за телепатическо-спиритическими фактами значеніе научнаго доказательства безсмертія души, отвѣчаютъ и на естественно возникающія въ умѣ читателей сомнѣнія и возраженія при рѣчахъ о телепатіи, спиритизмѣ и т. п. таинственныхъ вещахъ, особенно же — о спиритизмѣ: достовѣрны ли самые факты «оккультизма», на которыхъ ученые строятъ свое доказательство безсмертія, самое сильное и самое научное по ихъ мнѣнію? Сомнѣнія на этотъ счетъ разсѣиваются, однако, уже отчасти именами такихъ представителей точной науки, исключающей легковѣріе, какъ Круксъ, Веберъ, Целльнеръ, Уоллесъ, Лоджъ и др.; но ученые, кромѣ того, сами съ настойчивостью удостовѣряютъ дѣйствительность оккультическихъ фактовъ, принятыхъ ими послѣ самой тщательной и продолжительной провѣрки, требуемой научной точностью и осторожностью. Физикъ Оливеръ Лоджъ говоритъ, что убѣжденіе его въ безсмертіи души «рождено въ немъ, какъ представителѣ науки, тщательными двадцатилѣтними занятіями въ области психическихъ изслѣдованій, относящихся къ вопросу о безсмертіи». Из-

*) *Ломброзо* въ своемъ краткомъ отвѣтѣ, повидимому, высказываетъ мысль, подробно раскрытую въ извѣстныхъ лекціяхъ о безсмертіи *Арм. Сабатье*. Къ разъясн. сказаннаго ученымъ Ц. Ломброзо см. моего соч. «Христіанское вѣроученіе въ апологетическомъ изложеніи». Томъ II, стр. 107—108. Изд. 2-е. (Кіевъ, 1912).

слѣдованіями научными, говоритъ Лоджъ, «я приведенъ къ твердой вѣрѣ или убѣжденію въ загробномъ существованіи души, и хотя я не способенъ оправдать эту вѣру такъ, какъ слѣдовало бы это сдѣлать, однако, она основана на фактахъ и опытѣ»... Ш. Р и ш е потратилъ также двадцать лѣтъ для научной провѣрки спиритическихъ фактовъ и составленія окончательнаго сужденія о нихъ, оказавшагося положительнымъ. «Двадцать лѣтъ терпѣливаго изслѣдованія привели» его къ убѣжденію въ дѣйствительности спиритическихъ фактовъ и въ безсмертіи души, основанному на послѣднихъ. Онъ старался не вѣрить, но былъ побѣжденъ очевидностью, сдѣлавшею невозможнымъ для него твердое отрицаніе и сомнѣніе. «Если бы и явились», говоритъ Рише, «слабыя сомнѣнія, то они были бы обязаны не столько какому-либо недостатку въ опытахъ, сколько неумолимой силѣ привычнаго предубѣжденія»... В. К р у к с ъ, на котораго ссылаются сами ученые въ подтвержденіи достовѣрности оккультическихъ фактовъ, притомъ такіе, какъ О. Лоджъ и А. Уоллесъ, говоритъ о себѣ: «Все мое научное воспитаніе было однимъ сплошнымъ и длиннымъ урокомъ точности наблюденія, и я не хочу оставлять никакого мѣста для сомнѣнія въ томъ, что мое твердое убѣжденіе есть результатъ самаго тщательнаго изслѣдованія» *).

Талантливымъ и краснорѣчивымъ защитникомъ истины безсмертія является въ анкетѣ извѣстный всему образованному міру астрономъ К а м и л л ъ Ф л а м м а р і о н ъ: «Всеобщія и постоянныя вѣрованія въ безсмертіе среди всѣхъ мыслящихъ человѣческихъ существъ, благоговѣйное почитаніе памяти нашихъ умершихъ, врожденная идея о загробномъ праведномъ воздаяніи, горестный диссонансъ, вносимый въ міровую гармонію жалкою земною судьбою человѣка, ощущеніе вѣчнаго и безконечнаго, рождаемое въ насъ созерцаніемъ звѣзднаго неба, и, сверхъ всего этого, постоянное твердое сознаніе тождества нашей личности, несмотря на всѣ измѣненія въ тѣлѣ нашемъ и въ мозгу—все это и тому подобное ведетъ къ образованію въ насъ убѣжденія, что душа существуетъ, какъ личное существо, что она переживаетъ разрушеніе своего тѣлеснаго организма и

*) *Rob. Thompson.* «The poofs of life after death». Ed. 4, Boston, 1906, p.p. 38—39 (Жуаръ), 49—50 (Бакле), 47—48 (Шелеръ), 35 (Ломброзо), 295—296 (Уоллесъ), 134 (Лоджъ), 174—175 (Рише), 73 (Круксъ).

безсмертна». Фламмаріонъ утверждаетъ, что эта всеобщая и твердая вѣра человѣчества въ безсмертіе, «уже доказанная философіей, успѣшно можетъ быть доказана естественными науками», что Фламмаріонъ наглядно подтверждаетъ краткимъ научнымъ опроверженіемъ матеріализма, отрицающаго душу и безсмертіе. Противъ матеріализма Фламмаріонъ доказываетъ, что съ разрушеніемъ тѣла наша душа продолжаетъ свое существованіе въ иномъ, загробномъ мірѣ. Краткимъ изображеніемъ послѣдняго Фламмаріонъ заканчиваетъ свой интересный отвѣтъ въ анкетѣ Томпсона! *).

Много интереснаго заключаютъ въ себѣ отвѣты и другихъ ученыхъ, кромѣ названныхъ здѣсь, но намъ нѣтъ никакой надобности продолжать выписки изъ нихъ, когда поставленная нами цѣль этой главы достигнута. Справкою не подтверждается, а только опровергается развязное и легкомысленное заявленіе Геккеля о «непримиримомъ» противорѣчіи между вѣрою въ безсмертіе и современнымъ естествознаніемъ. Оказывается, по справкѣ, истина безсмертія не только не опровергнута и не опровергается обязательно наукою, но очень твердо и настойчиво доказывается наукою. Во всякомъ случаѣ для вѣры въ безсмертіе не существуетъ никакихъ препятствій въ наукѣ—вотъ безспорный выводъ изъ всей нашей рѣчи.

Такимъ образомъ, немилостивые къ себѣ государи изъ невѣрующихъ и таковыя же государыни, перестаньте повторять вздоръ, что вѣрить въ безсмертіе вамъ мѣшаетъ какая-то наука: науки вы не знаете, какъ это мы видимъ, и положеніе вопроса о безсмертіи въ наукѣ вамъ неизвѣстно. Не впутывайте въ дѣло науку, о которой вы знаете по слухамъ, и ложными слухами о наукѣ перестаньте прикрывать истинныя причины вашего невѣрія!

Дѣйствительныя и главнѣйшія причины отрицанія истины безсмертія заключаются въ несогласіи или разладѣ ея съ сердцемъ, съ волею, съ общимъ моральнымъ настроеніемъ невѣрующихъ, а не съ разумомъ,—съ наукою и философіею. Отрицаетъ безсмертіе тотъ, кому оно нежелательно, ненужно. И тутъ есть два сорта людей: одни отрицаютъ безсмертіе изъ страха загробнаго воздаянія, другіе изъ чрезмѣрной любви къ землѣ, служа-

*) *Thompson.* Proofs of after death, p.p. 92—93, 93—94, 95, 95—96, 97 f. 100, 101—103

щей единственно возможнымъ для нихъ раемъ. Хотите ли иллюстрацій къ первому типу невѣрующихъ въ безсмертіе? Она дана уже въ безсмертномъ образѣ Франца Моора изъ «Разбойниковъ» Шиллера. Припомните первую сцену изъ пятаго дѣйствія, гдѣ мастерскою рукою развертывается передъ нами весь ужасъ поздняго пробужденія совѣсти въ злодѣѣ подъ впечатлѣніемъ страшнаго вѣщаго сна и предчувствій смерти. Тутъ срывается маска съ невѣрія въ Бога и безсмертіе, какою для невѣрующихъ служитъ разумъ, и невѣріе предстаетъ передъ нами во всей своей моральной наготѣ. Оказывается, на дѣлѣ то безсмертіе отрицается только потому, что для дурного человѣка оно невыгодно, нежелательно! «Мудрость черни—трусость черни!» успокаиваетъ себя Францъ. «Вѣдь еще не доказано, что прошедшее не прошло, или что всевидящее Око царствуетъ надъ звѣздами. Гм! Гм! Кто это надоумилъ меня? Развѣ есть мститель превыше звѣздъ? Нѣтъ, нѣтъ!.. Да, да! Все ужасно говоритъ мнѣ: есть Судія надъ звѣздами! И къ этому надзвѣздному Судіи предстать въ эту же ночь! Нѣтъ—это жалкая норка, куда хочетъ заползти твоя трусость. Пусто, глухо тамъ, надъ звѣздами. А если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь да есть тамъ? Нѣтъ, нѣтъ, тамъ ничего нѣтъ! Я хочу, приказываю, чтобы тамъ ничего не было! Но если есть? Горе тебѣ, если все перечтется, если въ эту же ночь перечтется!.. Отчего морозъ проникаетъ въ мои кости? Умереть! Отчего это слово такъ поражаетъ меня? Отдать отчетъ Судіи небесному... О, если Онъ справедливъ, сироты, вдовы, безпомощные, угнетенные—всѣ возопіютъ къ Нему. Но если Онъ справедливъ, то зачѣмъ они страдали? Зачѣмъ я торжествовалъ надъ ними?» Такими жалкими доводами разсудка, этого всегда покорнаго слуги сердца, Францъ пытается заглушить въ себѣ заговорившее въ немъ сознаніе ужасной для него правды. Когда призванный Францемъ пасторъ Мозеръ подтверждаетъ правду его вѣщаго сна и поздняго пробужденія его совѣсти своими рѣчами о праведномъ загробномъ судѣ, Францъ приходитъ въ бѣшенство.

Францъ (яростно наступаетъ на Мозера).

«Громъ да поразитъ тебя нѣмотою, лжецъ безстыдный! Я вырву проклятый языкъ у тебя изъ горла!»

Мозеръ.

«А! Вы уже начинаете чувствовать всю тяжесть правды, тогда какъ я еще и не приступалъ къ доказательствамъ. Теперь приступимъ къ нимъ».

Францъ.

«Молчи! Ступай въ адъ съ своими доказательствами! Душа наша уничтожится, говорю я тебѣ—и я не хочу слышать твоихъ доказательствъ!»

Мозеръ.

«Вотъ объ этомъ-то и стонутъ духи преисподней; но небесный Судія качаетъ головою. Неужели вы полагаете, что въ пустынномъ царствѣ пустоты вы избѣжите десницы предвѣчнаго Мстителя? Взойдите на небо—Онъ тамъ! Сойдите въ адъ—Онъ опять тамъ! Скажите морю: «спрячь меня!» и тьмѣ—«укрой меня!»—и тьма исполнится свѣта около васъ, и ночь обратится въ день. Но вашъ безсмертный духъ борется только со словомъ и побѣждаетъ слѣпую мысль».

Францъ.

«Но я не хочу быть безсмертнымъ: до другихъ мнѣ дѣла нѣтъ. Я заставлю Его уничтожить себя, я раздражу Его до бѣшенства, чтобы Онъ въ бѣшенствѣ уничтожилъ меня».

«Я не хочу быть безсмертнымъ», срывается съ языка растерявшагося злодѣя Франца,—и этимъ открывается секретъ и старая пружина его невѣрія, его возраженій противъ безсмертія «отъ разума». Но то же наблюдается всегда и надъ тѣми, которые отрицаютъ безсмертіе не изъ страха суда, а изъ чрезмѣрной привязанности къ землѣ, для которыхъ земля—все. Благодушный нашъ В. Розановъ совсѣмъ не злодѣй и грѣшенъ развѣ только болтливостью, графоманіей, но въ одинъ голосъ съ злодѣемъ Францемъ онъ говоритъ: «Я не желаю воскресенія!» Если и соглашается г. Розановъ воскреснуть, то «не для Бога въ богословскомъ смыслѣ, а чтобы продолжать помнить и продолжать любить тѣхъ, кого зналъ и любилъ на землѣ». Безъ этого воспоминанія о землѣ и «земныхъ людяхъ» г. Розановъ рѣшительно отказывается отъ воскресенія. «Не имѣю, говоритъ онъ, интереса къ «воскресенію», иронически заключая воскресеніе наше

въ кавычки *). Это естественно для такого язычника по всему складу души и ума, какъ г. Розановъ: ему желательна будущая жизнь лишь въ смыслѣ продолженія и точной копіи жизни земной, ибо раемъ для него служитъ земля, а христіанство обѣщаетъ намъ нѣчто лучшее и высшее здѣшней жизни въ загробномъ мірѣ. Любовь къ земному болѣе небеснаго и къ тѣлесному болѣе духовнаго у г. Розанова получаетъ даже религіозное освященіе и возводится въ долгъ: «Я на землѣ ѣмъ и хочу быть свободенъ», пишетъ г. Розановъ, «и это есть моя святыня, святое право и святой долгъ, прежде алтарей и иконъ»—такъ перелагаетъ г. Розановъ на свой сумбурный языкъ слово Писанія: «Богъ для нихъ чрево».—«Пусть человѣкъ» (пока не устроится на землѣ), продолжаетъ В. Розановъ, «весь отдается земнымъ условіямъ. Да благословитъ Богъ его трудъ,—и, вѣрите ли, пока онъ не устроится, Богъ благословитъ и самое забвеніе Себя человѣку!» **). Конечно, отъ подобныхъ нескладныхъ рѣчей, гдѣ Богъ благословляетъ атеизмъ, отдаетъ психопатіей, и иллюстраціей «изъ Розанова» читатели могутъ остаться неудовлетворенными. Въ такомъ случаѣ обратимся къ другимъ авторамъ, не возбуждающимъ подобныхъ подозрѣній.

Передъ нами проф. А. Н. Гилярова «Введеніе въ философію», но и здѣсь проблема безсмертія трактуется по методу В. Розанова. «Чѣмъ больше наше воображеніе», пишутъ здѣсь, «стремится оторваться отъ земли, тѣмъ скуднѣе и бѣднѣе его вымыслы. Нѣтъ ничего болѣе блѣднаго, чѣмъ перенесенные въ «потусторонній міръ» райскіе сады, гдѣ среди призрачныхъ деревьевъ распѣваютъ призрачные псалмы полулюди, полутѣни. И какая невыносимая скука должна быть въ этихъ садахъ! Простой земной садъ съ сиренью, жасминомъ и жимолостью безпредѣльно и лучше всѣхъ этихъ потусторонніхъ садовъ, а пѣснь соловья и чижа, даже чириканье воробья несравненно слаще призрачнаго псалмопѣнія. Впрочемъ, всѣ грезы, каковы бы онѣ ни были, и объ этомъ, и объ иномъ мірѣ, подсказываются самой землёй, вѣрнѣе—ея грезы, которыми она пополняетъ жизнь, внося въ нее новое разнообразіе. Поэтому всѣ тѣ, кто старается отрѣшиться отъ земли ради иного, не земного міра,

*) *В. Розановъ.* «Вѣчная тема». «Новое Время» 1908, янв. 4, № 11427.
**) *В. Розановъ.* «О русскихъ богоискателяхъ». «Живая Жизнь» 1908, № 1, стр. 5—8.

стараются вдвойнѣ тщетно: отрѣшиться отъ земли невозможно, а въ попыткахъ къ такому отрѣшенію мы мѣняемъ дѣйствительность на призраки. Блаженство, счастье возможно для насъ лишь въ земныхъ опредѣленіяхъ, и если бы нельзя было найти на землѣ того, что насъ вполнѣ удовлетворяетъ, то больше искать негдѣ. Но кто извѣдалъ всю земную жизнь во всей ея полнотѣ? Кто можетъ сказать, что она не способна дать всего, чего мы, въ предѣлахъ возможнаго, желаемъ? Невозможнаго нигдѣ нѣтъ, а все для насъ возможное мы можемъ найти на землѣ. «Ищи и найдешь»—вотъ заповѣдь жизни. Гоняться за призраками неземной жизни значитъ добровольно вносить въ себя смуту и тревогу. Не въ иномъ мірѣ, а на землѣ для насъ успокоеніе, и для нашего тѣла, и для нашего духа» *).

Конечно, можно было бы и не глумиться надъ завѣтнѣйшими и самыми священными для человѣчества чаяніями и вѣрованіями, но отрицательное отношеніе къ вѣрѣ въ безсмертіе неизбѣжно для тѣхъ, кому «отрѣшиться отъ земли невозможно»... Естественно, что тутъ иногда стараются оправдать отрицаніе безсмертія именемъ науки, но даже и воробьямъ изъ рая проф. А. Н. Гилярова пора бы догадаться, что наука тутъ не при чемъ! Это достаточно выяснено всею VIII-ю главою.

Гл. IX. Источники ходячаго мнѣнія о враждѣ религіи и науки. (Заключеніе).

> «Обыкновенные люди имѣютъ возможность не разсуждать о томъ, о чемъ не хотятъ разсуждать... Этимъ путемъ и сохраняются ложныя мнѣнія о религіи».—«Не любящіе истины предлогъ оспаривать ее находятъ въ многочисленности отрицающихъ ее».—«Вѣру вамъ должно дать ваше согласіе съ самими собою, твердый голосъ вашего разума, а не разума другихъ».
>
> *Паскаль* («Мысли»).

Религія и наука не враждебны другъ другу. Религія вообще и христіанская религія въ частности съ вѣрою въ личнаго и

*) Проф. *А. Н. Гиляровъ*. «Введеніе въ философію». Кіевъ, 1906, стр. 105—106.

живого Бога Творца и Промыслителя, въ откровеніе, чудо, въ Божественность Іисуса Христа, Его воскресеніе, въ Св. Троицу и проч. наукою не опровергались и никогда не могутъ опровергаться ею, ибо среди естественныхъ наукъ нѣтъ ни одной науки, которая могла бы заниматься этимъ. Враждебна вѣрѣ не наука, а плохая философія, ложно прикрывающаяся именемъ науки. Этимъ грѣшатъ болѣе всѣхъ матеріализмъ и позитивизмъ. Наконецъ, невѣріе не составляетъ повальной болѣзни ученыхъ, какъ это предполагается ходячимъ мнѣніемъ невѣрующихъ о противорѣчіи религіи и науки; наоборотъ, дѣйствительно ученые люди почти всегда религіозны. Такимъ образомъ для догмата невѣрующихъ о противорѣчіи религіи и науки, на которомъ покоится слѣпой атеизмъ русской интеллигенціи, не имѣется и тѣни основаній въ наукѣ. Естественно возникаетъ вопросъ, откуда же взялось ходячее мнѣніе невѣрующихъ и чѣмъ бы оно могло среди нихъ поддерживаться? Отвѣтъ на это будетъ приличнымъ заключеніемъ всего изслѣдованія о взаимныхъ отношеніяхъ религіи и науки на основаніи голоса самой науки, ея представителей.

1. Мнѣніе о разладѣ религіи и науки есть частный видъ мнѣнія о противорѣчіи вѣры и разума вообще; поэтому оно питается и поддерживается всѣмъ тѣмъ, чѣмъ поддерживается мнѣніе о противорѣчіи вѣры и разума вообще. Въ такомъ случаѣ значительную долю отвѣтственности за распространеніе ходячаго мнѣнія о враждѣ религіи и науки должны взять на себя тѣ философскія ученія, которыми устанавливается большая или меньшая противоположность вѣры и разума. Сюда принадлежатъ: мистицизмъ, агностицизмъ, позитивизмъ и особенно неокантизмъ. Область, обнимаемая религіею, говорятъ намъ тутъ философы, лежитъ за границами разума; истины вѣры не могутъ доказываться разумомъ, такъ что нѣтъ удовлетворительныхъ доказательствъ даже основныхъ истинъ религіи, какъ бытіе Бога и безсмертіе души. Въ религіи все должно держаться на вѣрѣ, чувствѣ, говорятъ здѣсь намъ, и отъ услугъ безсильнаго въ ней разума мы должны отказаться,—насъ приглашаютъ къ слѣпой вѣрѣ сердца и къ самоотреченію разума. Противъ этого, однако, протестуетъ самъ разумъ въ тѣхъ, кто вѣритъ въ истину и знаетъ, что религія христіанская не боится свѣта разума, какъ какая-нибудь еврейская религія человѣконенавистничества и

суевѣрія *). Въ нашей религіи нѣтъ мѣста тѣмъ защитникамъ слѣпой вѣры и гонителямъ разума во имя ея, противъ которыхъ выступаетъ одинъ «русскій» поэтъ.

«Вѣрь,—говорятъ они,—мучительны сомнѣнья!
Съ предвѣчныхъ тайнъ не снять покрововъ роковыхъ,
Не озарить лучомъ желаннаго рѣшенья
Гнетущихъ разумъ нашъ вопросовъ міровыхъ!»
«Нѣтъ,—вѣрьте вы, слѣпцы, трусливые душою!..
Изъ страха истины себѣ я не солгу,
За вашей жалкою я не пойду толпою—
И тамъ, гдѣ долженъ знать, я вѣрить не могу!

С. Надсонъ.

Далѣе авторъ-поэтъ перечисляетъ вопросы, безъ отвѣта на которые жизнь для человѣка мыслящаго теряетъ смыслъ. Это все вопросы, оставляемые, конечно, религіей талмуда и каббалы безъ отвѣта, но зато они озарены яркимъ свѣтомъ Евангелія Бога—Слова, Разума. Въ религіи Безконечнаго Разума не бываетъ тѣсно маленькому человѣческому разуму. Этому учатъ насъ своимъ примѣромъ величайшіе представители разума, какъ вѣрующіе Паскаль, Декартъ и др.

2. Значительную поддержку себѣ ходячее мнѣніе о религіи и наукѣ встрѣчаетъ въ весьма распространенномъ среди «широкихъ круговъ образованнаго общества» ложномъ понятіи о религіи, какъ дѣлѣ сердца, чувства, ненуждающагося въ разсудкѣ. Съ точки зрѣнія этого узкаго понятія о религіи, обнимающей собою всѣ силы и способности духа, оказывается, что «религія избѣгаетъ рефлексіи», какъ сообщается это въ книжкѣ проф. А. Н. Гилярова: «Введеніе въ философію» (Кіевъ 1906, стр. 10); что «Богъ въ силу непостижимости своей есть предметъ не изученія, а вѣры», какъ отъ нутра своего вѣщаетъ или чревовѣщаетъ г. Меньшиковъ (см. объ этомъ гл. I).

3. Но самое это ложное понятіе о религіи, какъ мы наблюдаемъ, порождается слабыми знаніями въ религіозной области,

*) Доказательство этого и опроверженія ходячаго мнѣнія о враждѣ вѣры и разума можно найти въ моихъ сочиненіяхъ, какъ: «Источники ходячаго мнѣнія о вѣрѣ, какъ противоположности разума». Спб., 1896 (Оттискъ статей въ «Странникѣ» 1895, кн. 9—12, и за 1896, кн. 1—3); «Разумность вѣры и безсмысленность невѣрія». (Апологія христіанства) въ «Отдыхѣ Христіанина» 1910, №№ 6, 7, 8—9. (Къ сожалѣнію, оттисковъ этой большой статьи не было сдѣлано); «Курсъ апологетическаго богословія» стр. 30—33, по изд. 3 и 4.

или, говоря точнѣе, религіознымъ невѣжествомъ. Поэтому третьимъ источникомъ ходячаго мнѣнія служитъ религіозное невѣжество, которымъ обязательно украшается наша слѣпо невѣрующая интеллигенція.

4. Держатся вздорныхъ мнѣній о религіи по недостатку теоретическихъ знаній о ней, по невѣжеству; но распространеніе ложныхъ мнѣній о религіи, въ томъ числѣ и мнѣнія о враждѣ религіи и разума, обезпечивается уже и самымъ невѣріемъ: мнѣніе о разладѣ вѣры и разума неизбѣжно для невѣрующихъ, лишенныхъ знанія о согласіи вѣры и разума по собственному опыту; дѣйствительной вѣрѣ вражда съ разумомъ неизвѣстна: о ней говорятъ знающіе вѣру только по ложнымъ слухамъ.

5. Практическіе мотивы разнаго рода точно также оказываютъ сильное вліяніе на распространеніе ходячаго мнѣнія о противорѣчіи религіи наукѣ. Здѣсь прежде всего должны быть отмѣчены соотвѣтствіе и содѣйствіе этого ложнаго мнѣнія интересамъ невѣрія: оно пріятно и выгодно невѣрію униженіемъ здѣсь вѣры, поскольку вѣра имъ представляется отрицаніемъ и стѣсненіемъ разума, такъ высоко цѣнимаго современнымъ европейскимъ міромъ. Ходячее мнѣніе прямо необходимо программному невѣрію соціализма, по требованіямъ партійной тактики въ борьбѣ съ Церковью представляющаго христіанскую религію антикультурною силою мрака и застоя. Какъ видѣли (гл. I), именно соціализмъ взялъ теперь подъ свое особое покровительство этотъ догматъ слѣпого невѣрія и служитъ усердно распространенію его въ интеллигентныхъ полуобразованныхъ массахъ, пробавляющихся газетами и «освободительной» дешевкой. Тутъ въ безграничной слѣпотѣ своей многіе у насъ знакомятся съ христіанствомъ по Бебелю, Энгельсу, Каутскому и т. д., даже по Максиму Горькому! Это довѣріе къ невѣжественной и шарлатанской литературѣ соціализма по религіозно-философскимъ вопросамъ становится источникомъ широкаго распространенія въ потерявшей вѣру средѣ всякаго рода вздорныхъ мнѣній и религіозныхъ предразсудковъ, въ томъ числѣ ходячаго мнѣнія.

Ходячее мнѣніе о противорѣчіи вѣры наукѣ и разуму вообще льститъ самолюбію и тщеславію тѣхъ людей, которые желаютъ казаться въ глазахъ другихъ умными и образованными, передовыми людьми. Еще наблюденіемъ Достоевскаго отмѣчена всегда почти удающаяся уловка глупенькихъ людей, желаю-

щихъ казаться умнѣе: постоянною критикою и возраженіями на все они успѣваютъ производить впечатлѣніе умныхъ головъ. Отецъ русской науки М. В. Ломоносовъ именно психологіей тщеславія объясняетъ происхожденіе ходячаго мнѣнія о разладѣ религіи и науки, когда пишетъ: наука и религія «никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ». И это понятно въ людяхъ пустыхъ и тщеславныхъ: предразсудокъ о враждѣ религіи и разума сообщаетъ видъ нѣкоторой интимной близости къ сферѣ научной тѣмъ, которые не стоятъ къ ней ни въ какихъ отношеніяхъ, или въ самыхъ отдаленныхъ. Такимъ образомъ мелочность и тщеславіе здѣсь даютъ особенный вѣсъ и заманчивость предразсудку. Самые пустые люди считаютъ необходимымъ украшеніемъ своимъ, можетъ быть по инстинкту самосохраненія, это ходячее мнѣніе о противорѣчіи вѣры разуму. Не разрывая съ вѣрою, здѣсь, однако, стараются показать, что она—ярмо для головъ, такъ туго набитыхъ знаніями; даже гимназисты не упускаютъ случая передъ кѣмъ слѣдуетъ похвастаться, что головы ихъ, обремененныя науками, одолѣваютъ сомнѣнія, что они «отгоняютъ ихъ», эти сомнѣнія, и такимъ образомъ приносятъ жертву вѣрѣ, думая сдѣлать этимъ угодное Богу.

7. Не имѣя для себя основаній въ Библіи и въ ученіи Церкви, ходячее мнѣніе подкрѣпляетъ себя отступленіями людей отъ христіанской религіи, какими были случаи гоненія на ученыхъ и науку, особенно въ средніе вѣка, отъ имени христіанской религіи, на основаніи несогласій науки съ Библіею. Въ этихъ гоненіяхъ, однако, виновато не христіанство съ Библіею, а плохое пониманіе христіанства и ложное воззрѣніе на Библію, какъ книгу богодухновенную во всемъ составѣ отъ содержанія до словъ и буквъ включительно, а потому служащую непогрѣшимымъ руководствомъ и въ вопросахъ естественныхъ наукъ. Здѣсь также заслуживаетъ серьезнаго вниманія невѣрующихъ мудрое и справедливое слово знаменитаго нѣмецкаго педагога, натуралиста и географа Карла Раумера (1783—1865). «Когда невѣрующіе люди нашего времени», говоритъ Раумеръ, «съ злорадствомъ, всего болѣе вреднымъ для нихъ самихъ, выискиваютъ въ исторіи христіанства слабыя, а то и ужасныя страницы, то они при этомъ упускаютъ

изъ вниманія самое важное,—именно, что всѣ эти грѣхи и слабыя стороны въ исторіи христіанства, какъ, напр., религіозныя войны, инквизиція, рабовладѣльчество и т. п., не плоды ученія Христа, а плоды отпаденія отъ этого ученія, слѣд.—косвенныя доказательства достоинства христіанства. Напротивъ, ужасы язычества и магометанства вытекали изъ самой вѣры языческой и магометанской» (Всеобщ. Геогр.) *).

8. Въ концѣ концовъ, однако, главная причина широкаго распространенія ходячаго мнѣнія о разладѣ религіи съ наукою въ «широкихъ кругахъ образованнаго (?) общества» заключается въ самой психологической природѣ ходячихъ мнѣній: они не любятъ провѣрки и этимъ крѣпко держатся, какъ неподлежащіе критикѣ, неуязвимые для разума догматы. Такихъ догматовъ у невѣрія много, и среди нихъ первое мѣсто по важности и степени распространенія занимаетъ ходячее мнѣніе о враждѣ религіи и науки, терпѣливо и тщательно разсмотрѣнное и опровергнутое мною въ предлагаемомъ моемъ трудѣ.

Да, ходячее мнѣніе о враждѣ религіи и науки здѣсь опровергнуто голосомъ самой науки. Для добросовѣстнаго и не вполнѣ ослѣпленнаго предразсудкомъ читателя и даже для читательницъ, труднѣе читателей поддающихся голосу разумнаго убѣжденія, это несомнѣнно. Однако, по опыту я нисколько и здѣсь, какъ и всегда, не обольщаю себя мыслью о какомъ-либо особенномъ успѣхѣ своихъ стараній въ разъясненіи истины и въ опроверженіи заблужденія. Долголѣтній опытъ неустаннаго сѣянія добраго сѣмени Евангелія всегда на каменистой и тернистой нивѣ невѣрія и лжевѣрія, отведенной мнѣ волею Провидѣнія, не оставляетъ мѣста никакому самообольщенію. Сѣю, потому что вѣрю въ непреложную истину слова Божія (Гал. VI, 9); сѣю, пока не разбросаю всего, даннаго мнѣ Богомъ, сѣмени, до близкаго ухода туда, гдѣ будетъ жатва и для сѣятелей, по слову Господа (Іоан. IV, 36).

Невѣріе кричитъ всегда о нарушеніи правъ и стѣсненіи разума въ религіи, а само все построено на нагломъ отрицаніи его, когда для своего сохраненія избѣгаетъ разумной провѣрки своихъ мнѣній, принимаемыхъ на вѣру, съ вѣтру! Какое уваженіе къ разуму! Невѣріе чувствуетъ, что разумная провѣрка его дог-

*) *H. Engel.* «Die grössten Geister über die höchsten Fragen», p. 50—51.

матовъ была бы концомъ его. Вотъ объясненіе того, почему наша «передовая», т. е. невѣрующая, интеллигенція какъ огня боится религіознаго знанія, богословской науки и спасается въ своемъ невѣріи только невѣжествомъ. Невѣріе ея основано не на знаніи или разумныхъ основаніяхъ, оно не плодъ критическаго изученія вѣры, какого-либо знакомства съ ней, а есть само родъ вѣры, при томъ слѣпой. Я увѣренъ, для нея безполезны всѣ опроверженія ея догматовъ, подобныя данному въ предлагаемомъ сочиненіи. Опроверженіемъ и вразумленіемъ, даже самыми убѣдительными, нежелающіе видѣть слѣпые не вразумляются, а только раздражаются и озлобляются. Говорю это я по многолѣтнему своему опыту. Нѣтъ предѣловъ бѣшенству противниковъ истины, когда ихъ прижмешь къ стѣнѣ. Тѣмъ все и кончается для нихъ! Но—благодареніе Богу!—есть среди интеллигенціи и ищущіе истины, только не знающіе путей къ ней. Для такихъ только и пишу я, какъ бы ихъ ни было мало.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Религія и наука. 3
Гл. I. Отношеніе ученыхъ къ религіи, или вопросъ о религіозныхъ убѣжденіяхъ ученыхъ. 9
Гл. II. О невѣріи ученыхъ вообще и невѣріи русскихъ ученыхъ въ частности. 33
Гл. III. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію невѣрующихъ ученыхъ. 62
Гл. IV. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію индифферентныхъ и сомнѣвающихся ученыхъ (агностиковъ). 90
Гл. V. Религія и наука въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ по воззрѣнію вѣрующихъ ученыхъ. 104
Гл. VI. Библія и наука. 125
Гл. VII. Чудо и наука. 135
Гл. VIII. Вѣра въ безсмертіе и наука. 151
Гл. IX. Источники ходячаго мнѣнія о враждѣ религіи и науки. (Заключеніе). 167